

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

ДИТЯ МАЛОРОССІЙСКОЙ ПРИРОДЫ

ИВАНЪ ИВАНОВИЧЪ

КУЛЕБЯКИНЪ.

РОМАНЪ

ВИКТОРА ХЛЮДЗИНСКАГО.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ТОВАРИЩЕСТВА «ОБЩЕСТВЕННАЯ ПОЛЬЗА»,
по Мойкѣ, № 5.
1869.

ПРЕДИСЛОВІЕ АВТОРА.

Если ты мой добрый читатель привыкъ съ удовольствіемъ встрѣчать въ романахъ повѣствованія о трагическихъ сценахъ и о вызванныхъ, доходящимъ до самозабвенія, чувствомъ любви грандіозныхъ подвигахъ, то едва ли въ этой книгѣ найдешь ты кое-что, гармонирующее съ твоимъ вкусомъ. Здѣсь безъ претензій на поэтически-высокій полетъ мысли, просто описывается чуждая всякихъ экзальтацій жизнь одного смертнаго, давно уже переселившагося въ иной міръ, смертнаго, о которомъ сохранились только во мнѣ задушевно-теплыя воспоминанія. Ихъ-то я теперь и передаю тебѣ въ этомъ разсказѣ.

Но если ты съ любовью останавливаешь свое вниманіе и надъ обыкновенными явленіями, которыми такъ обиленъ потокъ нашей обыденной жизни; и если черезъ жолчь и муть, которыми онъ такъ полнъ, тебѣ пріятно любоваться вырывающимися изрѣдка свѣтлыми струями, которыми такъ привѣтно утоляютъ жажду добрыя души, то быть можетъ и эта книга дастъ тебѣ то, чего ты ищешь въ чтеніи. Она введетъ тебя въ кругъ новыхъ лицъ, то симпатичныхъ, то забавныхъ, то такихъ, отъ которыхъ

ты, быть можетъ, съ отвращеніемъ отвернешься. Но не дѣлай этого, другъ мой! Если и смѣшны и злы будутъ люди, которыхъ ты здѣсь встрѣтишь, то помни, что они не призракъ моего воображенія, а наши братья по отчизнѣ. Поэтому лучше пожалѣй ихъ; и если порою на устахъ твоихъ скользнетъ улыбка ироніи, то какъ бы мнѣ было любо видѣть, если бы сквозь этотъ смѣхъ твой прорывались слезы той горячей печали, какую чуетъ въ себѣ всякій добрый человѣкъ при видѣ горя своего ближняго.

1867 года.
Село Старый Дворъ.

В. Хлюдзинскій.

ГЛАВА I.

Il-y-a quelque chose de plus haut que l'orgueil et de plus noble que la vanité, c'est la modestie; et quelque chose de plus rare que la modestie, c'est la simplicité.

Послѣдніе лучи жаркаго, лѣтняго малороссійскаго солнца пекли невыносимо усердно, а между тѣмъ Иванъ Ивановичъ Кулебякинъ все-таки спалъ подъ открытымъ небомъ и спалъ крѣпко и сладко. Расположился онъ на небольшомъ пригоркѣ, обращенномъ къ югу болѣе покатою своею стороною; другою стороною пригорокъ примыкалъ къ лѣсистой изгороди, составлявшей предмѣстье видимой невдалекѣ усадьбы. Расположился Иванъ Ивановичъ Кулебякинъ на этомъ сухомъ и открытомъ пригоркѣ самымъ свободнымъ и пріятнымъ образомъ, такъ что проходившіе недавно по дорогѣ бурлаки, завидѣвъ со стороны его вѣтвистую фигуру, не могли скрыть своего удовольствія: остановились, поглазѣли нѣсколько минутъ передъ Иваномъ Ивановичемъ и порѣшили, что его поза представляетъ типъ недосягаемой граціи. Насколько такое заключеніе соотвѣтсвовало истинѣ — всякій можетъ судить по своему вкусу; а что касается до меня, то я долженъ сознаться въ сочувствіи моемъ эстетическому воображенію прошедшихъ бурлаковъ. Дѣйствительно въ фигурѣ Ивана Ивано-

вича было много идеально-прекраснаго: вопервыхъ, она не колола глаза тою угловатостью, которая, какъ лиса за зайцемъ, — гоняется за различнаго рода канцелярскими крючками и тощими франтами послѣдней чахоточной моды, а напротивъ, представляла отовсюду такія благословенныя выпуклости, что человѣку незнакомому съ галушками, кулебякою и дынями фигура Ивана Ивановича могла бы легко показаться нѣсколькими соединенными между собою глобусами. Во вторыхъ и объемъ ея былъ почтительнаго размѣра, или хотя по крайней мѣрѣ въ пятеро превосходилъ объемы тѣхъ толстенькихъ чиновниковъ, которые съ трудомъ пролезаютъ въ дверцы кареты и нисколько не присѣдая подсматриваютъ въ замочную скважину—какого вида ихъ новый начальникъ и пронюхиваютъ, чѣмъ напомаженъ онъ: гривеннишною ли помадою или шестигривенными духами, изъ чего они выводятъ различныя весьма полезныя умозаключенія. У нашего же помѣщика объемъ тѣла и ростъ его, какъ мы уже и выше объ этомъ сказали, были значительнаго размѣра, такъ что Иванъ Ивановичъ уже не только съ двадцатаго года своего благополучнаго житія не влезалъ ни въ одну каретную дверцу, но даже и въ простую комнатную ему удавалось это предпріятіе исключительно въ послѣдніе дни великаго поста; въ остальное же время всѣ двери его дома по обыкновенію стояли совершенно настежъ. Что касается до роста, то Иванъ Ивановичъ напрямикъ былъ великанъ: точно такъ какъ тѣ почтенные чиновники не сгинаясь смотрѣли въ скважину — Иванъ Ивановичъ, почти не поднимаясь на цыпочки, преспокойно, бывало, упирался маковкою въ потолокъ своего неособенно высокаго домика и всякій разъ чесалъ себѣ такимъ образомъ затылокъ, поворачивая въ разныя стороны голову; отъ этой операціи на потолкѣ оставались различнаго рода пятна и фигуры до того иногда затѣйливыя и живописныя, что приходскій дьячекъ, поэтъ и другъ Ивана Ивановича сочинилъ на счетъ ихъ торжественную оду, которую и я привелъ бы вамъ читатели,

если бы не старался избѣгнуть излишняго многословія, почему обращусь снова къ живописной позѣ Ивана Ивановича. Иванъ Ивановичъ, какъ я уже сказалъ, лежалъ на пригоркѣ подъ открытымъ небомъ, навзничь. Круглая голова его съ гладко остриженными волосами лежала какъ отдѣльный шаръ по прямой оси тѣла лицемъ къ небу; выраженія у него, какъ у соннаго, въ лицѣ конечно не было — такъ какъ глаза были старательно закрыты; впрочемъ, если угодно, то скорѣе оно выражало доброту, чѣмъ хитрость, и въ настоящую собственно минуту словно сіяло удовольствіемъ отъ вкушаемыхъ сновидѣній. Что касается красоты его или правильности, то право ничего рѣзкаго я не запомнилъ, хотя зналъ Ивана Ивановича также хорошо и всесторонне, какъ мою старинную наслѣдственную чернильницу; впрочемъ, чтобы дать все-таки понятіе объ его habitus'ѣ, я совѣтую обратиться къ стариннымъ календарямъ, изображенные въ которыхъ мѣсяцы въ видѣ круга и трехъ точекъ будутъ портретами очень наглядными. И это говорю я отнюдь не наобумъ, а по примѣру, такъ какъ свѣжо еще помню, что знакомыя (уже покойнаго теперь Кулебякина) старушки-помѣщицы, роясь въ своихъ старыхъ календаряхъ для пріисканія дней памяти Св. Угодниковъ, всякій разъ бывало ошибались, принимая попадающіяся имъ изображенія полнолуній за портреты покойнаго. Но если по очертанію и формѣ можно было дѣйствительно отыскать здѣсь сходство — то это сравненіе отнюдь не простиралось на цвѣтъ — такъ какъ мѣсяцъ обыкновенно блѣденъ, а лице Ивана Ивановича было рыже-клюквеннаго цвѣта, съ малиновымъ отливомъ. Носъ и губы были довольно пропорціональны и оба отличались своею краснотою, круглотою и одутловатостію; остальное все было на своемъ мѣстѣ и нужно предполагать, что въ старину Иванъ Ивановичъ былъ настоящимъ степнымъ красавцемъ.

Послѣ головы слѣдовалъ *непосредственно* второй шаръ — туловище; шеи у Ивана Ивановича слѣдовательно не было. Чтобы

составить понятіе о туловищѣ Ивана Ивановича довольно представить опрокинутый вверхъ дномъ банный котелъ Кулебякина, потому что талія у Ивана Ивановича пропала уже давнымъ давно, а именно съ того времени, когда, вскорѣ послѣ нашествія Французовъ, наступило сряду нѣсколько умолотныхъ урожаевъ. Но даже если пускаться и въ физическія свойства, то и тутъ мое сравненіе не захромаетъ: такъ напр.: это туловище въ нашемъ случаѣ имѣло совершенно металическій блескъ: засаленый нарядъ Ивана Ивановича до того представлялъ лоснящуюся поверхность, что солнечные лучи, падая на него, отражались въ разныя стороны, словно отъ выпуклаго зеркала. Во вторыхъ оно имѣло одинаковую съ котломъ огнепостоянность; по крайней мѣрѣ въ нѣкоторой степени: такъ напр. подобно котлу, при усиленной температурѣ бани, туловище Ивана Ивановича также долго противодѣйствовало жару и наконецъ раскалялось совершенно до красна, послѣ чего для охлажденія его (равно какъ и котла) требовался одинаковый промежутокъ времени. Наконецъ это сходство относилось и къ назначенію обоихъ предметовъ, такъ какъ въ желудкѣ Ивана Ивановича постоянно слышалось бурленіе и журчаніе и тому подобные звуки, производимые въ свою очередь и котломъ, когда въ немъ кипятили воду для обмытія тѣла его господина. Отъ туловища въ четыре стороны распростирались четыре оконечности.

Эти оконечности располагались такимъ образомъ, что чрезвычайно удачно указывали на четыре части свѣта, и если бы смотрѣть на Ивана Ивановича съ аэростата, то онъ вѣрно представился бы намъ въ видѣ компасной звѣзды. Слѣдуетъ однако замѣтить, что эти четыре развѣтвленія главной фигуры были довольно соразмѣрны и хотя кисть руки въ растопыренномъ состояніи смахивала на большіе огуречные листья, а ноги напоминали собою немножко нижегородскія полозья, но все таки въ отношеніи къ величинѣ, которой они составляли части, они свидѣтельство-

вали только о гармоническомъ развитіи и силѣ всего богатырскаго организма.

Въ такомъ положеніи Иванъ Ивановичъ преспокойно спалъ подъ лучами полуденнаго знойнаго солнца и на него слетали самыя сладкія сновидѣнія.

Видитъ онъ себя въ лѣтъ двадцать тому назадъ молодымъ удальцомъ, съ кудрявою головою и въ голубой бекешѣ. Бекеша эта и по сію пору виситъ еще въ кладовой покойнаго и надобно отдать ей справедливость, что въ старину она была отмѣнно красивою вещью; правда она сильно полиняла и изъ голубой стала уже почти палевою, но если обратить вниманіе на вышитые по ней цвѣточки и насаженныя различнаго калибра и вещества пуговицы, то слѣдуетъ сознаться, что едва ли персидскій коверъ могъ состязаться съ нею въ красотѣ и пестротѣ цвѣтовъ; но что болѣе всего достойно было уваженія въ этой бекешѣ,—такъ это число находящихся въ ней кармановъ. Числа этого я въ точности привести не могу, такъ какъ ни разу у меня не хватало времени перечислить ихъ отъ верху до низу; но я отлично помню, какъ покойный, гуляя однажды со мною по полямъ возлѣ засѣяннаго гороха, сощипывалъ въ карманы стручки, когда возвратился домой и вытрясъ ихъ на софу, то образовавшаяся куча была не много чѣмъ менѣе гусиной корзины. Любя вообще удобства всѣхъ житейскихъ предметовъ, Кулебякинъ поэтому въ особенности благоволилъ къ своей бекешѣ и потому не мудрено, что теперь въ минуты сладкихъ грезъ о прошедшемъ, эта бекеша выдвинулась на первое мѣсто сновидѣнія. А картина сна по истинѣ была достойна вниманія, такъ что и я даже припоминаю ее, чтобы изобразить передъ вами читатели. И такъ Иванъ Ивановичъ видитъ себя молодымъ юношею, съ курчавою головою и въ голубой бекешѣ, идущимъ съ ружьемъ въ рукахъ вдоль берега рѣки противъ усадьбы сосѣдняго помѣщика. Тихій вечеръ царствуетъ въ воздухѣ; дышется Ивану Ивановичу какъ-то особенно легко —кругомъ

все такъ тихо, такъ тихо, что даже ухо городской сплетницы ничего не почувствовало бы.

Вдругъ прозвучалъ знакомый голосъ.... Иванъ Ивановичъ вздрогнулъ и безсознательно оборотилъ глаза—оборотилъ и взоръ его упалъ на молоденькую дѣвушку, полную, румяную, краснощекую русскую красавицу, со всѣмъ тѣмъ, на что разбѣгается глазъ двадцатилѣтняго молодца; онъ уже и прежде зналъ, что встрѣтитъ ее въ этомъ мѣстѣ, потому что сосѣдняя просфорня не даромъ заработала въ этотъ день двѣ полтины и торжественно объявила въ кабакѣ, что черезъ три дня Иванъ Ивановичъ и Акулина Ивановна—сочетаются законнымъ бракомъ; но когда желанная мечта осуществилась, сердце его ёкнуло отъ страха и онъ, смущенный отъ незнанія что дѣлать, начинаетъ тщательно сморкать свой носъ!

Между тѣмъ Акулина Ивановна давнымъ давно уложила своихъ стариковъ въ спальню и поджидала черноокаго Жана или попросту Ваню, съ которымъ не видалась она цѣлые три года. Эта хитрянка и теперь подсмѣивалась, видя смущеніе тающаго отъ очарованія охотника и, улыбаясь ему ироническою улыбкою, проворно сбѣгаетъ съ берегу и наконецъ садится въ лодку. Начала работать здоровая упругая ручка, и съ каждымъ ударомъ весла робость и удовольствіе все выше и выше, съ какимъ охлаждающимъ пріятнымъ, но тягостнымъ, журчаньемъ подступали къ горлу Ивана Ивановича. Наконецъ лодка пристаетъ къ берегу, дѣвушка выходитъ и смелехонько направляется къ нашему герою и диво!... на героя нападаетъ такой трепетъ и смущеніе, какого онъ не испытывалъ даже и тогда, когда покойный отецъ, послѣ проказъ сынка, приближался къ нему съ пучкомъ богомерзкаго злака, именуемаго *крапивою.* Тогда, бывало, онъ по крайней мѣрѣ вопіялъ о пощадѣ или отправлялъ всѣ душевныя и тѣлесныя силы въ пяты.... теперь же увы! Ни на то, ни на другое не хватаетъ духу и стоитъ онъ бѣдняга, словно осужденный на великое испытаніе. И странно становится Кулебякину такое его положеніе. Онъ при-

поминаетъ свое прошедшее и ясно видитъ передъ собою всѣ прежнія встрѣчи и бесѣды съ Кулею, подругою его дѣтства, съ которою онъ проводилъ большую часть своего времени, отъ пеленокъ до бекеши; и видитъ, что въ этихъ встрѣчахъ и бесѣдахъ не было ничего страшнаго или щекотливаго—напротивъ, только вмѣстѣ съ нею и могъ онъ бывало съ удовольствіемъ порѣшить тотъ арбузъ, который попадался ему въ награду за добронравіе и успѣхи въ наукахъ. Отъ чего же это теперь, послѣ трехъ лѣтъ разлуки, въ теченіи которыхъ оба они продолжали науку въ различныхъ губернскихъ городахъ, отъ чего же это теперь встрѣча это возбуждаетъ въ немъ такое волненіе? Ужъ не отъ того ли, что она учинена съ помощью просфорни, такъ какъ папеньки и маменьки, по не понятной для него причинѣ, запретили въ послѣднее время ихъ свиданія? Но нѣтъ, не можетъ быть, чтобы онъ охотникъ съ ружьемъ и даже заряженнымъ поддался робости... нѣтъ это вовсе не робость, это что-то совершенно иное....

Покамѣстъ Иванъ Ивановичъ старался объяснить себѣ свое смущеніе Куля очутилась уже передъ нимъ. Боже мой, какая въ ней перемѣна! Она уже не дѣвочка въ коротенькой юпочкѣ—а тутъ—кой чортъ коротенькая... здѣсь на ней волнуется уже длинное роскошное платье, обхватывающее корсетомъ талію, соразмѣрную стройную, съ полнымъ отраженіемъ благословеннаго развитія женственной природы. Въ этомъ личикѣ уже нѣтъ свободной улыбки, прямодушнаго ребяческаго выраженія; нѣтъ — тутъ ужъ Богъ вѣсть, по чему загорѣлась ланита легкимъ румянцемъ стыда и глазъ не смотритъ прямо и открыто, а затянула его густо опушенная вѣка; только порою откроется онъ и взглянетъ на тебя минуткою и тогда, фу ты пропасть!... въ немъ какой-то особенный блескъ, котораго и самому тебѣ досматривать становится какъ-то не ловко. Въ этомъ личикѣ уже нѣтъ болѣе смѣющихся губокъ и зубокъ, а только однѣ сжатыя подергивающіяся тонкія уста, молча краснорѣчивыя. Только одинъ румянецъ остался все тотъ же и

какъ зарево на небѣ разливался по ея пухлымъ щечкамъ и дѣлалъ Кулю въ глазахъ Ивана Ивановича чудною красавицею.

— Ваня.... Иванъ Ивановичъ здравствуйте, ну здравствуйте! поцѣлуемтесь же мы съ вами?... говоритъ ободрительно дѣвушка.

Иванъ Ивановичъ становится окончательно въ тупикъ и отступаетъ нѣсколько шаговъ назадъ.

— Иванъ Ивановичъ, да неужели вы не узнали меня или словно боитесь?... Вы не здороваетесь даже со мною... уже не сердитесь ли вы на меня, Иванъ Ивановичъ?

— Помилуйте... никогда — нижайше кланяюсь, осмѣлился пробормотать тогда охотникъ и сдѣлалъ нѣсколько шаговъ впередъ.

— Ну наконецъ-то.... сказала Куля.

Тутъ наступаетъ сладкая минута сновидѣнія — Ваня и Куля цѣлуются и цѣлуются нѣсколько разъ; о Боже, Боже мой, думаетъ Иванъ Ивановичъ, какъ ты милостивъ, сколько посылаешь ты намъ радостей! И дѣйствительно мягкая душа его испытуетъ истыя небесныя наслажденія: онъ гуляетъ съ Кулею рука объ руку, нашептываетъ ей рѣчи любви; она улубается ему ласково и привѣтливо, потреплетъ по щекѣ, или по крѣпче прижметъ къ себѣ Ваню и снова они идутъ робкими шагами вдоль по берегу; и какъ все это случилось, Иванъ Ивановичъ совершенно не понимаетъ, онъ и не въ состояніи теперь понять этого; все его психическое настроеніе упивается и исчерпывается теперь чарами любви и внѣ себя въ цѣломъ мірѣ онъ не сознаетъ никого, кромѣ Кули. А между тѣмъ этотъ міръ съ налеганіемъ сумерокъ уже давно наполнился различными криками вечернихъ, лѣтнихъ пѣвцовъ нашихъ, и что касается камаровъ, то они положительно гудѣли надъ головами влюбленныхъ и нѣсколько изъ нихъ уже залѣзло Ивану Ивановичу въ самую глубину носа; но Иванъ Ивановичъ ничего этого не чувствовалъ; онъ все дышалъ любовью и шелъ впередъ, какъ вдругъ оба они съ Кулею падаютъ внизъ

другъ на друга... они попали въ канаву. Не знаю, такъ ли это происходило на яву, но во снѣ Иванъ Ивановичъ видитъ, что они снова поднимаются съ Кулею на окопы и снова падаютъ внизъ другъ на друга. Эти паденія даютъ Ивану Ивановичу невыразимое наслажденіе и вотъ онъ уже чувствуетъ чрезвычайно рельефно цѣлый рядъ паденій, цѣлый рядъ чудно пріятныхъ ощущеній и таетъ отъ блаженства. Душа его какъ бы паритъ постоянно въ пространствѣ съ сладостнымъ замираніемъ и только по временамъ она связывается какими-то тягостными узами въ видѣ паденія на землю другъ на друга влюбленныхъ, и снова паритъ въ безпредѣльномъ пространствѣ до новаго очаровательнаго паденія... Радостно бьется сердце и кипитъ кровь у Ивана Ивановича при этомъ сладкомъ сновидѣніи, которому увы! какъ и всѣмъ земнымъ радостямъ человѣка не суждено было долго продлиться: что-то мягкое, косматое и мокрое безцеремоннымъ образомъ стегнуло Ивана Ивановича по физіономіи, и вслѣдъ за тѣмъ въ ушахъ его раздался пронзительный лай. Эти два обстоятельства пробудили Ивана Ивановича; онъ приподнялся и когда протеръ глаза, то увидѣлъ ѣдущую по дорогѣ брычку, сопровождаемую оглушительнымъ лаемъ собакъ. Нужно замѣтить, что собаки Ивана Ивановича были чрезвычайно фамильярны и многочисленны, почему и не мудрено, что одна изъ нихъ во время стремительнаго бѣга на дорогу задѣла, какъ мы видѣли, лапою физіономію помѣщика, и что лай цѣлой стаи могъ такъ легко разрушить его богатырскій сонъ. Если вѣрить разсказамъ, то лай кулебякинскихъ собакъ всегда былъ слышенъ въ трехъ сосѣднихъ уѣздныхъ городишкахъ, за что и не рѣдко претендовали на Ивана Ивановича тамошніе городничіе, а потому дѣйствіе его въ этомъ случаѣ, становится совершенно понятнымъ.

Въ брычкѣ на которую такъ яростно лаяли собаки ѣхалъ молодой господинъ въ шапкѣ съ голубымъ околышемъ — сирѣчь студентъ. Когда экипажъ поровнялся съ пригоркомъ, то Иванъ

Ивановичъ уже стоялъ на срединѣ дороги съ твердымъ намѣреніемъ удержать проѣзжающаго. Онъ былъ простякъ въ душѣ и къ нему не прививались утонченныя приличія, по которымъ слѣдуетъ оказывать каждому встрѣчнему и поперечнему своеобразныя вѣжливости; но подъ вліяніемъ своего радушія считалъ совершенно приличнымъ завербовать проѣзжающаго къ себѣ гостемъ, поэтому то и помѣстился онъ по срединѣ дороги, словно инстинктивно сознавая, что почтовая тройка, наѣхавъ на такую какъ онъ твердыню, сама собою остановится. Это дѣйствительно такъ и случилось, несмотря на то, что изумлённый ямщикъ посылалъ сначала Кулебякина «съ дороги» и потомъ трижды послалъ его къ чорту. Какъ бы то ни было, но брычка остановилась. Иванъ Ивановичъ сильно обрадовался этому обстоятельству, передвинулся на край дороги, и завидя оттуда голубой околышекъ, принялъ привѣтливую позу и обратился къ студенту съ слѣдующими словами:

— Осмѣливаюсь спросить васъ, государь мой, не изволили-ли утомиться переѣздомъ, и не пожелаете-ли возстановить свои и сихъ (при этомъ Иванъ Ивановичъ довольно авантажно показалъ на ямщика и лошадей) силы въ моемъ имѣніи отдохновеніемъ и паче чего...

— Покорнѣйше благодарю васъ, отвѣчалъ нетерпѣливо студентъ; мнѣ путь далекъ, а время коротко; прощайте!

— Э — нѣтъ государь мой!... Да какъ же это такъ? Да этакъ у насъ ей, ей не водится. Нѣтъ ужъ вы, милостивый государь, господинъ студентъ, ужъ вы того... не побрезгайте, окажите удовольствіе... насчетъ вашего и *прочихъ* у меня отдохновенія.

— Ну, ей, ей не могу я воспользоваться вашимъ гостепріимствомъ, говорилъ студентъ, давая знакъ ямщику; я право очень вами благодаренъ, но нѣтъ возможности, вѣдь лошади почтовыя...

— Отговорки, отговорки, отецъ мой: вы говорите себѣ ужъ, что

хотите, а вы мой гость... ей, ей мой гость; что за бѣда, что лошади почтовыя? Вотъ только позвольте ямщику вашему предложить утолить жажду его... *тѣмъ*... и дѣло въ шляпѣ; а ужъ за напитками дѣло-съ не станетъ и ямщику и намъ, того сего какъ при обѣдѣ водится — будетъ вдоволь. А и обѣдъ то отецъ мой у меня сегодня на славу: именно будто бы я и готовилъ его для такого званаго, какъ вы, гостя!

Послѣ этихъ словъ нахмуренная физіономія ямщика просіяла чѣмъ-то умильно-прекраснымъ, и озадаченный студентъ, поглядѣвши попристальнѣе на Кулебякина, при видѣ его добродушнаго лица, сдѣлаяся нѣсколько усидчивѣе, хотя все-таки не рѣшался воспользоваться такимъ страннымъ неожиданнымъ приглашеніемъ.

— Эхъ вы, вы, молодой народъ!—экая бабья капуста—сдѣлалась душа человѣческая! Ну ей, ей въ былые годы мы не чванились по вашинскому! Коли проситъ человѣкъ, ну отчего же къ нему не заѣхать; а то тутъ еще думаютъ и рѣшаютъ съ полдня, будто съѣхать съ почтовика въ сторону — все равно, что въ океанъ отправиться. Да, знаете, что я, бывало, вотъ ѣдучи такъ, какъ вы, не только что не отнѣкиваюсь, коли куда запрашиваютъ, а просто на просто — лишь только почувствую, что въ желудкѣ отъ треволненій дорожныхъ чахотка развивается, разомъ и долой съ почтовика, да и гуляю потомъ дня три у перваго помѣщика... Ну да Богъ съ нею старина.... а вотъ настоящее-то, обѣдецъ-то мой.— это по существеннѣе. Тутъ того, и арбузики и огурчики, и рябчики, и уточки и пирожки съ разною припекою и ароматическимъ запахомъ....

Вѣроятно у студента было сильно развито чутье; онъ, слушая послѣднія слова Ивана Ивановича, самодовольно потянулъ носомъ воздухъ и, по всей вѣроятности, почувствовавъ (по тому кухонному запаху, который проголодавшіеся чуятъ несравненно далѣе, чѣмъ любой становой приставъ контрабанду) справедли-

вость словъ помѣщика, довольно пріятно улыбнулся, пригласилъ Кулебякина къ себѣ въ брычку и оба они покатили въ сторону отъ дороги къ барскому дому.

Когда черезъ нѣсколько минутъ они обогнули пригорокъ и въѣхали въ прогонъ, то глазамъ студента представился весь видъ Каганцевъ — имѣнія Ивана Ивановича. Барскій домъ былъ низенькій и широкій, словно лепешка, которую пришлепнула сверху, сажая въ печь разсердившаяся баба. Прищурившись, можно было открыть въ немъ нѣсколько миніатюрныхъ окошечекъ, а болѣе всего въ цѣломъ фасадѣ его бросалась въ глаза соломенная крыша, съ нѣсколькими расположенными на ней аистовыми гнѣздами. Гнѣзда эти были ровестники самой крыши и воспитали въ себѣ цѣлыя поколѣнія совершенно ручныхъ въ Каганцахъ аистовъ, такъ что и теперь торчавшія на нихъ птицы не обращали нималѣйшаго вниманія на брычку студента, хотя колеса этой брычки, не получая долго продовольствія, уже подняли между собою довольно внушительный ропотъ. Напротивъ барскаго дома стояла людская изба, въ которой оконъ нельзя было замѣтить даже прищурившись; но за то она была красиво отѣняема столпившимися вокругъ нея липами. По бокамъ тянулись различныя, довольно пестрыхъ цвѣтовъ, хозяйственныя постройки, съ такимъ множествомъ дверей и дверецъ, что издалека они сильно смахивали на прострѣленную пулями мишень. Въ сторонѣ, совершенно одиноко, подобно разочарованному подъячему, смиренно торчалъ колодезный жоровъ; впрочемъ, на немъ, вмѣсто пузырька съ чернилами, висѣло обыкновенное водоносное ведро. Далѣе видны были еще какія-то постройки, но до того сѣренькія и приплюснутыя, что и замѣтить ихъ становилось трудно. Но если постройка усадьбы была такая невычурная и простенькая, то нельзя этого сказать о роскошномъ тѣнистомъ садѣ, который окружалъ собою съ одной стороны всю селитьбу. Правда, онъ былъ уже довольно запущенъ, но это еще болѣе прида-

вало ему красоты, особенно въ моихъ глазахъ. Я и теперь живо еще помню тѣ безконечныя, темныя, липовыя алеи, на которыхъ читались вѣка—не годы. Въ нихъ была вѣчная прохлада, сумерки и какой-то особенно сладкій шопотъ, особливо въ полуденный зной, когда я особенно любилъ навѣщать ихъ. Фруктовыхъ деревьевъ въ саду этомъ было множество; росли они то симметрически, то въ разбросъ, и не разъ, бывало, я пріятно удивлялся, когда, продираясь черезъ густые полувысохшіе кусты орѣшняка и колючаго бурьянника (дѣдовника), вдругъ нападалъ на вишню, обвѣшенную такими сочными ягодами, что даже становилось самому неловко отъ усерднаго слюнотеченія. Множество кустовъ различныхъ ягодъ попадались на каждомъ шагу и не въ одномъ саду въ концѣ Іюня не опасно для желудка гулять такъ, какъ опасно это въ Каганцахъ. Дорожки и бесѣдки въ немъ давнымъ давно всѣ повывелись и остались только слѣды ихъ; впрочемъ, довольно грустные, какъ и всякое напоминаніе о разрушенномъ прошедшемъ. Но особенно красивъ былъ этотъ садъ со стороны. Онъ располагался нѣсколько наклонно по скату горы и былъ такъ густъ и непроницаемъ, что когда, бывало, подъѣзжая къ Каганцамъ, смотришь на него издали, то онъ кажется сплошнымъ зеленымъ войлокомъ, наплотно прильнувшимъ къ землѣ; и только изрѣдка стройные тополи, какъ башни, далеко уходили въ небо и придавали много живописи этой роскошной растительной стѣнѣ. Не знаю, любовался ли нашъ студентъ видомъ сада, но онъ не оставилъ безъ вниманія грозди высовывавшихся зрѣлыхъ яблоковъ и отдыхающихъ на землѣ арбузовъ, и чѣмъ болѣе ласкали его воображеніе эти картины, тѣмъ болѣе его физіономія принимала привѣтливое выраженіе. Впрочемъ, изрѣдка, когда онъ взглядывалъ на окружающіе его плетни, съ нанизанными на кольяхъ для просушки горшками, чулками и нѣкоторыми иными декораціями, на его лицѣ, Богъ вѣсть почему, появлялась гримаса; но появлялась она мгновенно и охотно

уступала мѣсто инымъ, болѣе благотворнымъ впечатлѣніямъ. Наконецъ они подъѣхали къ крыльцу барскаго дома.

Настала пора выходить изъ экипажа. Дверцы съ обоихъ сторонъ отворились, и послѣ двухъ ударовъ о землю, изъ которыхъ послѣдній былъ такъ силенъ, что даже пристяжная съежилась отъ страха и приложила уши, Григорій Ильичъ Шалтаевъ и Иванъ Ивановичъ Кулебякинъ очутились на землѣ. Иванъ Ивановичъ тотчасъ, приведя въ довольно энергическое движеніе свой корпусъ обогнулъ кругомъ брычку и подошелъ съ подогнутою рукою къ Шалтаеву. Шалтаевъ подалъ руку Ивану Ивановичу и оба они, съ пріятными улыбками, рука объ руку, начали взбираться на крыльце. Взобравшись, Иванъ Ивановичъ старательно отеръ съ носу пыль, а съ чела потъ, предложивъ сдѣлать то же самое и гостю; послѣ чего повелъ его во внутренніе покои. Здѣсь глазамъ гостя представилось безчисленное множество отдѣльныхъ аппартаментовъ, назначенія которыхъ едва бы могъ разсказать вамъ первоначальный хозяинъ и строитель дома. Это были маленькія комнатки, загроможденныя пузатыми комодами, поджарыми шкафами, креслами, которыя въ нашу эпоху легко вмѣстили бы въ себя не одну, а цѣлую пару современныхъ персонъ. Подъ каждымъ окномъ стояли деревянные столики, чрезвычайно неуклюжіе съ сильно запятнаннымъ верхомъ, такъ что видъ ихъ походилъ на весьма затѣйливый пестрый ситецъ. Кое гдѣ попадались даже и диваны съ жесткими, какъ камень, кожаными подушками, которыя только порыжѣли, отнюдь не думая изнашиваться, хотя онѣ, по всей вѣроятности, имѣли честь считаться ровестниками Людовика XIV-го. Но вообще говоря, эти комнатки были чрезвычайно уютны и если въ нихъ не раздавалось при шагахъ вашихъ эффектное эхо, то за то, въ зимнюю пору, когда на дворѣ трещатъ не только земля, но и носы человѣческіе отъ мороза, въ этихъ комнатахъ была самая благорастворенная температура, внушающая сонъ, истому и нѣгу. Я очень любилъ этотъ патріархальный

домикъ съ множествомъ составляющихъ его клѣточекъ, особливо въ то время, когда бывало изъ каждаго окна лѣзли въ комнату вѣтви съ обильными гроздями зрѣлыхъ вишень; и, по правдѣ говоря, эти украшенія были далеко изящнѣе тѣхъ индѣйскихъ пѣтуховъ, амуровъ и Наполеоновъ, въ позолоченныхъ рамахъ, которые, изукрашенные и уразноображенные мухами, искони красовались и украшали, по мнѣнію Ивана Ивановича, стѣны этого завѣтнаго домика.

Сдѣлавъ съ дюжину поворотовъ, Иванъ Ивановичъ привелъ наконецъ Григорія Ильича въ столовую. Эта комната дѣйствительно была *столовая*, такъ какъ въ ней ничего кромѣ столовъ не обрѣталось. За то и столы здѣсь стоящіе достойны были удивленія. Богъ-вѣсть, откуда и какимъ образомъ собрались они здѣсь изъ разныхъ странъ и историческихъ временъ; но не рѣшая этого вопроса, я только замѣчу, что типы ихъ были достаточно разнообразны, чтобы напомнить вамъ фигуру любаго вашего знакомаго. Такъ напр., иные смахивали на широкія сѣнныя кучи; другіе были узенькіе и стремившіеся въ потолокъ; третьи вслѣдствіе замысловатыхъ ногъ казались подбочившимися франтами, четвертые же казались совершенно танцующими, при чемъ даже одна нога превантажно какъ-то поднималась вверхъ. Эта разнохарактерность столовъ искони дала поводъ Ивану Ивановичу дать имъ собственныя имена, заимствованныя изъ аналогіи между столами и фигурами различныхъ знакомыхъ Ивана Ивановича. Такъ напр. самый широкій, приземистый, брусничнаго цвѣта столъ носилъ названіе Свербяги, толстаго городничаго изъ сосѣдняго уѣзднаго города. Узенькій, въ углу стоящій столикъ прозывался Козолупикомъ, въ честь поджараго бывшаго дьячка сосѣдней приходской церкви. Другіе слыли Поджигалами, Кособочками, Кургузянками, но болѣе всего долженъ обратить на себя вниманіе въ настоящемъ случаѣ одинъ изъ солиднѣйшихъ столовъ столовой Ивана Ивановича — это Растопырька. Этотъ столъ былъ приземистъ,

фіолето-рыжаго цвѣта, съ широко-расходящимися внизу ногами, такъ что, глядя на растопырьку, можно было подумать, будто его валятъ на бокъ какіе-то тайныя силы, а онъ, борясь съ ними, знай себѣ растопыривается и ни на волосъ не уступаетъ съ своего лѣниваго равновѣсія. Въ настоящемъ случаѣ, растопырька былъ наряженъ въ синеватую скатерть и украшенъ множествомъ графиновъ, рюмочекъ, блюдъ, мисокъ и тарелокъ. Паръ густыми облаками валилъ кверху изъ стоящихъ на немъ горячихъ блюдъ, играя радужными цвѣтами, когда проходилъ солнечные лучи; ароматъ былъ обворожительный и такъ ласково щекоталъ всякаго въ носу, что самъ растопырька чихнулъ бы даже отъ удовольствія, если бы отъ постоянной сырости разливаемыхъ на немъ винъ не страдалъ хроническимъ насморкомъ.

Что же касается до нашихъ героевъ, то они правда не чихали, но все-таки съ наслажденіемъ вдыхали въ себя окружающую атмосферу, чувствуя все большіе и большіе приливы дружелюбія. Видно, что оба они любили поѣсть. Послѣ нѣкоторыхъ взаимныхъ привѣтствій они наконецъ усѣлись и между ними завязался слѣдующій разговоръ:

— А что, отецъ мой, вы по какой намѣреваетесь прогуляться, по малиновой или по вишневой?

— Все равно, отвѣчалъ Григорій Ильичъ, можно и по малиновой; а у васъ крѣпкая малиновая?

— Крѣпчайшая батюшка; а вы, того, къ какой соблаговолите болѣе: къ крѣпчайшей или сладчайшей?

— Ни къ одной, мнѣ все равно, отвѣчалъ Шалтаевъ, наливая рюмку наливки.

— Такъ не позволите ли, батенька, если вамъ не нравится малиновая, предложить винограднаго — мадерцы, напримѣръ?

— Нѣтъ, не стоитъ труда, мнѣ эти вина все равно, я вѣдь только такъ спрашивалъ, отвѣчалъ Шалтаевъ, накладывая себѣ въ ротъ галушекъ.

Иванъ Ивановичъ тоже началъ накладывать гебѣ галушекъ и когда на тарелкѣ его образовалась значительная копа, то онъ принялъ мѣры, чтобы отправить ее по назначенію. Во все время, покамѣстъ онъ раза три повторилъ подобную манипуляцію, оба рта усердно жевали и молчаніе не прерывалось. Наконецъ Иванъ Ивановичъ, выбравъ удачную минуту, чтобы вздохнуть отъ усталости, снова началъ разговоръ въ слѣдующемъ родѣ:

— А позвольте узнать, дорогой гость, куда и откуда вы путь держите? Да не прикажите ли подложить вамъ гусятинки или утятинки, или курятинки, не прикажите ли?

— Нѣтъ, я уже сытъ, отвѣчалъ понурившись Шалтаевъ; а вы хотите знать, куда я ѣду? — гмъ, да этого и самъ я пожалуй не знаю.

Иванъ Ивановикъ съ удивленіемъ взглянулъ на своего гостя и предполагая, что онъ еще не наѣлся, что желаетъ полакомиться предложилъ ему либо огурчиковъ, либо арбузика.

Шалтаевъ снова отвѣчалъ, что онъ сытъ.

— Такъ не изволили-ли, батюшка, позабыть что; вы этакъ, какъ будто безпокоитесь о чемъ-то? спросилъ участливо Кулебякинъ.

— Вотъ еще, отвѣчалъ Шалтаевъ; безпокоиться! о чемъ мнѣ безпокоиться? Я никогда не безпокоюсь.

— Да, оно, собственно такъ и слѣдуетъ. Человѣкъ вы молодой, только что развѣ въ дорогѣ... Впрочемъ дѣйствительно, если путь не далекъ, то и въ самомъ дѣлѣ безпокоиться нечего. А позвольте узнать, далеко ли путь вашъ лежитъ?

— Далеко еще, отвѣчалъ Шалтаевъ; и надоѣлъ онъ мнѣ проклятый; впрочемъ ну его — не въ томъ дѣло; скажите мнѣ далеко-ли здѣсь до Варыгина?

— А вы, батюшка, не знаете ли Евтихія Мироныча Пупученьки, помѣщика тамошняго?

— Нѣтъ, я его не знаю, но я товарищъ его сына.

— Такъ-съ — товарищъ; а хорошій, прекрасный этотъ чело-

вѣкъ Евтихій Мироничъ; дружелюбный такой и, того, — душа на распашку; откровеннѣйшая натура; сынокъ его доложу я вамъ...

— Отъявленная ничтожность, перервалъ нетерпѣливо Шалтаевъ; ну, а все-таки до Варыгина-то отъ васъ далеко ли?

Иванъ Ивановичъ снова съ удивленіимъ посмотрѣлъ на Шалтаева и отвѣчалъ ему нѣсколько обиженнымъ и боязливымъ тономъ.

— Варыгино то и очень не далеко, да того, ужъ и сынокъ-то.... ужъ позвольте мнѣ замѣтить, ужъ и сынокъ то Евтихія Мироныча не совсѣмъ подобно тому какъ вы...

— А сколько верстъ до Ворыгина? спросилъ опять Шалтаевъ.

— Да верстъ тридцать будетъ; впрочемъ можетъ быть и двадцать, а мнѣ думается, что и того меньше, вѣдь у насъ, батюшка, версты здѣсь немѣренныя; сколько есть, столько и ѣдешь — и за все слава Господу.

— У васъ кажется ничего тутъ нѣтъ, не только что столбовъ по дорогѣ, но даже и людей, замѣтилъ Шалтаевъ.

— Ну, народу оно и въ самомъ дѣлѣ теперь быть можетъ у насъ мало; рабочая пора, знаете, батюшка. На дорогѣ мало кого встрѣтите; а что касается до верстъ, то версты иной разъ на почтовикѣ, пожалуй, и на каждой верстѣ попадаются.

Шалтаевъ сердито улыбнулся.

— А позвольте спросить, откуда путь держите? спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— Изъ Петербурга, отвѣчалъ Шалтаевъ.

— Отличнѣйшій должно быть городъ; красота, можно сказать, преотмѣнная, недовѣрчиво произнесъ Иванъ Ивановичъ.

— Кой чортъ красота! красоты нигдѣ нѣтъ; а городъ? городъ самъ по себѣ ничего порядочный и даже большой, хотя добраго въ немъ мало.

— Гмъ... большой, а добраго мало, повторилъ наивно Иванъ

Ивановичъ; а не позволите-ли, батюшка, предложить вамъ вотъ теперь арбузиковъ; послѣ антракта арбузики въ видѣ лакомства, очень занимательно.

— Можно, прелаконически отвѣчалъ Шалтаевъ и снова наступило молчаніе. Когда арбузы исчезли, то Иванъ Ивановичъ счелъ нужнымъ возобновить разговоръ, переведя его на иную тему.

— А должно быть вы предпочитаете деревенскую жизнь; и вѣдь въ самомъ дѣлѣ деревенская жизнь, можно сказать, великое благо. Тутъ почти находишь себѣ полное удовольствіе: всякаго рода виды, мѣстности и тому подобныя деревенскія кушанья. Вотъ напримѣръ хоть бы я живу себѣ въ деревнѣ, при полномъ довольствѣ и при всякихъ удовольствіяхъ. Сегодня цѣлый день гуляю, завтра отдыхаю и ѣмъ, что вздумается и что Господь Богъ уродитъ. Уродитъ циплятокъ, я ѣмъ циплятокъ; уродитъ арбузики — я ѣмъ арбузики; а вѣдь подумай въ городѣ, гдѣ все съ копѣйки, гдѣ нѣтъ природы и все, съ позволенія сказать, не свѣжее...

— Да много и тамъ свинства, отвѣчалъ Шалтаевъ; но вѣдь оно и вездѣ такъ; куда не оглянешься, всюду только грязь да безобразія, такъ что и мы сами становимся подъ конецъ тѣмъ же чѣмъ гнушаемся.

— И это вѣрно за грѣхи, замѣтилъ Кулебякинъ.

— Нѣтъ, это и безъ грѣховъ такъ, продолжалъ гость; такъ ужъ все создано, что нигдѣ нѣтъ ни добраго, ни худаго, потому что вѣрно все худо. Ну, да намъ съ вами, впрочемъ, до этого нѣтъ никакого дѣла.

— И я тоже думаю, подтвердилъ Иванъ Ивановичъ, но все таки думается, что деревенская жизнь...

— Получше городской быть можетъ; но, гдѣ бы у васъ Иванъ Ивановичъ прилечь не много?

— А вы отдыхать изволите послѣ обѣда? А вотъ сейчасъ

вамъ постелютъ. Ей Грицко, Терешко, ей хлопцы! закричалъ Иванъ Ивановичъ, давайте вотъ этому пану перины, да помягче плуты; да поживѣе!

— Не надо перины мнѣ; это лишнее; я просто прилягу вотъ на томъ диванѣ, рѣшилъ Шалтаевъ.

— Напрасно, напрасно не хотите перинокъ-то; ну, а если не хотите, такъ что же дѣлать; ужъ я ими воспользуюсь и въ сосѣдствѣ къ вамъ прилягу отдохнуть немножко; я также, знаете, привыкъ немножко отдохнуть послѣ обѣда, и именно немножечко; если не вздремнуть, то хотя глаза пожмурить.

Черезъ нѣсколько минутъ Иванъ Ивановичъ и Шалтаевъ лежали другъ противъ друга во весь ростъ и покуривали табачекъ; Первый изъ длиннѣйшаго чубука съ трубкою такого размѣра, что въ нее безъ труда умѣстился бы гарнецъ крупъ; второй изъ какого-то неопредѣленнаго цвѣта и матеріала мундштука. Иванъ Ивановичъ снова первый прервалъ молчаніе.

— Да, Григорій Ильичъ, деревенская жизнь... о деревенская жизнь — есть преблаженная жизнь! Это есть истинное удовольствіе и постоянное наслажденіе. Здѣсь знай себѣ гуляй широкая душа и натура русская; здѣсь тебѣ приволье и поохотиться и погулять и все такое; а если кто и хозяйствомъ занимается, тому тоже много пріятнаго. Вотъ напримѣръ хотя выращиваніе арбузовъ? А кто семьянинъ, тому тоже много пріятностей: дѣтки, жена и все прочее. А кто и постарше, тому тоже много пріятностей: отдыхай себѣ да и кончено, ни кто тебѣ не помѣшаетъ. Впрочемъ семейному человѣку больше пріятностей; какъ вы думаете объ этомъ, Григорій Ильичъ?

— Не для всякаго: для васъ можетъ быть, а для меня это все равно, отвѣчалъ, не оборачивая головы, Шалтаевъ, глаза котораго безсознательно разгуливали по потолку.

— И дѣйствительно, быть можетъ, что такъ, замѣтилъ Иванъ Ивановичъ! Ну и въ самомъ дѣлѣ, для васъ оно ни то, ни се, а

для меня, такъ гораздо приличнѣе: вѣдь во всякомъ случаѣ семейный человѣкъ — съ женою и дѣтьми все таки семейный и не то что старый холостякъ, который самъ по себѣ ни то, ни се.

Снова наступило молчачіе. Немного погодя, Шалтаевъ слышалъ, какъ Иванъ Ивановичъ снова началъ распространяться о деревенской и семейной жизни, но немножно уже не связно. Сонъ по привычкѣ началъ клонить его не нашутку и вскорѣ фразы завязли у него во рту. Мало по малу глаза начали слипаться и перестали уже видѣть купидона, висѣвшаго на стѣнѣ и срывающаго розу съ высочайшаго дерева; а напротивъ имъ представился какой-то высочайшій купидонъ, срывающій розу съ самой земли, и что эти розы вдругъ превращались въ зрѣлыя клубничники. Вслѣдъ затѣмъ ему показалось, что у купидона есть купида и купидята и объ всемъэтомъ онъ все еще долго рапортовалъ своему гостю. Наконецъ мало по малу вмѣсто фразъ съ языка его срывались одни только слоги потомъ однѣ только буквы и напослѣдокъ по всѣмъ комнаткамъ домика пронеслось такое звонкое храпеніе, что издалека можно было подумать, будто вдругъ въ немъ открылась какая нибудь обширнѣйшая и многосложная фабрика. Шалтаевъ, видя что хозяинъ не только что жмуритъ глаза послѣ обѣда, но довольно основательно спитъ, и не имѣя надобности будить его, вышелъ потихоньку изъ дому и велѣлъ подавать лошадей. Къ этому времени наступали уже сумерки; прохлада подала на землю, и застоявшіеся кони легко и бѣшено помчали брычку къ почтовику; черезъ нѣсколько минутъ она скрылась за горою и остались на дворѣ успокоивающихся уже Каганцевъ одни только изумленные мальчуганы; они цѣлою толпою съ разинутыми ртами стояли, глядя на поднятую пыль и преусердно чистили пальцемъ свои носы, словно желая извлечь оттуда объясненіе такого быстраго исчезновенія гостинаго поѣзда.

ГЛАВА II.

Seele des Menschen
Wie gleichst du den Wasser!
Schiksal des Menschen
Wie gleichst du dem Wind!

Göthe.

Между тѣмъ грезы, одна другой лучше непереставали навѣщать Кулебякина. Семейный быть все рельефнѣе и рельефнѣе рисовался его воображенію: вотъ видитъ онъ себя довольно уже полненькимъ господиномъ (хотя и теперь худощавымъ онъ отнюдь не былъ), съ приличными баками, завернутымъ въ преобширнѣйшій халатъ, и преспокойно расположеннымъ на диванѣ въ цѣлой кучѣ подушекъ. У него на головѣ преуютная ермолочка, работанная нѣжными ручками, которыя теперь самымъ привѣтливымъ способомъ треплятъ его по лбу, щекамъ, бородѣ и поправляютъ распахнувшійся на воротѣ халатъ его. Очи Ивана Ивановича помаленьку скользятъ вдоль рукъ и въ это время у него появляются особаго рода пріятныя мечты и ощущенія; наконецъ его взоръ упадаетъ на молоденькое, свѣжее женское личико, такое розовенькое и пухленькое, что казалось, будто бы на немъ вмѣсто щечекъ вызрѣли яблочки. Это личико весело и дружелюбно ему улыбается; губки становятся тогда такими хорошенькими, что Ивану Ивановичу хочется поцаловать ихъ и онъ—онъ ихъ цалуетъ... фу, какое несбыточное блаженство! даже не вѣрится ему. Однако дѣйствительно поцалуй совершенъ и

даже звукъ его все еще отдается въ ушахъ Ивана Ивановича. Глазки этой молоденькой женщины во все время смотрятъ невыразимо быстро и лукаво; они такъ кажись и читаютъ у него въ душѣ всѣ самомалѣйшія движенія и только порою, когда ресницы упадутъ на щеки, блескъ ихъ исчезаетъ; но новая прелесть смущенной красавицы еще болѣе восхищаетъ Ивана Ивановича. А что, думаетъ онъ, въ самомъ ли дѣлѣ угадаетъ эта красавица мои мысли и желанія? И вотъ загадываетъ онъ разныя разности самыя занимательныя и обворожительныя: то загадаетъ вдругъ малиновое варенье и вдругъ хорошенькая женщина вскакиваетъ и приноситъ ему на блюдечкѣ варенье и именно малиновое; но мало того что она приноситъ малиновое варенье, она даже беретъ ложечку и тщательно собственноручно лакомитъ Ивана Ивановича. Задумаетъ ли Иванъ Ивановичъ арбузикъ и арбузикъ вдругъ является передъ его глазами; задумаетъ ли галушки либо варенуху и въ рукахъ заботливой красавицы появляется чашка съ горячими галушками и варенухою. Захочетъ ли Иванъ Ивановичъ пирожка и тотчасъ пирогъ, да еще не простой а узорчатый и съ многосложною начинкою подносится къ нему на двухаршинномъ блюдѣ. Иванъ Ивановичъ разрѣзаетъ пирогъ и приходитъ въ пріятнѣйшее удивленіе. Все, что производили только когда либо лакомаго его Каганцы, все это совмѣщалось въ начинкѣ этого пирога. Тутъ можно было найти и цыплятокъ и индюшатокъ, и грибки и яблочки, и вареніе и кашку и редиску и различнаго рода жиры и масла. Все это вмѣстѣ было чрезвычайно вкусно, но всего вкуснѣе были ласковые слова этой милой женщины: «ѣшь Ваня, ѣшь голубчикъ, это я тебѣ испекла пирожекъ такой: одинъ передъ тобою, а два еще въ печи». Эти слова, исполненныя истино-голубиными чувствами, сильно разнѣжили Ивана Ивановича и онъ наконецъ подъ вліяніемъ своего восторга задумалъ такую витіеватую штуку, на исполненіе которой онъ даже и самъ не надѣялся: ему захотѣлось понянчить ребеночка съ кудрявою

головкою на личикѣ котораго въ одно и тоже время можно было видѣть портреты и Ивана Ивановича и этой чудной красавицы. И каково же было удивленіе Кулебякина, когда вдругъ изъ сосѣдней комнаты является таже хорошенькая женщина, съ такимъ же хорошенькимъ кудрявымъ мальчикомъ... Иванъ Ивановичъ всматривается въ мальчика и чудо! половина личика его—настоящій портретъ этой красавицы, а другая половина настоящій портретъ его—Ивана Ивановича Кулебякина. Иванъ Ивановичъ уже начинаетъ таять отъ изумленія и удовольствія, какъ вдругъ мальчикъ протягиваетъ къ нему рученки и говоритъ: папа, папа, папа...

Впечатлѣніе отъ этого было такъ сильно, что Иванъ Ивановичъ крякнулъ и проснулся. Тогда онъ протеръ глаза и началъ пристально вглядываться въ стѣны комнаты, какъ бы желая дать себѣ отчетъ, не на яву ли надѣляетъ его судьба такими картинами? Но комната была непроницаемо темна, и только съ востока занималась на небѣ алая заря. Иванъ Ивановичъ принялъ ее было сначала за вечернюю, но, услышавъ крикъ пѣтуха, имѣвшаго обыкновеніе ночевать на чердакѣ, прямо надъ потолкомъ его спальни, и сообразивъ географическое положеніе зари, догадался, что онъ пропочивалъ не только цѣлый вечеръ, но даже и ночь. Какъ ни старался Иванъ Ивановичъ сомкнуть потомъ свои глаза, они какъ будто нарочно таращились все болѣе и болѣе, словно ихъ соблазнялъ какой нибудь неугомонный бѣсъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ и воображеніе Ивана Ивановича такъ сильно разгуливало, что улечься ему теперь было несравненно труднѣе, чѣмъ даже петербургскому дворнику на послѣдній день масляной; поэтому сонъ вовсе не ишелъ къ Ивану Ивановичу и онъ порѣшилъ проводить время до разсвѣта въ постели въ размышленіи. Тутъ передъ нимъ снова уже знакомою чередою перешли въ памяти только что виденныя заманчивыя картины, и чувства Ивана Ивановича такъ глубоко проникались этими картанами, что всталъ онъ полуразстроеннымъ. Цѣлый даже слѣдующій день

онъ былъ какъ-то особенно не въ духѣ; проклятыя и вмѣстѣ съ тѣмъ пріятныя сновидѣнія неотразимо лезли ему въ голову, толпились тамъ и долго занимали цѣликомъ всю его память, такъ что даже халатъ оказался надѣтымъ у Ивана Ивановича наизнанку. Когда Иванъ Ивановичъ подмѣтилъ, съ чего смѣялись его челядинцы, ему и самому сдѣлалось невыносимо досадно; онъ даже трижды плюнулъ и столько же послалъ къ чорту и студента и свои, сновидѣнія какъ причину и вредное ея послѣдствіе; но все таки отвязаться отъ нихъ не могъ никакимъ образомъ; онъ даже иной разъ нарочно зажмуритъ глаза и думаетъ: а вотъ авось, какъ притворюсь спящимъ, такъ и забуду про нихъ окаянныхъ. Но дѣло выходило иначе. Лишь только онъ зажмуривался, хорошенькая женщина, галушки, варенуха, арбузъ, кудрявый мальчикъ и его крикъ: папа, папа, папа—такъ и мелькали передъ глазами, щекотами въ носу, дрожали въ ушахъ у несчастнаго Ивана Ивановича. Только послѣ обѣда онъ нѣсколько успокоился, и то это удалось ему непрежде, покамѣстъ онъ уже порядкомъ начинилъ свой желудокъ. Къ вечеру на него снова начала нападать хандра и онъ наконецъ рѣшился для развлеченія пройтись съ ружьемъ въ рукахъ вокругъ своихъ посѣвовъ. А вотъ не попадется ли перепелка, думалъ Иванъ Ивановичъ.

Только тотъ, кто самъ бывалъ на Украйнѣ, можетъ вообразить вечернюю картину тамошней природы, особливо въ концѣ лѣта, когда весь воздухъ пропитанъ запахомъ зрѣлыхъ плодовъ и хлѣба; а это именно и было то благословленное время, въ которое человѣкъ собиралъ обильные плоды трудовъ своихъ. Иванъ Ивановичъ не успѣлъ еще обогнуть своего овина, какъ уже на него пахнуло сладкимъ, смолянымъ ароматомъ, который обыкновенно вѣетъ на насъ съ посѣвныхъ полей; онъ давно не гулялъ по своимъ окрестностямъ, давно уже не дышалъ чистымъ воздухомъ гонимымъ съ широкаго поля, и потому сразу почувствовалъ какую-то легкость на груди и пріободрился. Чѣмъ далѣе онъ углублялся

въ волнующееся море пшеницы, и чѣмъ все болѣе и болѣе тонули въ преспективѣ его Каганцы, тѣмъ живѣе начинали глядѣть глаза этого домосѣда. Видно было, что какъ будто въ немъ вспыхнуло что-то давно прошедшее, съ которымъ онъ еще разстался почти вдругъ, послѣ того какъ переѣхалъ къ себѣ въ Каганцы и завернулся въ халатъ; и въ этомъ отблескѣ отошедшей молодости ясно выглядывала и широкая и живая душа его, и быстрый орлиный взглядъ, и заносчивая осанка, и все что носитъ на себѣ отпечатокъ свѣжей силы и энергіи. Онъ посреди широкихъ полей своихъ, подъ открытымъ горизонтомъ, словно проснулся и почувствовалъ волю... удалую, разгульную, былую волю, которой казалось не было предѣла, какъ нѣтъ его для той безпредѣльной будущности, въ которую полные стремленій, глядятъ очи всякаго юноши. Иванъ Ивановичъ весь оживился, стряхнулъ старину и подъ вліяніемъ играющихъ съ нимъ недавнихъ грезъ казался совершенно еще цвѣтущимъ мужчиною; онъ весело глядѣлъ впередъ, шагалъ бодро и безъ усилія, перескакивалъ всѣ рытвины и канавы, какъ будто жизнь окружающей его природы придавала ему какія-то новыя силы. А дѣйствительно въ этой природѣ много было величественнаго и воодушевляющаго: широкое, безпредѣльное, голубое небо, безъ малѣйшихъ оттѣнковъ и облачковъ, раскидывалось надъ нимъ знакомымъ сводомъ. Глаза каждый разъ утопали въ этой чистой лазури, когда Иванъ Ивановичъ поднималъ ихъ вверхъ, съ цѣлью оторвать отъ земли и напрасно поймать что нибудь въ небесномъ пространствѣ. Только изрѣдка степныя ястребы перерѣзывали струною воздухъ надъ его головою или кружились въ поднебесьи, ярко сверкая каждый разъ крыломъ, когда они перекувыркивались передъ солнцемъ; порой ласточка нырнетъ словно стрѣла книзу, шарахнется крыломъ о землю и снова исчезнетъ, совершенно мгновенно. На краю небесъ изъ-за нагорной рощи поднимался блѣдный полумѣсяцъ, но онъ съ трудомъ былъ видимъ при яркомъ солнцѣ, которое свѣтило ровно

и жгуче. Вся окружавшая его долина медленно колыхалась при дуновеніи вѣтра; колосья зыбались, перепутывались, бились другъ о друга съ особеннымъ суховатымъ шепотомъ; и Ивану Ивановичу пріятно было слѣдить игру ихъ вольнообразнаго движенія и вслушиваться въ этотъ знакомый шелестъ. Канавы и межи, по которымъ онъ шелъ, были покрыты высокою въ поясъ травою и усыпаны большими разноцвѣтными головками дикихъ цвѣтковъ. Почти на каждомъ шагу изъ подъ ногъ его вырывались мелкія птички; они съ звонкимъ пискомъ переносились впередъ, и сновали иной разъ возлѣ самого него, да такъ близко, что того и гляди, что которая нибудь изъ нихъ ему попадетъ въ глазъ или въ ухо. Но онъ смотрѣлъ миролюбиво на этихъ маленькихъ обитателей его владѣній, забавлялся ими и отнюдь не думалъ дразнить и тревожить ихъ своимъ присутствіемъ; напротивъ, онъ даже нарочно обѣгалъ межи, желая высматривать ихъ въ травѣ, покойно прыгающихъ и промышляющихъ себѣ добычу. Когда онъ наклонялся книзу, чтобы сорвать какое нибудь растеньице, хоръ насѣкомыхъ оглушалъ его со всѣхъ сторонъ, и ему становилось тѣмъ веселѣе, чѣмъ звучнѣе лилася эта музыка, и чѣмъ болѣе названныхъ гостей лезло ему въ ротъ и ноздри. Между тѣмъ вкругъ него все движилось, словно жило; даже и вѣтеръ одушевлялся, холодилъ его горячее лицо, шелестилъ травами и приносилъ къ нему душистый запахъ всего того, что росло въ окружающемъ мірѣ. Наконецъ онъ миновалъ поле и вышелъ на открытый лугъ, за которымъ съ одной стороны сверкало озеро, а съ другой темнѣлъ синій боръ и виднѣлось сжатое поле, съ множествомъ пестраго люда убиравшаго на немъ снопы. Иванъ Ивановичъ, не думая, направился въ эту сторону и вышелъ на дорогу. Тутъ ему всплошь начали встрѣчаться длинныя колымаги, нагруженныя хлѣбомъ. Овода́ звучно гудѣли вокругъ медленной пары воловъ и каждый разъ осыпали цѣлымъ роемъ Ивана Ивановича, когда онъ равнялся съ телѣгою; но онъ не обращалъ на это вни-

манія, привѣтствовалъ сопровождающій возъ паробка, щупалъ, сухи-ли снопы въ возу и весело продолжалъ свой путь далѣе. Такимъ образомъ онъ уже началъ приближаться къ мѣсту полевой уборки. Крикъ и говоръ работающихъ уже доносилися до него и онъ съ удовольствіемъ наблюдалъ всеобщее движеніе, летаніе изъ рукъ въ руки золотистыхъ сноповъ, смѣхъ и побранки. Онъ пристально вглядывался и любовался этою движущеюся картиною, въ которой было такъ много игривой и простой неизысканной живописности, что она долго удерживала на себѣ глаза не только Кулебякина, но и другихъ прохожихъ. Долго простоялъ онъ здѣсь, перемолвливаясь съ дѣвчинами и шутя подсмѣивался паробкамъ, которыхъ смуглыя, покрыты, пótомъ, разгорѣвшіяся лица и сильныя, полныя, ретиво работающія руки носили на себя ясный отпечатокъ роскошнаго физическаго благополучія, покамѣстъ наконецъ работы не стали подходить къ концу и почувствовавшаяся прохлада не напомнила ему о приближеніи ночи. Тогда Иванъ Ивановичъ потянулъ вдоль дороги къ лѣсу, съ намѣреніемъ обогнуть одинъ островокъ и вернуться домой. Уже нѣсколько звѣздъ блеснуло на небѣ; надобно поторопиться, думаетъ Иванъ Ивановичъ.

Вдругъ изъ-за ближайшихъ, на поворотѣ дороги растущихъ ивовыхъ кустовъ выѣхалъ возъ съ пшеницею; о бокъ, небрежно размахивая руками съ люлькою во рту, шелъ паробокъ, а на возу сидѣла какая то фигура. Иванъ Ивановичъ началъ пристально въ нее всматриваться и когда возъ нѣсколько поворотился, то онъ распознналъ, что на возу сидѣла дѣвушка. «Экъ ее куда угораздило, будто ребенокъ какой, взобралась на возъ, подумалъ Иванъ Ивановичъ; а дай-ка заглянуть ей въ личико»! Тутъ Иванъ Ивановичъ прищурился и вперилъ свои глаза въ сидящую на возу дѣвушку; вдругъ потомъ онъ остановился и опустилъ руки отъ изумленія; онъ почувствовалъ даже, что его волоса превращаются въ щетину, а вмѣсто крови въ жилахъ струится такая холодная гадость, что все его тѣло

приходитъ въ настоящій лихорадочный параксизмъ; нѣсколько секундъ почти простоялъ онъ въ такомъ смущенномъ видѣ. «Да нѣтъ, думаетъ наконецъ Иванъ Ивановичъ, это уже ей-ей не сонъ, а сущая правда.... а какая красавица, какая красавица, и какъ похожа на ту!... Да это просто она, она и она»! Тутъ Иванъ Ивановичъ попробовалъ для возстановленія своей бодрости немножко кашлянуть. Ему это удалось и онъ сталъ посмѣлѣе; въ это же самое время красавица оглянулась, бросила на Ивана Ивановича взглядъ и Боже мой, что за лукавый и острый взглядъ! Онъ такъ таки напрямикъ вошелъ въ сердце Ивану Ивановичу и произвелъ такія сильныя ощущенія, что ему даже заикалось. Но это еще болѣе его ободрило и онъ рѣшился вымолвить ей даже привѣтствіе:

— Здравствуйте барышня, пріятной прогулочки вамъ желаю, произнесъ Иванъ Ивановичъ, вѣжливо раскланиваясь.

— Благодарю васъ Иванъ Ивановичъ, и вамъ того же, отвѣчала дѣвушка, улыбаясь ему.

— Э, да вы меня, прекрасная барышня, знаете! вскрикнулъ изумленный и обрадованный Кулебякинъ.

— Я васъ давно уже знаю; вѣдь я сосѣдка ваша, Иванъ Ивановичъ, отвѣчала она.

— Чрезвычайно пріятно; невыразимо пріятно; а позвольте узнать, гдѣ ваше мѣстожительство?

— Я отца Парамона дочь.... Авдотья; да нѣтъ—лучше Дуня, Дуня; помните ли маленькую Дуню? Вѣдь вы бывало ее нянчили Иванъ Ивановичъ!

— Какъ такъ, это ты?... Дуня?... виноватъ, это развѣ вы, Авдотья Парамоновна? Да нѣтъ, что это я говорю, нѣтъ это вѣрно не вы...

— Ха, ха, ха.... залилась дѣвушка. Кто же я такая, Иванъ Ивановичъ, когда не Дуня; и неужели я такъ измѣнилась въ эти пять лѣтъ — или неужели вы меня уже забыли?

— Какъ забыть, какъ забыть? Нѣтъ, забыть я не забылъ, а

узнать ей-Богу не могу; да нѣтъ, Авдотья Парамоновна, это вѣрно не вы?

— Ну полно вамъ Иванъ Ивановичъ дурачиться.... это я; ей-Богу я, вотъ посмотрите даже родимая моя мѣточка, наивно продолжала дѣвушка, открывая Кулебякину свою упругую бѣлую шейку и показывая на ней значекъ.

Кулебякинъ все еще стоялъ въ изумленіи. «Да это ты — Дуня — ты.... ночная красавица», шепталъ онъ, невѣря глазамъ своимъ.

— Куда же вы такъ поздно идете, Иванъ Пвановичъ? Вѣдь вѣрно не на медвѣдя; воротитесь-ка лучше домой, да зайдите къ намъ. Батюшка съ матушкой очень рады вамъ будутъ.

— Благодарю васъ, благодарю васъ, я пожалуй того, не прочь... бормоталъ Иванъ Ивановичъ, все стоя еще на одномъ мѣстѣ.

— Ну, такъ полѣзайте ко мнѣ сюда на возъ; вы же еще въ барышахъ будете; безъ меня пришлось бы вамъ идти, а теперь доѣдете со мною почти до самаго дома; только чуръ—домой я васъ не пущу; вы должны зайдти къ намъ.

Кулебякинъ ничего не отвѣчалъ и началъ взбираться на возъ къ Авдотьѣ Парамоновнѣ. Когда оба они очутились другъ возлѣ друга, то мгновенно почувствовали нѣкоторую неловкость. Авдотья Парамоновна, обыкновенно довольно бойкая дѣвушка, нерѣдко даже снабжавшая щелчками въ носъ тѣхъ дерзкихъ дьячковъ, которые осмѣливались ухаживать за нею послѣ того, когда она окончила пансіонъ въ сосѣднемъ городѣ — вдругъ сдѣлалась какъ-то особенно жеманною и чопорною. Ей показалось, будто у Ивана Ивановича такая язвительная физіономія, словно онъ хочетъ сказать ей «ой глупенькая ты, глупенькая, неужели тебѣ не стыдно лежать такъ близко со мною» и она отъ него отвернулась. Съ другой стороны Иванъ Ивановичъ, помѣстившись около Авдотьи Парамоновны, сознавалъ, что поступилъ не совсѣмъ прилично. Онъ никогда не допускалъ себѣ фамильярности ни съ

одною дѣвушкою, и напротивъ, всегда наединѣ съ прекраснымъ поломъ чувствовалъ самыя непріятныя ощущенія, именно: будто бы по его тѣлу подъ одеждою струились капли холодной воды. Каково же было ему теперь наединѣ въ такомъ тѣсномъ соединеніи съ тою изъ *прекрасныхъ*, которая такъ чудесно и совершенно фантастически осуществила недавнія, таинственныя ночныя его грезы. Къ тому же ему казалось, что онъ страшный оригиналъ въ глазахъ этой уже свѣтской дѣвушки; да и въ самомъ дѣлѣ, думалъ Иванъ Ивановичъ, что можетъ быть смѣшнѣе моего положенія! Влезъ чортъ знаетъ зачѣмъ на такой высочайшій возъ, да еще и ѣдетъ на немъ самъ-другъ съ дѣвицею по дорогѣ, словно всѣмъ людямъ на показъ и посмѣяніе и себѣ въ непріятность....

Такимъ образомъ сначала и Иванъ Ивановичъ и Авдотья Парамоновна были въ довольно щекотливомъ положеніи. Иванъ Ивановичъ отвернулся лицемъ къ востоку и, будто любуясь луною, одною рукою чистилъ себѣ носъ, а пальцами другой барабанилъ по собственному колѣну. Авдотья Парамоновна повернулась лицемъ къ западу и отъ нечего дѣлать ежеминутно одну ручку прикладывала къ груди, а другою подносила къ носику соломинку, которую понюхивала съ особенною тщательностію, какъ будто какой-нибудь парижскій флеръ-д'оранжъ. Въ такомъ положеніи провели они минутъ съ десять, не говоря ни слова; наконецъ возъ началъ въ одномъ мѣстѣ сильно покачиваться; наши путешественники для сохраненія устойчиваго равновѣсія принуждены были держаться за веревки; къ счастію въ это время имъ сообщился такой сильный толчекъ, что они стукнулись другъ о друга; этотъ пріятный случай вывелъ ихъ изъ томительнаго молчанія:

— Виноватъ, ужасно виноватъ... честь имѣю просить у васъ прощенія Авдотья Парамоновна! произнесъ Иванъ Ивановичъ, нѣсколько оборачивая голову и взглянувъ искоса на сосѣдку.

— Не стоитъ безпокоиться, и я тоже-съ въ этомъ виновата;

но я думаю, что возъ виноватъ больше насъ обоихъ, Иванъ Ивановичъ?

— Я и я вамъ хотѣлъ было доложить это, Авдотья Парамоновна; впрочемъ, съ присовокупленіемъ въ качествѣ причины — неуклюжесть сихъ воловъ. При этомъ онъ указалъ на воловъ.

— А быть можетъ, Иванъ Ивановичъ, въ этомъ виновата дорога или паробокъ?

— А что вы думаете? Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ и дорога отчасти виновата; да и паробокъ — и паробокъ тоже отчасти виноватъ; я и самъ тоже полагаю, я даже навѣрное полагаю, что дорога и паробокъ этому виною, Авдотья Парамоновна.

— А дорога эта идетъ по вашей землѣ, Иванъ Ивановичъ, значитъ и вы виноваты.

— А за то волы и паробокъ вашъ, отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ.

Нѣсколько минутъ прошло въ молчаніи.

— А вѣдь деревенская жизнь лучше городской, жеманно произнесла Авдотья Парамоновна; здѣсь и природа, и пѣніе птицъ, и пространство, и огороды съ плодами и всякимъ наслажденіемъ, а въ городѣ, знаете, очень томительно; тѣснота, шумъ, однообразіе и пестрое людей движеніе; я по крайней мѣрѣ очень соскучила въ городѣ.

— Сущую правду изволите говорить, замѣтилъ Иванъ Ивановичъ; вотъ и ученые люди даже... даже вообразите, студенты университета... студенты — и тѣ совершенно говорятъ то же самое.

— Студенты? а скажите, вы видѣли этихъ людей, студентовъ?

— Какъ же, вчера имѣлъ удовольствіе угощать одного у себя дома. Милый веселый, знаете, такой малый — только молчаливъ не много и ѣдокъ на слово.

— И на слово ѣдокъ?

— Да-съ. Удалой, знаете, такой характеръ; что ни попадетъ

на ухо, все обругаетъ; будь-то—храни Богъ грѣха, святой какой, будъ-то примѣрно пустой кувшинъ — все обругаетъ.

— Гм.... видно, что ѣдкій этакій умъ. Ну, а деревенскую жизнь хвалитъ онъ однако?

— Да, деревенскую не очень ругалъ; вообще, я съ нимъ, знаете, согласенъ; деревенская жизнь дѣйствительно лучше городской, хотя въ ней есть свои непріятности.

— Ну Богъ знаетъ.... мнѣ кажется, что здѣсь у насъ никакихъ непріятностей быть не можетъ. Сосѣди у насъ — люди хорошіе, живемъ всѣ въ ладу, всего у насъ довольно, вездѣ благополучіе.

— Оно и подлинно такъ, замѣтилъ Иванъ Ивановичъ; у насъ истинно вездѣ благополучіе, куда ни поглядишь: въ садъ ли, и оттуда на тебя озираются яблоки съ грушами; въ огородъ-ли—и изъ огорода дуются на тебя арбузы и дыни; заглянешь ли въ скотный дворъ—и оттуда тебѣ навстрѣчу хрюкаетъ совершенно привѣтственно какой-нибудь боровъ пудовъ въ 20, съ саломъ въ пять вершковъ толщиною; полюбуешся ли на поле — и тамъ скирды хлѣба толстыя, тучныя, словно наѣвшіеся булочники стоятъ себѣ знай пузатыя....

Иванъ Ивановичъ вдругъ заикнулся; или онъ спохватился въ томъ, что произнесъ неприличное слово, или въ немъ поэтическій восторгъ зашелъ за восторгъ, такъ какъ у иныхъ умъ заходитъ за разумъ; наступило еще нѣсколько минутъ молчанія.

— Нѣтъ, я и потому люблю деревню, начала Авдотья Парамоновна, что здѣсь много пріятныхъ есть занятій; такъ, напримѣръ, покупаешься утромъ, напьешься чаю со сливками и пойдешь въ цвѣтникъ или огородъ; повыдергаешь тамъ крапиву, повыполешь все чистенько, и у самой на душѣ пріятно. Лѣтомъ въ саду собираніе плодовъ.

— А позвольте узнать, прервалъ Иванъ Ивановичъ, какихъ плодовъ собираніе вамъ болѣе нравится?

— А огурцовъ; оно и яблоки пріятно, но иногда такъ треснетъ

въ лобъ, знаете, что и очень непріятно; а огурцы совсѣмъ другое дѣло: ихъ, словно грибы, смирнехонько знай собирай съ земли, да клади въ корзину.

— Ну, а мнѣ кажется, что мариновать грибы, либо огурцы, пріятнѣе, чѣмъ собирать ихъ? спросилъ уже совершенно смѣло Кулебякинъ; при этомъ онъ даже перелегъ на другой бокъ и обратился лицомъ къ Авдотьѣ Парамоновнѣ.

— Да, правда ваша, мариновать ихъ очень весело, особливо на разныя колѣна.

— А на какія колѣна умѣете мариновать вы ихъ, Авдотья Парамоновна?

— На восемь; первое колѣно въ водѣ съ уксусомъ, второе въ водѣ съ солью, третье въ водѣ съ уксусомъ и солью, четвертое съ однимъ уксусомъ, пятое съ прибавкою сладкаго вина, шестое съ присыпкою муки, седьмое съ приливкою деревяннаго масла, восьмое съ провѣтриваніемъ на солнцѣ.

— А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ довольно пріятно, замѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

— Еще бы, и очень даже пріятно, отозвалась было Авдотья Парамоновна: но не успѣла она докончить своихъ словъ, какъ почувствовала еще новый толчокъ, вслѣдствіе котораго путешественники наши взаимно клюнулись носами.

— Ну а это, чортъ возми, ужъ вовсе непріятно, сказалъ Иванъ Ивановичъ.

— Что-жъ дѣлать, отвѣчала Авдотья Парамоновна, потирая носъ. Вездѣ Господня воля...

— А что, какъ вы думаете, Авдотья Парамоновна, если бы мы еще разъ нѣсколько такъ ударились, вскочили ли бы у насъ на носу шишки?

— Не знаю, Иванъ Ивановичъ; развѣ если бы разъ пятьдесятъ пять ударились.

— А мнѣ думается, что разъ семнадцать довольно стало бы.

— Можетъ быть, отвѣчала сосѣдка.

Въ это время возъ началъ переѣзжать греблю, примыкающую къ усадьбѣ отца Парамона. Качка была довольно сильная, такъ что пассажиры наши немогли уже продолжать своей бесѣды; только какъ-то разъ Иванъ Ивановичъ, толкнувъ нечаянно своимъ колѣномъ Авдотью Парамоновну, разинулъ было ротъ, чтобы испросить прощеніе, но въ тоже время получилъ такой толчекъ, что прикусилъ себѣ только языкъ. Авдотья же Парамоновна, видя такую неловкость Ивана Ивановича, вдругъ вся покраснѣла и потупила глазки. Въ ней проснулся инстинктъ дѣвичьяго стыда; близко лежащій мужчина, толчекъ, взаимная застѣнчивость, вечерніе сумерки—все это вмѣстѣ затронуло въ ней то, что невѣжественная мода прячетъ и сковываетъ подъ корсетомъ; хотя у Авдотьи Парамоновны корсета не было, но и безъ него въ ея груди уже началась та жгучая буря, то броженіе, которымъ сопровождается порожденіе всякаго новаго чувства въ молодой дѣвушкѣ, будь это чувство такъ же безотчетно и неопредѣленно, какъ теперешнее въ Авдотьѣ Парамоновнѣ. А Иванъ Ивановичъ, что же онъ теперь чувствовалъ, слѣдя за смущеніемъ его хорошенькой сосѣдки?—Онъ, плутъ, любовался только ею....

Черезъ нѣсколько минутъ возъ въѣхалъ на дворъ погоста и остановился передъ домомъ священника. Не говоря ни слова, начала подниматься Авдотья Парамоновна; она даже и не взглянула на Ивана Ивановича и заботилась лишь о томъ, какъ-бы юркнуть поскорѣе отъ него подъ возъ со своимъ разгорѣвшимся личикомъ; Иванъ Ивановичъ тоже началъ подниматься, не говоря ни слова, но когда онъ очутился на землѣ, то произнесъ «Слава тебѣ Господи» довольно громко и внушительно. Обчистивъ себя отъ соломы, онъ рѣшился наконецъ снова подойти къ Авдотьѣ Парамоновнѣ, которая теперь развязывала свой платочекъ; однако у Кулебякина долго не доставало на это смѣлости, пока выскочившая изъ-подъ подворотни дворняжка не

*

бросилась съ громкимъ лаемъ и оскаленными зубами на его икры. Иванъ Ивановичъ всегда ревностно заботился о своихъ икрахъ и потому теперь безъ всякихъ разсужденій подскочилъ къ Авдотьѣ Нарамоновнѣ, прося ея защиты. Авдотья Парамоновна мило улыбнулась. «Не бойтесь, не бойтесь, говорила она ему. Нашъ Сеська очень рѣдко кусается. Сеська! Сеська! Сеська!... На хлѣба, на хлѣба, молчи, умная собака! «Послѣ этихъ словъ Сеська дѣйствительно замолчалъ, а Иванъ Ивановичъ и Авдотья Парамоновна вдругъ почувствовали другъ къ другу какую-то безотчетную симпатію; по крайней мѣрѣ они поглядѣли теперь другъ другу въ глаза такъ кротко, дружелюбно и пріятно, что даже замѣтившій это, лежащій на крыльцѣ большой котъ, трижды облизнулся отъ умиленія. Наконецъ Авдотья Парамоновна попросила Ивана Ивановича пожаловать въ комнаты.

Лишь только Иванъ Ивановичъ переступилъ порогъ, на него вдругъ повѣяло запахомъ чая и горячій паръ отъ самовара пахнулъ прямо въ лицо. Онъ нѣсколько прозябъ и потому былъ очень радъ этимъ ощущеніямъ. Вслѣдъ за тѣмъ звукъ чашекъ, ложечекъ и стакановъ пронесся по воздуху и пронесся довольно гармонически. Все это, вмѣстѣ съ благорастворенною температурою комнатокъ отца Парамона, такъ пріятно подѣйствовало на Ивана Ивановича, что онъ чихнулъ и почувствовалъ себя совершенно бодрымъ и веселымъ. Между тѣмъ Авдотья Парамоновна уже успѣла сообщить своимъ родителямъ о гостѣ и тѣ выжидали только минуты, когда бы удачнѣе привѣтствовать Ивана Ивановича, чтобы это случилось не на порогѣ; съ своей стороны и Иванъ Ивановичъ не рисковалъ начинать привѣтствія, совершенно математически сообразивъ, что этому процессу соотвѣтственно его и хозяевымъ положенію, придется совершиться надъ порогомъ. Такимъ образомъ нѣсколько минутъ обѣ стороны провели въ загадочномъ выжиданіи, пока наконецъ сама матушка, извѣстная во всемъ околоткѣ своею находчивостью, не

изобрѣла здѣсь довольно затѣйливаго пріема, которымъ совершенно устранилась предвидимая неловкость: она подъ видомъ предостереженія Ивана Ивановича отъ простуды вѣжливо взяла его за жилетную пуговицу и, потягивая помаленьку впередъ, перевела черезъ порогъ. Вслѣдъ за этимъ хозяева и гость обмѣнялись между собою самими радушными привѣтствіями.

— Чудесная эта у васъ жилетка, начала такимъ образомъ разговоръ матушка. Должно быть матерію либо въ Кіевѣ, либо въ Москвѣ покупали?

— И, матушка, гдѣ намъ дуракамъ, чай пить. Я лѣтъ ужъ пять, какъ ни въ одномъ городѣ не былъ; а матеріица, матеріица... да Господь ее вѣдаетъ, отколѣ она взялась у меня! Кажется изъ халата передѣлана.

— Гмъ! — подите жъ вы, изъ халата! ну такъ значитъ халатъ то былъ чудесный?

— Халатецъ, матушка, былъ ничего себѣ; а вотъ поясокъ при томъ халатѣ, доложу я вамъ, былъ по истиннѣ красоты изумительной.

— А навѣрное онъ былъ лазоревый?

— Нѣтъ-съ пестренькій, но съ удивительнымъ, радужнымъ при солнечномъ сіяніи, отливомъ и отмѣнной прочности.

— А за тѣмъ позвольте съ вами поздороваться и попросить садиться,— вотъ сюда Иванъ Ивановичъ къ чайному столику, къ столику!

— Много благодаренъ, отвѣчалъ Кулебякинъ.

— А что добрѣйшій Иванъ Ивановичъ, началъ отецъ Парамонъ, какъ приглянулась вамъ Дуня наша; вѣдь почитай, три года слишкомъ ее не видали?

— Да-съ относительно перемѣны-съ, конечно тоже въ различномъ видѣ и возрастѣ съ обращеніемъ и образованностью...

— Ну вотъ, вы уже и пошли хвалить, замѣтила матушка; оно конечно пошутить можно и теперь, да ужъ батюшка съ раз-

борцемъ; теперь она у меня невѣста и комплименты ей въ конфузъ.

Авдотья Парамоновна вспыхнула, какъ порохъ.

— Оно конечно-съ, ваша правда, матушка, но какъ же не похвалить, когда словно кто-то за языкъ тянетъ на эти рѣчи. Ну, да, наконецъ старое знакомство, свои люди и все такое.

Нѣсколько минутъ матеріи къ разговору не находилось.

— Какъ удивительно хорошо поетъ нашъ новый пономарь, началъ отецъ Парамонъ; голосу-то правда у него нѣтъ, ибо его гласъ сопряженъ съ маленькимъ бляпотаніемъ; но за то чувство и сила.

— Ну благо и это есть и то хорошо. А позвольте узнать, длинные ли у него волосы? спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— Предлиннѣйшіе, сосѣдушка, и борода уже, того, съ значительною густотою.

— Хе, хе, хе, подмигивая, произнесъ Иванъ Ивановичъ.

— Знаю я сосѣдушка, чему вы смѣетесь, сказалъ улыбаясь отецъ Парамонъ. Эти всѣ густоволосики буйный народъ. А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, это ужь можно сказать я самъ замѣтилъ, что у людей жидковолосыхъ духъ немощнѣй.

— А за чѣмъ же вы, батюшка, не забраковали его; вѣдь и предъидущій вашъ пономарь былъ густоволосикъ; вотъ значитъ какъ не хлопотали, то изъ огня да въ полымя попали. Хе, хе, хе...

— Ну ужь нашли объ чемъ разсуждать, замѣтила матушка; добро бы еще о человѣкѣ какомъ, а то просто о пономарѣ, да еще и о такомъ кудлатомъ... ну Богъ съ нимъ; а вотъ лучше не займетесь-ли, сосѣдушка, Иванъ Ивановичъ чайкомъ.

— Можно и чайкомъ, замѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

— А съ чѣмъ прикажите, со сливочками или съ наливкой, съ рябиновкой; а сливочки топленыя, жирнѣйшія.

Иванъ Ивановичъ остановился въ тупикъ; ему пришлось рѣшить довольно значительную задачу; онъ молчалъ нѣсколько ми-

нутъ, переглядывая со сливочника на бутылку и обратно, такъ что лице его отъ напряженія сильно сморщилось. Нѣсколько разъ онъ даже съ особенною трудностью ворочалъ мозгами, но рѣшимость не являлась; наконецъ ему стало совѣстно своего молчанія и онъ уже рѣшился произнести «съ рябиновкой», какъ вдругъ ему пришло на умъ, что это не много несолидно и онъ уже разинулъ ротъ, чтобы сказать «со сливками»; но тутъ ему вдругъ показалось это неловкимъ; «вѣдь только бабы одни пичкаются сливками, подумалъ Иванъ Ивановичъ, а мнѣ — такъ сказать, мужчинѣ и кавалеру, это не къ лицу»; наконецъ онъ рѣшился выговорить:

— Ничего не употребляю-съ, благодарю покорно.

Послѣ этихъ словъ разговора больше уже не слышалось; а звуки, разносившіеся въ залѣ, походили на журчаніе ручейковъ и шумъ сухихъ листьевъ; пили и жевали усердно.

— Ну слава Господу, сказалъ, окочивъ чаепитіе отецъ Парамонъ. Теперь можно и отдохнуть; не подсядите ли ко мнѣ на диванъ, сосѣдушка, потолковать маленько?

— Ахъ ты, милый мой, отозвалась матушка, зачѣмъ ты отзываешь отъ насъ Ивана Ивановича? чтобы толковать тамъ о дьячкѣ, либо о новомъ иконостасѣ, да урожаяхъ да тому подобныхъ матеріяхъ; дай же ты намъ завести теперь свою бесѣду. Вотъ пусть Иванъ Ивановичъ поговоритъ съ нашею Дунею. Вѣдь она теперь не деревенская какая нибудь, а городская; всякія тамошнія дѣла и пенсіоны понимаетъ, да и Иванъ Ивановичъ человѣкъ бывалый. Пусть потолкуютъ, а мы послушаемъ.

— Ну да пусть потолкуютъ себѣ, отвѣчалъ отецъ Парамонъ.

Между тѣмъ Иванъ Ивановичъ и Авдотья Парамоновна говорить не начинили. Они молча сидѣли другъ противъ друга, стараясь избѣгнуть взаимныхъ взглядовъ. Авдотья Парамоновна потупила свои глазки и устремила ихъ на узоръ скатерти. Иванъ Ивановичъ разгуливалъ очами по комнатѣ. Трудно было разга-

дать, сознательно-ли видѣли эти очи тѣ предметы, на которыхъ останавливались, хотя они повидимому довольно прилежно всматривались въ каждый. Уже длинною чередою сундуки, зеркала, портреты, горшки въ цвѣтахъ, самовары въ печуркахъ, съ громаднымъ циферблятомъ часы, богатые образа, столикъ съ книгами, плевательныя коробочки, мухи прилипшія къ потолку и тѣнь отъ Авдотьи Парамоновны и отъ него самаго промелькнули передъ Иваномъ Ивановичемъ, а онъ все еще не сводилъ глазъ съ посторонняго пространства, пока наконецъ безсознательно, слѣдя за летающею молью, не навелъ ихъ на свѣчку. Счастливымъ образомъ въ это же время и Авдотья Парамоновна любовалась сверкающими крылышками той самой моли и, подобно Ивану Ивановичу, проводила ее до самой свѣчи; наконецъ у самаго огня взоры ихъ встрѣтились и будущіе наши собесѣдники мило улыбнулись другъ другу. Иванъ Ивановичъ торопился было уже снова скоситься, какъ вдругъ болѣе смѣлая Авдотья Парамоновна остановила его это намѣреніе вопросомъ:

— Неужели вамъ не жаль, Иванъ Ивановичъ, этого творенія? вѣдь оно обожжется несчастное!

— Какъ же не жаль, и весьма жаль! Прикажите,—я ее спасу?

— Ахъ пожалуйста спасите ее, пусть она живетъ себѣ бѣдненькая! Вѣдь не правда ли, что непріятно смотрѣть на смерть?

— И очень непріятно-съ, доложу я вамъ; просто душа вверхъ дномъ становится, отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, бросивъ и раздавя совершенно безсознательно по усвоенной привычкѣ моль ногою. Ужь не то, если какое нибудь прекрасное созданіе, какъ мотылекъ или роза, но если даже съ позволенія сказать рѣжутъ поросенка или гусенка, и особливо если при этомъ услышишь вопли предсмертные — невыносимо грустно становится на сердцѣ.

— Да, у васъ точно такая же мягкая душа, какъ у меня! Маленькою, правда, и я любила давить таракановъ, а теперь-фи! теперь ужастная жалость!

— Совершенная правда, слова ваши Авдотья Парамоновна. Дѣйствительно у меня мягкая душа; мнѣ объ этомъ и наша просфорня говорила, да я и самъ тоже давно думалъ. Вотъ, напримѣръ, терпѣть не могу, когда мальчишки передъ моимъ окномъ, когда еще я жилъ въ городѣ, разоряли на березѣ грачьи гнѣзда. Бывало самъ ужъ если поймаю котораго, то такъ вспушу, что три ночи будетъ поворачиваться.

— Ахъ, это въ самомъ дѣлѣ ужасно, разорять птичьи гнѣзда!

— Да, конечно; здѣсь въ гнѣздѣ, можно сказать, запечатлѣвался союзъ семейнаго счастія и материнской и супружеской любви — и тутъ вдругъ такое безжалостное вѣроломство!

— Какъ вы мило въ самомъ дѣлѣ сказали это, Иванъ Ивановичъ,—союзъ семейной жизни и любви; а вѣдь дѣйствительно, должно быть очень мучительно, когда разрываютъ союзъ любви? спросила, нѣсколько сконфузясь, Авдотья Парамоновна.

— Именно мучительно и влечетъ многія вредныя послѣдствія. Я зналъ одного своего знакомаго, который на третій же день послѣ того, какъ разорвали его любовныя узы, разшибъ себѣ лобъ...

— Ахъ это ужасно!

— Да, споткнулся, знаете... правда было и скользко, да и отъ горя что нибудь такое.... Впрочемъ онъ и теперь живъ, только ходитъ съ шишкою на лбу, и доложу я вамъ съ пребольшущею; вотъ съ этотъ стаканъ будетъ.

— Ахъ, это должно быть еще ужаснѣе!

— А все отъ одного, отъ того же; все отъ разъятія любовныхъ узъ. Нѣтъ ужь по моему любовность, любовность, это такое святое дѣло, которое вездѣ и всегда должно быть въ чистотѣ, непорочности и въ каменной, можно сказать, твердости, такъ чтобы ужъ ни какіе толчки не приносили ни одному, ни другому непріятностей въ сердечномъ отношеніи....

Авдотья Паромоновна вспыхнула, какъ маковъ цвѣтъ; ей пришли на память толчки, вынесенные купно съ Иваномъ Ивановичемъ на

возу въ продолженіи уже описаннаго путешествія; ей даже чуть-чуть не вообразилось, что Иванъ Ивановичъ началъ изъяснятся ей въ любви. Но взглянувъ на него мелькомъ, она замѣтила простоту выраженія его румянаго, пожалуй, еще привлекательнаго лица и съ маленькою стыдливостью отвѣчала.

— И я тоже думаю, что любящимъ другъ друга всѣ треволненія и толчки на пути ихъ не могутъ служить къ разрыву, а пожалуй еще къ большему любовному жару и взаимному сочувствію...

Въ свою очередь Иванъ Ивановичъ нѣсколько сконфузился; но его лице вдругъ послѣ этихъ словъ приняло прекрасное, живое, чуть не восторженное выраженіе; ему показалось, что въ словахъ его хорошенькой, молоденькой собесѣдницы звучитъ иной голосъ и иная идея, внушительная только его сердцу. Господь вѣдаетъ, можетъ и самыя ея слова онъ перетолковалъ какъ нибудь иначе, но въ немъ все таки заговорило давно уснувшее чувство, остатковъ котораго онъ и не подозрѣвалъ въ себѣ. Онъ взглянулъ еще нѣсколько разъ на сидящую противъ него красавицу, ясно сознавая, что у него на сердцѣ зашевелился и ожилъ какой-то пріятный и тепленькій огонекъ. И ярко засіяли очи этого здороваго малоросса и вся его натура мгновенно зарядилась тою энергію, которую намъ даетъ одна только молодость. Жутко ему стало выносить этотъ медленный горячій взоръ, видѣть это полымя на щекахъ его сосѣдки, загадочной и таинственной для него, еще по сновидѣніямъ и онъ не въ состояніи былъ болѣе выносить ея присутствія.

Онъ вдругъ, совершенно некстати, поднялся съ мѣста, распрощался съ отцемъ Парамономъ и матушкою и выбѣжалъ изъ комнаты къ всеобщему ихъ смущенію.

Одна только Дуня имѣла *себѣ на умѣ*.

ГЛАВА III.

Quaeris quod mihi batiationis
Tuae Lesbia, sint satis superque?
Cat.

Придя домой, Иванъ Ивановичъ не велѣлъ подавать себѣ ужинать, какъ это имѣлъ онъ обыкновеніе дѣлать уже двадцать лѣтъ сряду; ему было совершенно не до ѣды. Шибко разгуливали возмущонныя его думы и одна мысль какъ-то невольно навязывалась на умъ. Кровь заструилась въ немъ особенно ретиво и онъ осязательно слышалъ свой частый и крупный пульсъ. Сердце такъ и ёкало по временамъ отъ безотчетныхъ впечатлѣній и трудно было ему успокоивать взволнованную свою грудь. Волосы его пришли въ безпорядокъ, чело то сморщивалось подъ вліяніемъ размышленій, то сіяло вдругъ умиленіемъ; очи то блистали, то закрывались. Онъ наплотно заперся въ своей комнатѣ, не велѣлъ никому входить къ себѣ и просидѣлъ молча до глубокой полуночи. Много перебродило мыслей въ его головѣ, много воспоминаній прошедшаго представлялось воображенію ясно и отчетливо. Онъ переглядѣлъ, такъ сказать, всю свою прошлую жизнь, начиная отъ того времени, когда еще ему натягивали штанишки, до того, когда онъ закрутилъ свой усъ и даже до того, когда въ этомъ усѣ промелькнула сѣдина. Счастливое дѣтство, бублики, ва-

ренійца покойной матери, теплыя фуфайки, потомъ школа уѣзднаго города, злополучные «воздуси», учитель съ вѣчно краснымъ носомъ и отрыжкою, (послѣ которой въ классѣ обыкновенно распространялся винный запахъ), потомъ замѣчательный фактъ пированія его за шалость березовою кашею въ числѣ цѣлой сотни и наконецъ исключеніе изъ училища — училища, изъ котораго онъ едва только вынесъ нѣсколько буквъ. Потомъ шла снова деревенская жизнь, но уже не подъ крылышкомъ родителей, которые умерли во время десятилѣтняго пребыванія его въ училищѣ, а жизнь вполнѣ самостоятельная. Сиротство не тяготило Ивана Ивановича, потому что онъ остался съ богатымъ наслѣдствомъ и воспоминаніе о немъ дало ему даже довольно пріятныхъ грезъ. Передъ нимъ промелькнулъ его же образъ въ двадцать лѣтъ жизни, образъ, вполнѣ воплощающій въ себѣ типъ мужественной красоты и силы; потомъ передъ нимъ промелькнула его единственная любовь — поэтическая, прекрасная какъ улыбка судьбы, какъ небесное блаженство. Въ ней много было очарованій: и тайный страхъ, и торжество взаимности и наслажденія молодыхъ сердецъ, — чистыхъ и невинныхъ, какъ та же дикая и простая природа, въ средѣ которой, тайно отъ людей, протекли минуты ихъ счастья. Это была любовь къ той дѣвушкѣ, о которой онъ грезилъ еще лежа на курганѣ при первомъ съ нимъ знакомствѣ читателей. Наконецъ снова онъ увидѣлъ себя окруженнымъ неизмѣнною и скучною чередою обыкновенныхъ будничныхъ заботъ; все шло тихо и однообразно, безъ малѣйшихъ потрясеній, словно ладья по водѣ. Конечно, и въ этой жизни для него было много пріятнаго; онъ любилъ покой, любилъ свободу, изобиліе и все это ему давала его жизнь. Физическое благополучіе было идеаломъ его счастья и онъ мало по малу осуществлялся. Но развѣ въ немъ заснули чувства, которыя нѣсколько понеугомоннѣе, нежели чувство голода и аппетитъ ко сну? Оказалось, что нѣтъ. Душа этого человѣка не была исчерпана тѣмъ моднымъ комплектомъ

ощущеній, въ которыхъ теперь расходуются силы и совѣсть просвѣщеннаго петербургскаго франта; его даже не коснулись ни инстинкты грязной безнравственной страсти, ни того обоюднаго понятія о благородствѣ, по которому надувательная система сдѣлалась образцомъ просвѣщенія и благонравія и безъ которой теперь, какъ рыбѣ безъ воды, немыслима жизнь сливокъ нашего общества. Напротивъ, въ этой душѣ всецѣло сохранилась та чистота и тѣ благія силы, съ которыми даруется она человѣку вообще, и тѣмъ болѣе Ивану Ивановичу, кроткому и богобоязненному, о милосердіи котораго воспѣвали почти всѣ старцы N-ской губерніи. И вотъ, въ немъ снова пробуждаются силы духа, силы издавна хранимыя безъ дѣйствія. Снова въ организмѣ его закипѣла дѣятельность совершенно чуждая какому нибудь пищеваренію. Снова задрожали въ немъ нервы и забилось сердце тою быстротою, которою билось оно еще во времена оны, лѣтъ за двадцать до нашихъ временъ. Иванъ Ивановичъ осязательно чувствовалъ, что это немгновенная вспышка; а что-то уже въ самомъ дѣлѣ нѣчто серьезное; и вотъ, именно, дойдя въ своихъ воспоминаніяхъ до настоящаго положенія, Иванъ Ивановичъ пришолъ къ тому заключенію, что ему слѣдуетъ перемѣнить образъ жизни; что его сердце и умъ просятъ этого, какъ блага и что давно бы пора ему позаботиться о полнотѣ своего счастья, а не жить, какъ размышлялъ онъ въ это время, подобно какому нибудь, прости Господи, пѣтуху, который сегодня живъ, а завтра его приказали зарѣзать: его съѣдаютъ и никакого слѣда не остается на землѣ послѣ его существованія; даже и то, что изъ него выбрасывается, какъ замѣтилъ Иванъ Ивановичъ, тотчасъ же склевывали вороны; а со мною, помышлялъ онъ далѣе, будетъ еще того хуже: меня съѣстъ червь....

Прійдя къ такому заключенію, Иванъ Ивановичъ сильно забралъ въ голову необходимость оставить послѣ себя слѣды существованія въ мірѣ. И какъ, въ самомъ дѣлѣ, не обидно чело-

вѣку шататься долгую и трудную жизнь по свѣту, заботиться, дѣйствовать, мыслить, творить и разрушать при полномъ сознаніи кропотливости и ничтожности и, главное, безполезности его подвиговъ; при полномъ сознаніи того, что умри онъ, и пойдетъ все близкое его сердцу, сроднившееся съ привычками и осуществившееся и должное быть осуществимымъ, въ руки людей чужихъ и холодныхъ къ его завѣтнымъ грезамъ и начинаніямъ. Съ другой стороны его воображенію рисовались роскошныя картины семейной жизни, иного быта; ему рисовалась семейная жизнь, полная благородной цѣлесообразности, полная поощрительныхъ вліяній къ труду, жизнь кипучая и благодарная. Ему представлялась любящая жена, пекущаяся съ привѣтливою нѣжностью о его, благополучіи и кружокъ маленькихъ дѣтокъ, разѣвающихъ ротики и кричащихъ: папа, папа, ѣсть, ѣсть.... И онъ видѣлъ въ нихъ отпрыски собственнаго существованія, продолженіе, такъ сказать своей жизни, которую человѣкъ любитъ болѣе всего на свѣтѣ. Онъ видитъ это маленькое свое потомство, свою плоть и кровь съ миніатюрными отраженіями во всѣхъ личикахъ портрета папы, или мамы и чувствуетъ, какъ они составляютъ родную и неотъемлемую частичку его природы, несмѣнныхъ законныхъ наслѣдниковъ его любви и заботъ, и онъ любитъ ихъ всею страстью отеческой любви и съ наслажденіемъ бьется, какъ рыба объ ледъ, чтобы обезпечить ихъ счастливую будущность, что для него милѣе во сто разъ самой любви. И при всемъ этотъ ласки жены, всегдешнее родное вокругъ себя общество, жизнь говорливая и полная скромныхъ семейныхъ удовольствій, а главное — выполненія идеи жизни всякаго существа въ мірѣ.... Нѣтъ, прочь постылѣйшее одиночество!

Рѣшимость разомъ охватила Ивана Иванавича и онъ безъ дальнѣйшихъ обиняковъ обратилъ вниманіе на Авдотью Парамоновну. А Авдотья Парамоновна была во вкусѣ Ивана Ивановича. Во первыхъ, она была росла, статна и полна собою, говорила

нараспѣвъ съ маленькою жеманностью. Румянецъ на лицѣ ея горѣлъ такъ живо, что щека Дуни иной разъ была краснѣе краснаго сафьяна. Глазки были самые хитрые, бровь густая, взглядъ вкрадчивый, поступь величавая а все прочее какъ слѣдуетъ. Ктому же близкое сосѣдство, давнишнее знакомство и неотразимѣе всего — загадочныя сновидѣнія — все предрасполагало его къ этому выбору. Наконецъ, Ивану Ивановичу показалось, что уже между ними началось *что-то* совершенно для него непонятное, но чрезвычайно пріятное и произведшее въ немъ цѣлую бурю, и что это *что-то* жаль оставить въ забытьи, да можетъ быть и грѣхъ, если принять въ соображеніе многозначительный сонъ; а въ этотъ сонъ Иванъ Ивановичъ, съ минуты своей рѣшимости непремѣнно жениться, началъ вѣрить, какъ въ нѣкое предзнаменованіе судьбы.

Результатомъ долгаго въ эту ночь бодрствованія у Ивана Ивановича было полное сочиненіе будущаго плана для сватовства и жениховскихъ ухаживаній. Однако много ему пришлось ворочать мозгами, чтобы привести въ систему свои предпріятія, поступки и рѣчи, такъ что къ концу концовъ, не смотря уже на зрѣлость плана, Иванъ Ивановичъ рѣшилъ, что «утро вечера мудренѣе». Ктому же, въ подобныя роковыя минуты онъ всегда терялъ въ самого себя увѣренность, и потому разсчиталъ, что благоразумнѣе будетъ вести это дѣло съ помощью какого нибудь адвоката. А самымъ благонадежнымъ и способнымъ сюда адвокатомъ, Иванъ Ивановичъ, не думая, избралъ дьячка приходской своей церкви, Алексѣя Тетентьича Сливкина, человѣка, хотя сухощаваго, но вельми разумомъ бодрствующаго. Приказалъ спящему въ передней мальчугану пригласить завтра вечеркомъ на чаекъ Алексѣя Терентьича въ Каганцы, Иванъ Ивановичъ отправился ко сну. Когда онъ ложился, то уже на востокѣ загоралась заря и пѣтухъ, ночевавшій надъ спальною Кулебякина, такъ неугомонно дралъ горло, что Иванъ Ивановичъ, не смотря на

свое восторженное настроеніе, нѣсколько разъ послалъ его лѣшему въ зубы. Скоро сонъ сильно сталъ одолѣвать нашего героя и онъ, не обращая ни на что вниманія, уснулъ самымъ храбрымъ образомъ.

На другой день Алексѣй Терентьичъ явился къ Ивану Ивановичу въ самое положенное время, а именно около 6-ти часовъ вечера; это былъ издавна назначенный срокъ для вечерняго чаепитія въ Каганцахъ. Войдя въ переднюю, благовоспитанный человѣкъ этотъ попросилъ доложить о себѣ Ивану Ивановичу и, во время ожиданія приглашенія пожаловать въ комнаты, приводилъ въ порядокъ свои агатоваго цвѣта косы. Эти косы, по выраженію самаго Алексѣя Терентьича, были большія *бѣстіи*. Они съ однаго прекраснаго вечера, послѣ котораго Алексѣй Терентьичъ ходилъ пять дней со сливою подъ лѣвымъ глазомъ, вдругъ возъимѣли сильное желаніе до того порѣдѣть, что впослѣдствіи уже не было никакой возможности ни съ помощью масла, ни съ помощью слюнъ привести ихъ въ благовидное, порядочное состояніе; поэтому всякій разъ, когда Алексѣй Терентьичъ послѣ того роковаго вечера приходилъ въ болѣе или менѣе мятежное состояніе, косы его до того растрепывались, что голова Сливкина, со стороны, иной разъ больно смахивала на клокъ рыжаго сѣна. А въ настоящемъ случаѣ въ сердцѣ Алексѣя Терентьича происходила сильная буря. Онъ хотя дѣйствительно былъ съ Иваномъ Ивановичемъ въ фамильярныхъ отношеніяхъ, и нерѣдко сіи два мужа коротали вдвоемъ за псалтыремъ, шашочною доскою или за чаемъ, цѣлыя длинныя зимнія ночи, но все таки никогда не случалось, чтобы Иванъ Ивановичъ приглашалъ Алексѣя Терентьича; а напротивъ, Алексѣй Терентьичъ всегда самъ выдумывалъ приличную причину, чтобы не приписывать своему посѣщенію правъ на равное знакомство; на этотъ-же разъ Алексѣй Терентьичъ былъ оффиціально приглашенъ Иваномъ Ивановичемъ на чаепитіе въ его собственный домъ и притомъ запросто. Все это вмѣстѣ въ умѣ Сливкина

принимало характеръ первостатейной важности и на сегоднешнее приглашеніе онъ смотрѣлъ съ самой торжественной и загадочной точки зрѣнія, такъ что даже на вопросы сварливой своей *жинки*, любопытствовавшей узнать за чѣмъ идетъ онъ къ Кулебякину, отвѣчалъ нисколько не заикаясь: «молчи ты голодная коза, не по твому уму наше дѣло»! Подобный взглядъ на это обстоятельство и былъ причиною того, что Алексѣй Терентьичъ, волнуемый различными догадками и предположеніями на пути въ Каганцы, забылъ свою солидность и большую часть его отхваталъ галопомъ; отъ этого-то и пришли его косы въ сильный безпорядокъ.

Дѣло шло хорошо. Только что Алексѣй Терентьичъ успѣлъ покорить послѣдній непокорный клочекъ волосъ, имѣвшихъ сильное стремленіе къ небесамъ, и, наслюнивъ ихъ поусерднѣе, заставилъ по неволѣ прильнуть къ холодной своей лысинѣ, его вдругъ позвали въ гостиную Ивана Ивановича. Алексѣй Терентьичъ, посдунувъ на болѣе видныхъ мѣстахъ съ себя пыль, началъ пробираться на цыпочкахъ до назначеннаго покоя и не безъ особеннаго умиленія узрѣлъ наконецъ обожаемаго своего Ивана Ивановича, который сидѣлъ на диванѣ, завернувшись въ одинъ изъ обширнѣйшихъ халатовъ всей малороссіи. Нѣсколько минутъ гость и хозяинъ молчали.

— Осмѣливаюсь обезпокоивать васъ, многопочтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ намѣреніемъ засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе, а вмѣстѣ съ тѣмъ и желаніе вамъ здравія и благополучія, махнувъ довольно эфектно рукою и авантажно нагинаясь произнесъ наконецъ Сливкинъ.

— А, Алексѣй Терентьичъ, добро пожаловать, любезный другъ, милости просимъ въ комнату; а такъ-же и присѣсть сюда не угодно ли!

— Съ глубочайшимъ уваженіемъ-съ и таковымъ-же удовольствіемъ, многопочтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ; а позвольте мнѣ осмѣлиться спросить васъ о здравіи вашемъ?

— Слава Богу, слава Богу, любезный Алексѣй Терентьичъ; вашими молитвами да своихъ прибавляючи живу по маленьку.

— И слава Богу, коли живы да здоровы; не дай Богъ быть нездоровымъ и того хуже не живымъ.

— Да, не живымъ и въ заправду быть, думается, непріятно; ну а не здоровымъ, любезный другъ, то-же не приведи Господи!

— И подлинно такъ, многопочтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ; болѣзнь тѣлесная паче всякаго злополучія; это-можно сказать-даже и я на примѣрѣ мало-толику испыталъ. Доложу-съ я вамъ, что въ одинъ несчастный случай я былъ раненъ по носу; шишка на ономъ вздулась преогромнѣйшая; я и думалъ сначала, что она посидитъ себѣ посидитъ да и сойдетъ, не тутъ-то-было. Погода-ли ужъ это была такая неблагопріятная, или что другое, только эта шишка не только что не удалялась, но занимала все большіе и большіе предѣлы...

— Я думаю, замѣтилъ Иванъ Ивановичъ, что это отъ сырой погоды.

— Правду изволили замѣтить-съ; впослѣдствіи и я догадался, что это именно отъ сырой погоды она не сходила окаянная; но не въ томъ дѣло что не сходила; она-бы сиди себѣ у меня на носу, сколько ей вздумается, но только вела бы себя прилично; и она такъ совершенно на оборотъ. Такія непріятности мучительныя, душу—можно сказать—истязующія причинять начала, что я ни днемъ, ни ночью отъ нея покою не видѣлъ. Страданія мои были ужаснѣйшія Вотъ тогда-то именно—помнится мнѣ—и пришло мнѣ на умъ подобное соображеніе: да избавитъ Богъ насъ отъ всякаго тѣлеснаго злополучія!

— А я вчера-съ Алексѣй Терентьичъ изобрѣлъ новое соображеніе. Есть на міру иныя злополучія, а именно сердечныя и душевныя, самыя—такъ сказать—ехидныя и такъ таки насквозь тебя прожигающія. Чрезвычайно ехидныя злополучія эти, Алексѣй Терентьичъ.

— Что и говорить, мнотопочтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ! И эти страданія знакомы мнѣ; сокрушался и я бывало и духомъ и сердцемъ, да какъ еще сокрушался, что иной разъ — не повѣрите — теперь разплачусь отъ однихъ горестныхъ воспоминаній.

— Правда, правда ваша, Алексѣй Терентьичъ. Мучительны злополучія эти; вотъ хоть-бы я самъ про себя замѣчу: кажется со стороны посмотрѣть на меня — я здоровъ и живъ и все такое, какъ слѣдуетъ быть у человѣка; а загляни-ка въ душу? — Охъ Алексѣй Терентьичъ, Алексѣй Терентьичъ! Много въ моей душѣ понакопилось соболѣзнованій и безнадежности!..

— Ахъ, Иванъ Ивановичъ, да не напророчьте вы и въ самомъ дѣлѣ бѣды себѣ какой. Вѣдь гадательно, что особаго несчастія съ вами не слыхать; такъ какія-же это такія печали сокрушаютъ васъ позвольте мнѣ полюбопытствовать?

— А самыя хитрѣйшія, именно самыя ядовитыя и хитрѣйшія и доложу вамъ такія, что если скажешь, то странными покажутся.

— Нѣтъ ужъ, только сказали-бы; вотъ ей, ей, — мнѣ они не показались бы странными; вѣдь печаль печали розь; одна бываетъ простая, а другая странная, а третья — можно сказать гнусноязвительная.

— А вотъ у меня-то она и есть — ваша гнусноязвительная.

— Гмъ, вотъ оно что! Ну, чтожъ дѣлать, печаль — все печаль и гнусноязвительная — все таже житейская печаль. А все-таки думается, что она мнѣ не покажется странною....

— А какъ покажется?

— А вотъ ей ей-же, не покажется.

— Ой, Алексѣй Терентьевичъ, а какъ покажется?

— Ну, вотъ ей-Богу-жъ не покажется; вотъ, если хотите, косу даю на отсѣченіе, что не покажется.

— Ну, такъ вотъ же что за печаль моя: да будетъ извѣстно вамъ, что я пѣтухъ, простой пѣтухъ, глупѣйшая птица... А что,

каково?... Простой пѣтухъ, я Иванъ Ивановичъ Кулебякинъ... Каково это вамъ кажется, а?

Алексѣй Терентьичъ привсталъ, поблѣднѣлъ и хотѣлъ было читать «Да воскреснетъ Богъ». Онъ вообразилъ, что Иванъ Ивановичъ одержимъ бѣсомъ.

— Да чего вы перепугались меня, Алексѣй Терентьичъ? Не бойтесь, пожалуйста не бойтесь; ну что-жъ дѣлать, что я пѣтухъ конечно это гадко и гнусно, да все-же пѣтухъ птица не страшная, а я еще при этомъ и христіанинъ.

Когда Иванъ Ивановичъ произнесъ послѣднее слово, Алексѣй Терентьичъ нѣсколько пріободрился; онъ твердо вѣрилъ, что одержимый бѣсомъ никогда не произнесетъ подобнаго слова и потому смотрѣлъ на Ивана Ивановича уже безъ особеннаго страха, только съ сильнымъ недоразумѣніемъ.

— Такъ что же, вы все молчите, Алексѣй Терентьичъ? А еще божились, что вамъ не покажется страннымъ моя печаль; а вотъ теперь согрѣшили! А что, согрѣшили? Стыдно вамъ, Алексѣй Терентьичъ!

— Виноватъ-съ, виноват-съ; чистосердечное приношу раскаяніе, чистосердечное....

— Ну, да Богъ милостивъ, проститъ; а вы, скажите, отъ чего вы мнѣ ничего не отвѣчаете, ничего не замѣчаете на мои слова? Хотя бы, если не утѣшительное, такъ что нибудь такое разъяснительное сказали бы вы мнѣ, Алексѣй Терентьичъ. Вы человѣкъ ученый, свѣдущій и можетъ когда нибудь уже слыхали о подобныхъ душевныхъ недугахъ; быть можетъ не имѣлъ-ли какой угодникъ подобнаго недуга?...

— Нѣтъ Иванъ Ивановичъ, ей-ей не знаю и ничего не помню.

— Ну, такъ я самъ вамъ скажу, коли вы сразу не поняли мою печаль. Видите-ли въ чемъ дѣло: самъ-то я разумѣется не пѣтухъ. Это и вы, и даже всякій маленькій ребенокъ вамъ скажутъ; но жизнь моя настоящая пѣтушиная. Сегодня цѣлый день деру

горло, хожу, тружусь, какъ рыба бьюсь объ ледъ, забочусь, а завтра, либо въ какой иной день разомъ и протяну ноги. И съѣдятъ меня, какъ того зарѣзаннаго пѣтуха, въ сырой землѣ черви не насытные, и не останется никакого слѣда отъ моего въ мірѣ семъ существованія...

— Охъ, Иванъ Ивановичъ, зачѣмъ это вы право такія жалостныя вещи говорите!

— Да какъ же мнѣ не говорить этого, когда я ни днемъ ни ночью не имѣю отъ такой пѣтушиной жизни покою! Нѣтъ, скажу я вамъ, нѣтъ во мнѣ больше терпѣнья! Не могу я больше жить по пѣтушинному!

— Многопочтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, сладкимъ и торжественнымъ голосомъ началъ Сливкинъ. Если я не ошибаюсь, то нахожу въ умѣ своемъ и причину печалей вашихъ и средство къ излеченію оныхъ; дѣйствительно они учинили жизнь вашу пѣтушьей подобную и потому вполнѣ омерзительною...

— Скажите же мнѣ причины и излеченіе, умница мой Алексѣй Терентьичъ; я и самъ-то, того, начиналъ уже маленько смѣкать кое-что, да все-таки умъ хорошо, а два лучше; къ тому же вы человѣкъ ученый и всю псалтырь наизусть знаете.

— Думается мнѣ, Иванъ Ивановичъ, что причиною вашего омерзенія жизнію — ваше безбрачіе и смиренно-мрачное одиночество. Знаю при семъ, что вѣрнѣйшимъ лечебнымъ въ семъ омерзеніи зельемъ были бы для васъ брачныя узы. Вотъ вамъ мое собственное понятіе.

— Гмъ, брачныя узы? Да, именно; спасибо вамъ, Алексѣй Терентьичъ!.. спасибо, любезный другъ! Именно брачныя узы, сасамое вѣрнѣйшее средство; мнѣ и самому кто-то уже давно тоже самое нашептывалъ — въ правое собственно, знаете, ухо; ну, да къ тому же и свои догадки разныя... Да, правда ваша, Алексѣй Терентьевичъ, совершенная правда; мнѣ необходимы брачныя узы.

— И, какъ полагаю, въ само-кратчайшемъ времени, Иванъ Ивановичъ.

— Вы такъ полагаете; ну такъ что-жъ; пожалуй себѣ вѣдь и я такъ полагаю. А знаете, если ужъ пошло дѣло объ этомъ, то намъ надо поговорить съ вами пооткровеннѣе.

Въ это время подали самоваръ и гость съ хозяиномъ занялись на время чаемъ.

Выпивши по нѣскольку стакановъ, наши герои вытерлись полотенцами и приготовились къ новой бесѣдѣ; началъ ее Алексѣй Терентьичъ и именно слѣдующимъ образомъ:

— И такъ, многопочтеннѣйшій Иванъ Иваровичъ, въ настоящее время обуяетъ васъ стремленіе къ брачнымъ узамъ. Въ виду онаго стремленія хотѣлось бы вѣдать, на комъ вкусъ вашъ относительно прекраснаго пола остановился бы съ пріятнымъ предположеніемъ?

— Погодите, погодите любезнѣйшій Алексѣй Терентьичъ; не такъ скоро. Вѣдь можно сдѣлать еще выборъ; а вотъ сначала мы съ вами хотя о самой женитьбѣ подумаемъ.

— Можно конечно и о женитьбѣ подумать, такъ сказать, вообще; но все-таки и на предметѣ изъ прекраснаго пола необходимо при этомъ остановиться.

— Ну, да, мы конечно и на этомъ предметѣ остановимся, а о женитьбѣ все-таки надобно подумать.

— Подумайте, пожалуй себѣ, подумайте Иванъ Ивановичъ.

— А вы, Алексѣй Терентьичъ, какъ полагаете, хорошая-ли это вещь женитьба?

— Касательно женитьбы я того-съ мнѣнія, что это вещь преотмѣнно отличная. Во-первыхъ, для собственнаго удовольствія и здоровья; во-вторыхъ, для многихъ чувствительныхъ и душевныхъ наслажденій и паче всего для надежды.

— Вотъ именно на надежду-то я и обращаю вниманіе. Наслажденія и удовольствія, знаете, хороши, да все не то; а вотъ

надежда, такъ и сама по себѣ лестная, такъ сказать, фантазія; тогда живешь по крайней мѣрѣ не какъ пѣтухъ какой нибудь безъ всякаго соображенія, а все съ мыслію и думою: что будетъ завтра, какъ жена, что дѣти да и что съ этими дѣтьми еще впослѣдствіи будетъ?

— Рѣчи ваши, многопочтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, истинно для сердца усладительны и доложу я вамъ, что лучше всего въ семейной жизни—это именно заботы о своихъ чадахъ и надежды на будущее.

— Ну и при этомъ же вѣдь и спокойствіе чего нибудь да стоитъ. Теперь, напримѣръ, о всякой дряни самъ подумай: явилась ли гдѣ нибудь, съ позволенія сказать, на самомъ себѣ дырка— и ту необходимо замѣтить, а ужъ не только что, напримѣръ, пыль въ комнатахъ или неопрятность кухарки. А тогда все это совсѣмъ другое дѣло; тогда ужъ жена займется этими мелочами, да еще и не одними этими мелочами, а даже можетъ положительно помогать мнѣ въ дѣлахъ.

— И должна-съ помогать — зане жена есть раба мужа.

— Да хотя бы напримѣръ въ рабочее время: я знай себѣ сиди тогда цѣлый день на лугу, либо нивѣ; мнѣ ужъ и обѣдъ туда пришлютъ, и завтракъ, и полдникъ и все какъ слѣдуетъ; а вечеромъ она и сама съ самоваромъ ко мнѣ подъѣдетъ, пожалуй.

— Да, разумѣется, что подъѣдетъ; какъ же женѣ къ мужу не подъѣхать, коли то обоимъ во пріятность. Да, знаете, не только что сама подъѣдетъ съ самоваромъ, сливками, сальцемъ да сухарьками, а еще и дѣтишекъ вашихъ заберетъ, знаете, съ собой; поднимутъ такой у васъ на лугу крикъ, шумъ да веселіе, что любой прохожій глаза на нихъ вытаращитъ отъ умиленія; а право забавный народъ, эти дѣти!...

— Ну ужъ и краснорѣчіе у васъ Алексѣй Терентьичъ! Вѣдь право, какъ послушаешь, такъ, того, такъ въ мозгахъ и защеко-

четъ! И въ самомъ дѣлѣ, какъ со стороны представишь себѣ эти обстоятельства, то по неволѣ сознаешь красоту ихъ.

— Это еще, многопочтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, не вся красота; а много еще есть тамъ такой красоты, что ни языкомъ сказать, ни перомъ написать. Вотъ хоть бы напримѣръ самая семейная любовь?

— О, это дѣло великое, я полагаю, Алексѣй Терентьичъ, эта семейная любовь?

— Это истинно святое дѣло-съ и не сказанно при этомъ любезное, а особливо если жена хорошая...

— Да и я думаю, что именно тогда, когда жена хорошая. Ужъ когда жена напримѣръ сварлива, да любитъ при этомъ кричать и пуще всего драться, такъ ужъ Богъ съ ней; тогда такую жену не только что любить, но и вѣнчаться съ нею не слѣдуетъ.

— А на то у всякаго есть очи и разумъ. Вѣдь не очертя же голову станете вы свататься.

— Правда ваша, что на это есть очи и разумъ; да вѣдь говорятъ же, что умъ хорошо а два лучше, любезный Алексѣй Терентьевичъ.

— Понятное дѣло, многопочтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, что одинъ хорошо а два не въ примѣръ лучше. Вотъ поэтому вы бы и посовѣтовались съ кѣмъ нибудь объ этомъ собственно дѣлѣ.

Иванъ Ивановичъ сохранялъ на нѣсколько минутъ молчаніе; у него никакъ не хватало духу напрямикъ вызсказать Сливкину свои намѣренія и цѣль теперешняго приглашенія и потому въ настоящемъ роковомъ случаѣ онъ сильно замялся. Наконецъ рѣшился ударить прямо въ цѣль и сказалъ такъ.

— Дѣла этого относительно, и всего будущаго моего касательно я имѣю со стороны взглядъ на двѣ персоны, изъ коихъ первая будетъ предметомъ моей страсти, а вторая помощникомъ къ учиненію скорѣйшаго результата....

— Отлично изволите поступать; ей, ей отлично, многопочтеннѣйшій Иванъ Иваннвичъ, доложилъ Сливкинъ.

— Оно и слава Богу, если отлично, любезный Алексѣй Терентьичъ; и такъ дѣйствительно я имѣю взглядъ на двѣ персоны...

— А позвольте узнать, сіи персоны въ отдаленности-ли отъ васъ обитаютъ или по близости?

— По близости. Одна правда не далеко, ну а другая... другая, то же не далеко, еже ближе первой.

— Это-съ преотличнѣйшая вещь; все если по близости, то сподручнѣе. А позвольте спросить съ персонами сіими вы знакомы?

— Знакомъ, и даже положительно знакомъ. Да не только, что я, но такъ сказать съ одной стороны и вамъ сіи персоны не безъизвѣстны; особливо послѣдняя. Послѣдняя, такъ сказать, для васъ еще.... того болѣе.... въ совершенности....

— Гмъ!... а хотѣлось бы ей, ей догадаться, улыбаясь проговорилъ Сливкинъ. Хоть бы немножечко догадаться объ сихъ персонахъ. Вѣдь все-таки дѣло это не совсѣмъ чуждое и нашему сердцу.

— Спасибо Алексѣй Терентьевичъ за участіе, спасибо братецъ. Ужъ такъ и быть, я вамъ все передамъ.... ужъ пооткровенничаю немного; только вы, того, моей челяди не гу-гу; а то какъ услышитъ, что-де баринъ жениться — переполохается со страху, неразумная; а вы-то ей ничего, ровно ничего не говорите.

— И не пикну, и не пикну, Иванъ Ивановичъ. Не такой я человѣкъ, чтобы эти таинственныя, можно сказать, стихіи проповѣдывалъ. Вы только мнѣ скажите, а тамъ уже я.... я ровно никому; однимъ словомъ ни гу-гу.... ни гу-гу, ни гу-гугу.

— Ну, то-то-же не гу-гу. Такъ вотъ первая персона, любезный Алексѣй Терентьичъ, — первая персона, почти что такъ сказать, Авдотья Парамоновна.

— Она!?.. Преотличная персона, славная дѣвица, разпре-

красавица, доложу я вамъ эта Авдотья Парамоновна, подсахаривалъ Сливкинъ.

— Да, ужъ это и я того, хе, хе, хе.... почти что имѣлъ на умѣ самъ, отвѣтилъ Иванъ Ивановичъ. Дѣвица дѣйствительно хоть куда и на все способная. У меня вообще-то губа не дура.... хе.... хе....

— Преумнѣшая губа у васъ, многопочтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ.

— Вы думаете, что преумнѣйшая? А давай Богъ, чтобъ и въ самомъ дѣлѣ она была поумнѣе, чѣмъ у нашего бывшего городничаго. У того бывало, помните.... у того такъ черезъ нее неразумную все бывало течетъ.... тьфу съ позволенія сказать, настоящая мерзость!

— Какъ не помнить — и очень помню я ту губу. А ваша,— ваша совершенно, доложу вамъ, иного образованія.

— Ну, а сказать ли вамъ какую другую персону выдумала сія губа моя, съ веселою улыбкою спрашивалъ Иванъ Ивановичъ; ему стало икаться на сердцѣ отъ такого коломбура.

— Скажите мнѣ, многопочтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ.... хоть не про всю персону, хоть про....

— Да ужъ такъ и быть, перервалъ Иванъ Ивановичъ, я вамъ про всю скажу. Эта персона есть никто иной, какъ вы—Алексѣй Терентьичъ Сливкинъ.

Сливкинъ пришолъ послѣ этихъ словъ въ замѣшательство. Лицо его осталось на нѣсколько минутъ въ любопытно напряженномъ выраженіи, именно въ томъ, съ какимъ оно приготовилось внимать новость, словно окаменѣлое. Пальцы согнулись крючками и дрожали надъ столомъ, а носъ продолжалъ втягивать въ себя воздухъ, какъ бы желая убѣдиться, не обманули ли его господина уши. Глаза имѣли выраженіе глубокой душевной простоты..

— Честь сія.... великая.... и очень быть можетъ — лучезар-

ная въ отношеніи ко мнѣ простому и завсегда въ оной смиренной свиткѣ (тутъ Алексѣй Терентьичъ показалъ на свой подрясникъ) серенькому человѣку; но, во всякомъ случаѣ, весьма изливаю я вамъ благодарность, Иванъ Ивановичъ. Ваше участіе и вниманіе тольми паче.... въ умиленіе приводятъ и тольми паче я вамъ за нихъ преглубоко благодаренъ.

— Не благодарите, не благодарите меня, Алексѣй Терентьичъ. Быть можетъ мнѣ еще придется благодарить васъ; а вотъ лучше запросто посовѣтуемся мы съ вами здѣсь наединѣ: какъ намъ начать и вести это важное, таинственное обстоятельство?

— Это-съ все совершенно пусть будетъ, какъ вамъ угодно, а я готовъ для васъ жертвовать всемъ своимъ сердцемъ, силами и желаніемъ.

— Спасибо за это вамъ, Алексѣй Терентьичъ, истинно спасибо! Но все-таки умъ хорошо, а два лучше. Вѣдь какъ бы, напримѣръ, вы поступили въ настоящемъ случаѣ, будучи, примѣрно, на моемъ мѣстѣ?

— Право-не знаю; я бы сначала, мнѣ кажется, подумалъ, отвѣчалъ осторожно Сливкинъ.

— Да я уже много думалъ, да наконецъ и вздумалъ. А что вы объ этомъ думаете, Алексѣй Терентьичъ?

— А я-съ думаю все то же-съ. Авдотья Парамоновна дѣвица премилая, прехозяйственная и прекрасоточка, и женой была бы вамъ въ большую пріятность.

— Это и я смѣкнулъ уже, Алексѣй Терентьичъ; да не въ томъ дѣло, а вотъ что главное: какъ приступить, какъ начать?

— Эхъ ма! многопочтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, было бы только желаніе, а за началомъ неустойки не будетъ. Начало, если позволите, такъ пожалуй приму на себя, хоть и я,

— Спасибо, дорогой Алексѣй Терентьичъ! Ужь я не даромъ видѣлъ трижды во снѣ, что вы предобрѣйшій человѣкъ; оно и въ самомъ дѣлѣ выходитъ такъ; а знаете ли, что я давно, можно ска-

зать, на васъ уже надѣялся и, если сказать правду, то и сегодня послалъ за вами именно, имѣя въ виду это дѣло,

— Готовъ служить.... и сердцемъ и желаніемъ, складывая на грудь руки и подводя къ потолку глаза, произнесъ Сливкинъ.

— И такъ, любезный сосѣдушка, Алексѣй Терентьичъ, съ Богомъ за дѣло! Оно, конечно, сначала все какъ слѣдуетъ, относительно сватовства, не откладывая въ долгій ящикъ.... Да да все это, впрочемъ вы и сами знаете.

— А только позвольте мнѣ заняться, такъ я и заявлю вамъ мое сердце и желаніе, многопочтенный Иванъ Ивановичъ.... Я, конечно, человѣкъ простой, низкій, а все же малу толику чему либо ученъ, а на такіе дѣла и *горяздъ* себѣ на умѣ.

— И я всеподлинно довѣряюсь вамъ, Алексѣй Терентьичъ Только уже вы пожалуйста моей челяди ни гу-гу.

— Я знаю, я знаю батинька эти дѣла. Вашей челяди я именно ни гу-гу.... вотъ ей, вашей челяди, присовокупилъ Сливкинъ, пустивъ по воздуху пальцами шиша. Начто ей мѣшаться въ эти дѣла; я самъ по себѣ все обдѣлаю, какъ нельзя лучше, и завтра же начну, если мнѣ сіе будетъ позволено.

— Начинайте себѣ хоть сейчасъ, Алексѣй Терентьичъ, только все таки.... того.... поосторожнѣе.

— А ужь я буду просто на цыпочкахъ ходить для васъ. Вотъ, напримѣръ, хоть и завтра.... О, да я все такъ обдѣлаю, что и вы, Иванъ Ивановичъ, можно сказать, потреплете меня по щекѣ: славный, малый Сливкинъ, скажете вы мнѣ, Иванъ Ивановичъ; вотъ, увидите, что скажете.

— И скажу, ей, ей скажу; отчего же мнѣ не сказать этого; ну, а и вы мнѣ, Алексѣй Терентьичъ, однако, скажете немножко относительно того, какъ начнете вы заваривать эту кашу? Что, напримѣръ, на первый разъ вы предпримете?

— А вотъ что, многопочтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ: я завтра же пойду къ отцу Парамону, и замолвлю о васъ чрезвычайно

тонкое, ухъ, какое тонкое, истинно пронзительное словечко! А потомъ шепну и Авдотьѣ Парамоновнѣ, что вотъ-молъ, желаетъ-де видѣть васъ въ такомъ-то мѣстѣ Иванъ Ивановичъ. Вы-то значитъ туда и отправитесь, и знай себѣ строчите ей любезныя рѣчи до умиленія; а я покамѣстъ стариковъ начну обламывать. Ужь что дѣло будетъ въ шляпѣ, за это я вамъ ручаюсь; хоть объ закладъ готовъ пойти!

— Ну, любезный Алексѣй Терентьичъ, скажу я тебѣ, что твоему разуму подобнаго я и не встрѣчалъ; ей, ей не встрѣчалъ. Ужь на что уменъ былъ у насъ въ школѣ учитель абвегіи , а и тотъ бывало, не знаетъ что дѣлать, когда, засунувъ носъ въ табакерку, чтобы понюхать, по обыкновенію, табачку, онъ намѣсто табачку клюнетъ тамъ шишку бурьяна и вытащитъ ее на носу изъ своей табакерки. Но тутъ еще не очень хитра штука; все же съ помощью науки можно разгадать, какъ можетъ выrости бурьянъ въ табакеркѣ. А здѣсь—мое почтенье; здѣсь дѣло совсѣмъ иного строя; дѣло здѣсь претаинственное и презатѣйливое, а вы его съ совершенною, можно сказать, легкостью рѣшаете. Удивляюсь находчивости вашей!... Гм, экій, подумаешь, изворотливый умъ сидитъ въ иномъ человѣкѣ.

— Да, слава Богу, помаленьку изъ всего понимаемъ. И такъ значитъ завтра Иванъ Ивановичъ вы будете имѣть съ *нею* свиданіе, а я таковое же съ *ними*. Вы ужъ конечно того.... ей разный лы-ли, три ли — лю-лю-ля и т. д. — чтобы душа ея дѣвичья разсахарилась.

— Ужъ я за себя постараюсь, спасибо за совѣтъ, отвѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

— А ужъ и я лицемъ въ грязь не ударю. Да вотъ въ чемъ дѣло: гдѣ назначить мнѣ мѣсто для вашего свиданія, Иванъ Ивановичъ?

— А я право этого и самъ не знаю; гдѣ нибудь, я думаю, по-

дальше, да потемнѣе; хоть напримѣръ въ ту сѣнную пуню что подъ липою.

— Эхъ, многопочтенный мой Иванъ Ивановичъ! Это не совсѣмъ ладно, мнѣ такъ кажется. Вѣдь бабы народъ трусливый и скажи ей только, чтобъ пошла куда нибудь далеко да еще въ темное — не пойдетъ пожалуй.

— А ужъ и близко не годится; еще кто нибудь замѣтитъ, возразилъ Иванъ Ивановичъ.

— И, кто тамъ замѣтитъ.... никто не замѣтитъ васъ, Иванъ Ивановичъ; это ужъ я знаю.

— А какъ будетъ свѣтло?

— Такъ еще лучше, смѣлѣе будетъ и ей и вамъ.

— Нѣтъ ужъ Господь вѣдаетъ какъ ей, а мнѣ, того, въ сумеркахъ посмѣлѣе.

— Такъ оно вѣдь и безъ того тогда уже сумерки будутъ; вѣдь мы дѣло подтянемъ къ вечеру, часамъ къ 9-ти, а въ пуню вамъ и вовсе не зачѣмъ будетъ заглядывать.

— Ну, а если не въ пунѣ, такъ гдѣ же вы думаете, Алексѣй Терентьевичъ?

— А я думаю хоть себѣ около Воркулей въ той, знаете, рощицѣ надъ озеромъ. Мѣсто очень пріятное, да и рыба тамъ отлично ловится.

— Да вѣдь тамъ все открытыя поля?

— А вамъ-то до нихъ какое дѣло; ну пусть себѣ они лежатъ открытыя; а вы на нихъ и не смотрите совсѣмъ, вы знай себѣ сидите съ нею въ рощѣ и строчите ей любезности, чтобы душу привести въ умиленіе.

— Ну ужъ ладно, пусть себѣ и въ рощицѣ. А все-таки, право, въ пунькѣ этой поотважнѣе и вѣтра къ тому же нѣтъ....

— Какой теперь вѣтеръ, Иванъ Ивановичъ! Время стоитъ теплое, лѣтнее; — вездѣ хорошо будетъ. Только ужъ вы, пожалуйста ей свою любовь на разныя колѣна изъясните.

— Я постараюсь, постараюсь.

— Ну и я въ свою очередь тоже постараюсь. Ужь и я свое словцо.... а вѣдь прехолодная становится ночь, Иванъ Ивановичъ.

— Да, и холодная и темная; вамъ бы сегодня право заночевать у меня Алексѣй Терентьичъ.

— Нѣтъ, многопочтенный Иванъ Ивановичъ, не могу; жена дѣти, семейство.... никакъ не могу, хотя и очень вамъ благодаренъ; а я ужь лучше пойду — ночь только холодновата немножко.

— А вотъ я васъ согрѣю на дорогу, отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ. Вслѣдъ за тѣмъ онъ распорядился о наливкѣ. Выкушавъ за здоровье другъ друга по рюмочкѣ, наши друзья обмѣнялись добродушными привѣтствіями и разстались.

Сказано и сдѣлано. На другой день Алексѣй Терентьичъ еще за долго до времени, назначеннаго имъ для отправленія въ качествѣ депутата къ отцу Парамону, старательно занялся приведеніемъ въ благовидное состояніе своихъ косъ и прочихъ декорацій уже не къ головѣ исключительно, а ко всей фигурѣ относящихся. Все это производилъ онъ съ заботливостью несравненно большею даже той, какую употребляютъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ молодыя жены, старыхъ мужей, или эти мужья для своихъ нѣжныхъ супругъ. Изъ всего видно было, что Алексѣй Терентьевичъ принялся за дѣло не на шутку, и обращалъ вниманіе положительно на все, что обусловливало собою благопристойность будущаго процесса. Наконецъ шелковый платокъ, какъ-то преупрямо перевертывающійся на шеѣ Алексѣя Терентьича постоянно бантомъ взадъ, былъ завязанъ и приличный человѣкъ этотъ, пожелавъ здравія своимъ домашнимъ, отправился по назначенію. Путь былъ не особенно далекъ, слѣдовательно косы не успѣли выйти изъ границъ приличія, что часто сильно возмущало Алексѣя Терентьича; напротивъ, они сохранили вполнѣ ту стройность, которую, съ помощью отчасти масла и отчасти клея, придалъ имъ Сливкинъ,

такъ что даже водоноска отца Парамона, прескверная и злоязычная баба, не могла не удивиться, замѣтивъ ихъ отмѣнную красоту и напрямикъ угостила Алексѣя Терентьича сладкимъ комплементомъ, отъ котораго у него даже подступила радость къ горлу. Это обстоятельство внушительно ободрило Сливкина и потому явился онъ въ покои отца Парамона въ самомъ отважномъ и веселомъ расположеніи духа.

— А что новенькаго скажите намъ, Алексѣй Терентьичъ? спросилъ отецъ Парамонъ, привыкшій слышать отъ Сливкина всегда какую нибудь новость. Казалось, что Алексѣй Терентьичъ и существовать не могъ безъ новостей и если онъ ходилъ въ домъ отца Парамона, то именно будто всякій разъ за тѣмъ собственно, чтобы отрапортовать какое нибудь новенькое обстоятельство; иныхъ поводовъ не встрѣчалось.

— А новость, батюшка, могъ-бы я вамъ сказать — примѣрно хотя бы и сегодня, такую что вы, если бы знали ее, то пожалуй со вчерашняго вечера — все объ ней одной думу бы думали.

— Иль ты думаешь.... со вчерашняго вечера думу бы думалъ? А мнѣ кажется, Алексѣй Терентьичъ, что первѣе всего надобно новость отвѣдать, а потомъ ужъ объ ней размышленіе имѣть.

— Правда ваша, батюшка, дѣйствительно я не много не такъ.... ну, да это къ рѣчи только обмолвка моя пришлась; а все же главное то дѣло въ новости. А новость-то, новость, само по себѣ въ отдѣльности да и васъ самихъ, батюшка, относительно — презамѣчательная, доложу я вамъ.

— Коли замѣчательная, такъ ты, Алексѣй Терентьичъ, разскажи, а мы послушаемъ.

— Нѣтъ батюшка, новость-то моя, такъ сказать, противуположнаго сорту; новость-то это моя такая, что говорить придется вамъ, а слушать ужъ мнѣ.

— Не понимаемъ мы тебя, Алексѣй Терентьичъ, какъ это твою новость могу разсказывать я, а слушать ее ты?

— А оно и мнѣ самому почти что сначала непонятно это батюшка; а вотъ какъ только маленько послушалъ бы васъ, такъ тотчасъ смекнулъ бы.

— Послушай, Алексѣй Терентьичъ, ты право будто того... завернулъ туда.... оно то съ лица не видно этого — я по лицу сейчасъ тебя узнаю; а мелешь то ты дѣйствительно, какъ будто бы грѣхъ былъ у тебя въ горлѣ.

— Обижаете вы меня этимъ отецъ Парамонъ. Я совсѣмъ уже ни того.... или изрѣдка грѣшенъ конечно, а въ настоящемъ случаѣ вотъ ей, ей даже и не смотрѣлъ въ ту сторону. Да что и смотрѣть-то туда, коли ничего пріятнаго не увидишь. Вы сами посудите батюшка: идешь въ какой нибудь постный день, а тамъ, прости Господи, помимо штофовъ и рюмокъ виситъ еще какая нибудь колбаса на выставкѣ; тьфу гадость какая! — А я просто знаете, какъ иду теперь, такъ отвернусь въ другую сторону, а поровнявшись съ нимъ еще и сплюну.

— И хорошо поступаешь, Алексѣй Терентьичъ!

— А тѣмъ паче въ настоящемъ случаѣ, батюшка; да какъ же можно въ самомъ дѣлѣ въ настоящемъ случаѣ, когда можно сказать, я иду къ вамъ для открытія священной тайны — взирать на такое неприличное заведеніе.

— Постой, постой Алексѣй Терентьичъ, не замелись еще разъ, а то опять лишній грѣхъ. Вотъ ты говоришь, что шелъ открыть мнѣ тайну; ну, скажи же теперь, какая эта тайна? Только не отпирайся пожалуйста.

— Эхъ батюшка — это тайна не тайна, а такъ себѣ новость таинственная.

— А какая же именно?

— Ну, а ужъ вы опять, батюшка, скажи да скажи; вѣдь ей-ей новость это такая, что и мнѣ, и тѣмъ паче вамъ, слѣдуетъ прежде обдумать чѣмъ рѣшиться.

— Господь тебя вѣдаетъ, Алексѣй Терентьичъ, а я такъ не понимаю.

— Пообдумайте батюшка, пообдумайте, а и мы тоже скажемъ; оно дѣйствительно такъ со стороны имѣетъ съ одной точки зрѣнія сильное отношеніе и къ вашему семейству и къ лицу изъ вашего сосѣдства....

— Да что я буду думать Алексѣй Терентьичъ? Аль ужъ ты не понимаешь, что твоихъ мыслей постороннiй человѣкъ, хоть бы напримѣръ я, ни на волосъ не видитъ?

— Конечно постороннему трудно, да и мнѣ самому сказать такое дѣло торопко.

— Эхъ, Алексѣй Терентьичъ, ужъ боязни-то твоей право здѣсь не мѣсто; вѣдь меня ты знаешь, что я за человѣкъ; да и какъ же не сказать своему ближнему важнаго, пожалуй для всей его судьбы слова.

— А подлинно, батюшка, эта новость касается съ одной стороны судьбы особы изъ вашаго семейства....

— А ты все опять аллегорiю несешь; да ты скажи именно, что касается и кого касается?

— А примѣрно дщери вашей Авдотьи Парамоновны....

— Моей Дуни?

— Да, ея именно.

— Не понимаю.

— Да и я самъ признаться сказать на вашемъ мѣстѣ не понялъ бы; ну, а если поразсказать дѣло въ подробности, на р аз ныя колѣна, то и понять его не штука.

— А я все-таки не понимаю.

— Эй подумайте, подумайте батюшка, авось догадаетесь.

— Ну, что же тутъ думать Алексѣй Терентьичъ, вѣдь дѣвушка она совсѣмъ еще, можно сказать, ребенокъ; какія же обстоятельства могла она произвести въ сосѣдствѣ? Нѣтъ, Богъ тебя

вѣдаетъ, Алексѣй Терентьичъ, ты или не договариваешь или заговариваешься.

— А вотъ же и не заговариваюсь; а вотъ, если хотите, такъ даже я и скажу вамъ какія это обстоятельства. — Сердечныя обстоятельства, батюшка....

Отецъ Парамонъ смотрѣлъ въ недоумѣніи. Алексѣй Терентьичъ шевелилъ пальцами въ своихъ карманахъ; наступило нѣсколько минутъ молчанія.

— И ужъ если пошло, батюшка, на откровенность, то я такъ и быть, скажу немножко и подальше. Сіи мѣста, по сосѣдству которыхъ коснулись сердечныя оныя обстоятельства, обитаются Иваномъ Ивановичемъ Кулебякинымъ.

— Такъ что же все это наконецъ значитъ? На что же Иванъ Ивановичъ то замѣшался въ эти обстоятельства?... или какъ говоришь ты, тѣ мѣста гдѣ обитаетъ Иванъ Ивановичъ?

— Ай, виноватъ я, обложился; надобно было сказать такъ: что нѣчто обитающее въ Иванѣ Ивановичѣ относительно Авдотьи Парамоновны пришло въ сердечное обстоятельство.

— Что ты говоришь это, Алексѣй Терентьичъ, подумай пожалуйста хорошенечко! Вѣдь можно ли вѣрить твоимъ словамъ тому, кто знаетъ Ивана Ивановича; да, наконецъ, откудова тебѣ все это извѣстно?

— А если хотите, такъ я и еще маленько прибавлю вамъ, батюшка, улыбаясь и торжествуя прибавилъ Сливкинъ. Если такъ — я еще доложу вамъ, батюшка, что этимъ же Иваномъ Ивановичемъ посланный по сему сердечному обстоятельству и прибылъ сегодня я въ сей домъ; при этомъ Алексѣй Терентьичъ махнулъ указательно рукою по комнатѣ.

— Такъ вотъ оно что-о-о! произнесъ отецъ Парамонъ.

— Да, именно это самое. Прислалъ меня Иванъ Ивановичъ Кулебякинъ именно лично къ вамъ, батюшка и супругѣ вашей, въ виду той необходимости, что вы, касательно родительской власти

*

и необходимаго объясненія.... чрезъ меня ко оному въ будущности, согласно сопричастны по рукѣ и сердцу....

— Говори, пожалуйста, Алексѣй Терентьичъ, пояснѣе; дѣло какъ видно, если только все оно правда—серьезное.

— То есть батюшка, вы сами, того.... догадываетесь, что я пришолъ насчотъ изъявленія глубины чувствъ сего Ивана Ивановича, сопричастныхъ Авдотьи Парамоновны и вашего согласія.

— Иными словами — Ивану Ивановичу понравилась наша Дуня, прервалъ съ любопытства отецъ Парамонъ.

— Да, и именно понравилась во всей прелести и сердца обоняніемъ онъ теперь къ ней проникнутъ; а насчотъ вашего родительскаго согласія на ихъ судьбу, такъ сказать, я предварительно сюда, первоначальнымъ образомъ....

— Это дѣло, конечно, почетное и дѣло житейское, Алексѣй Терентьичъ; Ивана Ивановича мы знаемъ тоже, — человѣкъ онъ прекрасный и не совсѣмъ старый, хотя и не вѣрится мнѣ, чтобы его все-таки обуяла такая, какъ ты расписываешь, страсть; а все таки поговорить съ женою и Дунею не мѣшаетъ; а вы подождите маленько, Алексѣй Терентьичъ.

— А вотъ, я въ этомъ уголочкѣ, батюшка,

Черезъ нѣсколько минутъ позванные явились и имъ была объявлена таинственная новость Сливкина.

— Честь лучше безчестья, заключила матушка; мы съ своей стороны сердечно благодарны Ивану Ивановичу за его предложеніе и отъ него не отказываемся, а все-таки отвѣта навѣрняка дать не можемъ, такъ какъ невѣстѣ опасно маленько, не обдумавши влюбиться и замужъ выйти при ея горькой молодости.

Горько-молодая невѣста стояла, потупя глазки; полная грудь ея шумно волновалась, ее личико горѣло, какъ маковъ цвѣтъ.

— Подлинно, еще она у насъ совершенное дитя, прибавилъ отецъ Парамонъ; да и дитя-то единственное; конечно, если своя добрая воля ея, то мы ни въ чемъ неперечимъ; но ужь и молодость

опять ее.... надо подумать хорошенько, Алексѣй Терентьичъ, объ этомъ.

— Я же и говорилъ, батюшка, что вамъ, какъ родителямъ, надобно подумать; а намъ позвольте съ Авдотьей Парамоновной то же подумать, да и нужное слово перемолвить.

— Думайте и вы, будемъ думать и мы, отвѣчали старики; сильно сморщились ихъ поблекшія лица, принимая все болѣе и болѣе сосредоточенное выраженіе по мѣрѣ того, какъ, удаляясь въ смежныя комнаты, они рѣшали участь своей Дуни.

Оставшись съ Авдотьею Парамоновною наединѣ, Сливкинъ началъ продолженіе своего ходатайства слѣдующими словами:

— Вамъ, прекрасная барышня, дабы въ конфузъ не утрафлять, а во смущеніе съ его устраненіемъ сподвигаться, я не повторяю тѣхъ же словъ отъ Ивана Ивановича, кои уже объявилъ родителямъ вашимъ; довольно того, что вы ихъ знаете; а дѣло, конечно, теперь въ томъ, что какого вы о немъ мнѣнія и какого мнѣ быть ему отъ вашей особы сообщенія?

Дѣвушка сильно смутилась и сконфузясь, отвѣчала:

— Я тоже хочу подумать, Алексѣй Терентьичъ.

— И прекрасно поступите, прекрасная барышня; извините только, если я съ своей стороны, осмѣлюсь прибавить, что наилучшее для подобныхъ размышленій мѣсто подлинно существуетъ въ нашей окрестности.

— Гдѣ же это мѣсто, Алексѣй Терентьичъ?

— А въ рощѣ, что надъ озеромъ, Авдотья Парамоновна. Мѣсто прекрасное, настоящіе стихи поэзіи; я самъ, знаете, человѣкъ уже опытный и убѣдился во многомъ о мѣстѣ томъ.

— А я сегодня же вечеромъ схожу туда, отозвалась Авдотья Парамоновна.

— И прекрасно сдѣлаете; тамъ, доложу я вамъ, помимо всякихъ цвѣтовъ, пѣнія соловья и окрестностей, отличнѣйшія раз-

мышленія обрѣтаются; а окромѣ тѣхъ размышленій и различныя встрѣчи, тѣмъ неменѣе пріятныя.

— Какъ, и пріятныя встрѣчи?

— Да-съ, и встрѣчи; вотъ, напримѣръ, сегодня вы можете встрѣтить одного человѣка, завтра другаго; сегодня, напримѣръ Ивана Ивановича; завтра, хоть себѣ, меня.

— Ивана Ивановича тамъ можно встрѣтить? а такъ я лучше не пойду; страшно.

— И барышня, еще смѣлѣе вдвоемъ будетъ гулять и въ размышленіи упражняться, чѣмъ вамъ одной примѣрно. Да, наконецъ, коли вы опасаетесь, то навѣрное вы его тамъ не встрѣтите; ужь мнѣ такъ и кажется, такое можно сказать предчувствіе, что вы его встрѣтите тамъ или нѣтъ.

— Да конечно, что не встрѣчу; онъ вѣдь туда никогда не хаживалъ; а я, право, рада, что вы подстрекнули меня на прогулку; я давно не гуляла.

— Ну, и давай Богъ повеселѣй; а мѣсто то, доложу я вамъ, замѣчательное; тамъ, окромѣ восхищеній, разнаго рода размышленія и свиданія.

— Да ужъ я сама все это увижу, отвѣчала Авдотья Парамоновна; мнѣ только бы пробраться туда половче.

— А коли хотите, такъ я разскажу вамъ; вотъ, какъ настанетъ, примѣрно, восемь часовъ вечера, такъ вы и ступайте; время будетъ прохладное, пріятное, комаровъ немного, луна, пѣніе птичекъ небесныхъ, знаете, да и дорога несбивчивая; только не забудьте послѣ Чернаго мостика взять лѣвѣе — здѣсь посуше будетъ.

Авдотья Парамоновна поблагодарила Алексѣя Терентьича за объясненіе. Алексѣй Терентьичъ еще разъ посовѣтовалъ Авдотьѣ Парамоновнѣ прогуляться; потомъ онъ попрощался съ нею и отправился домой въ самомъ веселомъ расположеніи духа; едва ли, вытершій удачно съ дорогаго гербоваго листа огромнаго чер-

нильнаго жида канцеляристъ испытывалъ такое самодовольство, какое испытывалъ въ настоящее время нашъ Алексѣй Терентьичъ.

Время приближалось къ вечеру; Алексѣю Терентьичу мѣшкать некогда и потому онъ со свойственною всякому исполнительному человѣку поспѣшностью направилъ свой путь прямо въ Каганцы. Когда онъ вошолъ въ домъ Кулебякина, то засталъ уже Ивана Ивановича вполнѣ одѣтымъ и готовымъ отправиться въ завѣтную рощу. Сильно горѣло лице у Ивана Ивановича.

— Ну что, Алексѣй Терентьичъ? Были вы тамъ? Сказали все то? Идти ли мнѣ?

— Въ шляпѣ дѣло, многоуважаемый Иванъ Ивановичъ. Все обладилъ и обошолъ я какъ нельзя лучше; то есть и насчетъ родителей и самого предмета.

— И насчетъ самого предмета.... Ну, что же самъ предметъ, что же онъ? неперпѣливо спрашивалъ Иванъ Ивановичъ.

— А предметъ самъ, въ настоящее время, по тому самому плану моимъ иждивеніемъ содержится; а вамъ, Иванъ Ивановичъ, дабы планъ нашъ не разрушить, слѣдуетъ поспѣшить въ оную рощу; тамъ уже вы, разумѣется....

— Какъ, и въ рощу?... и, значитъ, она уже въ рощѣ, да и я туда, Алексѣй Терентьичъ?

— Да, и вы, многопочтенный Иванъ Ивановичъ, туда же поспѣшить извольте. Да и не мѣшкайте, Иванъ Ивановичъ, время спѣшное.

— Я, сейчасъ.... Да какъ же это, въ самомъ дѣлѣ, неужъ-то и она тамъ, и я туда.

— Да да, и вы туда, и вотъ вамъ ваша шляпа; ступайте, ступайте съ Богомъ, Иванъ Ивановичъ.

— Пойду, пойду, Алексѣй Терентьичъ. Однако, право, нельзя ли, этакъ.... подумать немножко.

— Ахъ батюшка, гдѣ теперь думать—время уйдетъ совсѣмъ; а вы вотъ лучше этакъ помаленечку ступайте себѣ, да ступайте.

— И пойду, сейчасъ пойду, только немножко, знаете, маленькое соображеніе....

— И, Боже мой, дорогой все пересообразите, Иванъ Ивановичъ; оно и легче будетъ; тамъ воздухъ легкій, открытый, а здѣсь душно; вотъ время-то, время уходитъ, Иванъ Ивановичъ.

— Ну да вотъ, я иду уже.

— Ну, и съ Богомъ!

— Прощайте, Алексѣй Терентьичъ!

— Ступайте, ступайте съ Богомъ, Иванъ Ивановичъ.

— Ну, такъ прощайте же.

— Счастливаго вамъ пути и во всемъ успѣха, закричалъ въ слѣдъ Алексѣй Терентьичъ.

Фигура Ивана Ивановича, покачиваясь со стороны на сторону, начала наконецъ подвигаться впередъ. Онъ нѣсколько разъ оглядывался назадъ, но всякій разъ ободрительные знаки Алексѣя Терентьича заставляли его продолжать путь, на которомъ Ивану Ивановичу ежеминутно мерещились пни и колоды.

Между тѣмъ Авдотья Парамоновна уже давно разгуливала въ рощѣ. Погода въ этотъ вечеръ стояла теплая и въ природѣ все было такъ тихо, такъ тихо, что чуткое ухо издалека заслышало бы и разпознало пѣніе всякой мошки. Съ озера вѣяло легкою прохладою и надъ нимъ уже стоялъ блѣдный мѣсяцъ, высоко и открыто на чистомъ небѣ. Вдалекѣ чуялись тихіе звуки работающаго люда; но ихъ изрѣдка покрывало легкое пѣніе славки, кувыркающейся между древесною листвою. На горизонтѣ глазъ изрѣдка упирался въ мелькающія чорныя точки, которыя, переворачиваясь въ воздухѣ, вдругъ вспыхивали яркимъ багровымъ оттѣнкомъ на лучахъ заходящаго солнца и снова тонули въ пространствѣ, и глазъ опять видитъ одну свѣтлую синеву;—то были носящіеся надъ озеромъ и полями орелки—неутомимыя и игривыя птицы. Вслѣдъ за ними, подчасъ, тяжелая кряква, широко разинувъ свой клювъ и крякнувъ во все горло, дугою переносилась

изъ тростника въ тростникъ; западая, она разгоняла воду и тонкіе кружки далеко расходились по поверхности озера, становясь то искристыми, то радужными; въ воздухѣ пахло чѣмъ-то сладкимъ, а съ полей повѣвало сухою пшеницею; и Богъ вѣсть гдѣ, въ далекомъ пространствѣ, мягко побрякивалъ колокольчикъ. Авдотья Парамоновна любила природу и съ наслажденіемъ прятала свою головку въ густую траву, въ которой пѣли мошки и трепали ее по щечкѣ простые дикіе цвѣтки. Она съ увлеченіемъ погрузилась въ эту игру ребяческихъ впечатлѣній и только заслышанный звонъ колокольчика заставилъ ее приподняться немножко; она направила свои глазки и ушки въ ту сторону, откуда неслись эти звуки, и вдругъ увидѣла идущаго къ ней Ивана Ивановича.

Въ это же самое время и Иванъ Ивановичъ замѣтилъ Авдотью Парамоновну. Онъ сильно смутился; первымъ его желаніемъ было припрятаться: сѣсть что ли въ траву, или прилечь лицомъ внизъ; но онъ не рѣшался на эту мѣру, какъ не выгодна она была бы ему для пріобрѣтенія необходимой храбрости; онъ совѣстился обнаружить свое малодушіе и потому рѣшился остаться на виду и предпринять что нибудь другое, а именно: Иванъ Ивановичъ подошолъ къ ближайшей рябинѣ и началъ сплевывать и собирать ползающихъ по ней муравьевъ, дѣлая видъ, что онъ упражняется въ одномъ изъ самыхъ цѣлесообразныхъ занятій. Между тѣмъ Авдотья Парамоновна, увидѣвъ Ивана Ивановича, не смотря на то, что случай этотъ для нея уже былъ вовсе не внезапный, пришла въ крайнюю стыдливость. Ей тоже сначала было пришла идея юркнуть въ зѣвающее вблизи дупло опрокинувшагося столѣтняго дуба, или скатиться кубыремъ внизъ подъ оврагъ гдѣ росла высокая осока; но и ей показалось это очень неловкимъ и она рѣшилась остаться на мѣстѣ и занялась общипываніемъ лепестковъ всѣхъ сосѣднихъ съ ней цвѣтковъ. Оба наши герой и героиня оставались въ такомъ положеніи довольно долго; они,

можетъ быть, и не вышли бы изъ него, если бы занятія ихъ обоихъ были, напримѣръ, одинаковы. Но оказалось, что въ то время, какъ у Ивана Ивановича муравьевъ за каждымъ его плеваніемъ набѣгало все болѣе и болѣе — цвѣтковъ у Авдотьи Парамоновны уже совсѣмъ не осталось. Видя крайнюю необходимость предпринять что нибудь новое, она, наконецъ, рѣшилась окликнуть Ивана Ивановича.

— Ахъ, Боже мой, неужели это вы, Иванъ Ивановичъ, сконфузясь вскрикнула дѣвушка.

— Нѣтъ-съ—это не я самъ, а такъ случайно.... извините Авдотья Парамоновна! отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, поглядывая однимъ глазомъ на Авдотью Парамоновну, а другимъ на муравьевъ.

— А что вы дѣлите тамъ, Иванъ Пвановичъ? снова спросила нѣсколько пріободрясь Авдотья Парамоновна.

— А вотъ-съ растеніе это очищаю-съ; растеніе — тоже твореніе и страждетъ отъ муравьевъ.... такъ вотъ я и очищаю.

— Ишь какой вы милосердный, Иванъ Ивановичъ, не мнѣ чета; а я такъ на оборотъ растенія здѣсь уничтожаю.

— А позвольте узнать, какія растенія вы уничтожать изволите? спросилъ Иванъ Ивановичъ, уже глядя обоими глазами на Авдотью Парамоновну.

— А цвѣтки-съ: колокольчики, фіалочку, лопушинные листочки, незабудочки.

— И незабудочки?... Какъ это можно право—незабудочки.... такая жалость!

— А отъ чего-же незабудочки жаль, а другіе цвѣты — нѣтъ?

— Да это-съ ужъ и отъ одного названія такое соболѣзнованіе; а впрочемъ позвольте взглянуть, какого именно свойства были незабудочки? сказалъ Иванъ Ивановичъ, найдя эти слова лучшимъ предлогомъ приблизиться къ Авдотьѣ Парамоновнѣ.

— А вотъ садитесь здѣсь, такъ всѣхъ ихъ увидите.

Иванъ Ивановичъ долго не рѣшался сѣсть рядомъ съ Авдотьей Парамоновной; онъ сначала нѣсколько минутъ переминался съ ноги на ногу, потомъ пригнулся немного и наконецъ сталъ ракомъ; въ этомъ положеніи онъ сдѣлалъ нѣсколько замѣчаній объ оборванныхъ цвѣткахъ и потомъ уже мало по малу усѣлся; наступило молчаніе.

— Вы часто въ эту рощу ходите? не смотря на Ивана Ивановича, спросила дѣвушка.

— Довольно рѣдко, сегодня въ первый разъ только-съ, отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, глядя на озеро.

— А очень пріятная мѣстность здѣсь, снова сказала Авдотья Парамоновна, взглянувъ на Ивана Ивановича.

— Да, а особенно если гуляешь въ компаніи.... произнесъ робко Иванъ Ивановичъ, переводя глаза на каблучки Авдотьи Парамоновны.

— А въ большой компаніи, я думаю, еще веселѣе, чѣмъ вдвоемъ? спросила Авдотья Парамоновна, заглянувъ Ивану Ивановичу въ глаза.

— А мнѣ такъ именно вдвоемъ, можно сказать, рай по блаженствованію и сегодняшнему вечеру въ природѣ.... Иванъ Ивановичъ не могъ договорить всего того, что ему хотѣлось, но взглянуть на подбородокъ Авдотьи Парамоновны ему вполнѣ удалось.

— А сегодняшній вечеръ, право, прекрасный вечеръ Иванъ Ивановичъ.

— Именно-съ сегодняшній, и исключительно сегодняшній, и особливо для того, чье сердце къ одному предмету и преимущественно къ очамъ его ежеминутно....

Говоря эти слова, Иванъ Ивановичъ взглянулъ на Авдотью Парамоновну. Эта тоже слушала его съ открытыми голубыми очами и потому взоры ихъ встрѣтились. Въ это время оба они почувствовали довольно загадочное впечатлѣніе страха и доволь-

ства—положимъ себѣ такое, какое чувствуетъ языкъ пьяницы, по которому льется стоградусный спиртъ. Но разница тутъ въ томъ, что это впечатлѣніе напрямикъ скользнуло у нашихъ героевъ вдоль ихъ сердецъ и каждаго заставило притаить на нѣсколько минутъ дыханіе. Первая оправилась Авдотья Парамоновна.

— Вы, кажется, что-то сказали о сердцѣ, Иванъ Ивановичъ; о чьемъ-же это вы сердцѣ сказали?

— Да-съ именно о сердцѣ.... это объ этомъ сердцѣ, которое можно сказать, постоянно бьется, говорилъ робко и запинаясь Иванъ Ивановичъ; при этомъ онъ показалъ на свой желудокъ, желая внушительно пояснить страждущій въ немъ центръ.

— Почему-же оно бьется? наивно и съ шутливою кокетливостью спросила Авдотья Парамоновна.

Снова наступило молчаніе.

— Оно имѣетъ къ одному предмету-съ стремленіе и съ сильнымъ жаромъ; а жаръ этотъ, можно сказать, настоящая.... настоящая.... настоящая....

— Что-же такое — настоящая?

— А лю-ю-бовь-съ.... этотъ жаръ....

— Лю-б-о-овь? снова шутливо повторила Авдотья Парамоновна; а къ кому она, Иванъ Ивановичъ?

— Не могу.... т. е. не могу подлинно надѣяться и вызсказать; не смѣю тоже-съ и начинать я этого-съ....

— Вы и мнѣ не можете развѣ этого вызсказать?

— Хотѣлъ-бы, но право какъ-то ни того; только начать-бы— право, а я все съ душевной откровенностью....

Слова опять застряли на языкѣ Ивана Ивановича и онъ на этотъ языкъ трижды послалъ въ мысляхъ жгучаго хрѣну.

— А я очень люблю откровенность; по моему откровенность лучше всего на свѣтѣ, чистосердечно произнесла Авдотья Парамоновна.

— Да, именно что такъ; и только развѣ по тому, что вы ее любите, ужъ не сказать-ли мнѣ вамъ что.... что.... что....

Ну что-же, что Иванъ Ивановичъ?

Что я васъ....

Иванъ Ивановичъ снова замолчалъ. Дѣвушка потупилась, вспыхнула и не говорила ни слова; молчаніе длилось, и было томительное, непріятное.

— Да, дѣйствительно Авдотья Парамоновна; ужѣ если вы любите откровенность, такъ можно сказать, что, я люблю также да еще, Боже мой какъ люблю я, какъ люблю я!

— Кого-же? прошептала Дуня.

— Одинъ предметъ.

— А какой?

— А.... васъ.... васъ люблю я; т. е. виноватъ.... предметъ сей вы и мое сердце къ нему и даже давно со страстью и стремленіями въ моей груди.... Отъ смущенія и избытка словъ Иванъ Ивановичъ закрылъ лицо руками. Прошло нѣсколько времени, Авдотья Парамоновна все еще молчала.

— Да, истинно я люблю васъ, Авдотья Парамоновна, и очень глубоко люблю, очень сильно.... такъ что можно сказать — ну!

— Не можетъ быть Иванъ Ивановичъ, едва слышно сказала Дуня.

— Клянусь вамъ моею.... моею собственною душою и прахомъ отца и матери и всѣхъ ихъ родственниковъ.... даю честное вамъ мое въ томъ слово.... Нѣтъ Авдотья Парамоновна, не понимаете вы меня; а чувство мое очень къ вамъ глубоко, очень глубоко!... Что-же вы мнѣ не отвѣчаете ничего, Авдотья Парамоновна?

— Я не знаю... я тоже того... но не совсѣмъ... не обдумала еще...

— Какъ и вы тоже *того*, дорогая Авдотья Парамоновна?

— Я не совсѣмъ еще, Иванъ Ивановичъ, отвѣчала Дуня, впервые взглянувъ въ глаза Ивану Ивановичу послѣ описанной сцены.

— Ну, а все таки хотя немножно меня вы милая Авдотья Парамоновна *того* вѣдь да? — скажите, да?

— Да, сказала Авдотья Парамоновна.

— Гмъ, сказалъ Иванъ Ивановичъ. Въ первые минуты прилива счастья послѣ этого отвѣта онъ не находилъ, и не зналъ, что дѣлать и что говорить; уже черезъ нѣсколько минутъ совершенно безсознательно онъ схватилъ руку Дуни.

— А можно того... къ устамъ моимъ хотя немножко?...

Дуня взглянула на Ивана Ивановича; краска сильно пахнула ей въ лице, но она все таки склонилась къ Ивану Ивановичу; тотъ цѣловалъ ея руку и едва ли чувствалъ, какъ упругія губки чмокнули сверху его въ лобъ. Когда первый экстазъ улегся Иванъ Ивановичъ снова пришелъ въ замѣшательство—что ему дѣлать? Онъ даже вознамѣрился было для устраненія неловкости своего положенія снова попросить позволенія поцѣловать ручку Дуни, какъ въ это самое время Дуня вдругъ поднялась и уже кивнула ему головой въ знакъ прощанія.

— Такъ погодите же моя милая, несравненная Авдотья Парамоновна; погодите хотя немножечко; хотя часикъ или минуточекъ нѣсколько; хотя скажите, напримѣръ, что мнѣ дѣлать и какъ надѣятся милая, несравненная Авдотья Парамоновна!

— Придите къ папенькѣ и маменькѣ Иванъ Ивановичъ, тамъ и о надеждѣ конечно можно потолковать; а теперь я разумѣется не могу; пусть папенька съ маменькою подумаютъ.

— Ну, а ваше собственное слово, ваше собственное; согласны ли вы?

— Иванъ Ивановичъ, на что вамъ отвѣтъ; вѣдь вы ужъ знаете же.

— Такъ, такъ мой ангелъ, знаю, но не вѣрится еще; однако надежда значитъ есть. Когда же мнѣ теперь снова увидѣть васъ, мой ангелъ, Авдотья Парамоновна?

— Приходите къ намъ въ воскресенье, Иванъ Ивановичъ; я буду ждать васъ; затѣмъ прощайте.

Сказавши это, Дуня быстро и легко сбѣжала съ оврага и направилась по тропинкѣ къ погосту. Ночь уже ложилась тогда на землю и сѣдой туманъ, кое гдѣ заволакивалъ окрестность; долго еще сквозь вечернюю синеву мелькало Ивану Ивановичу свѣтлое платьице Дуни, пока наконецъ она не скрылась за курганомъ; а онъ все еще лежалъ очарованный въ темной рощѣ, сквозь вѣтви которой глядѣли ему въ лице яркія звѣзды. Не собиралъ онъ своихъ мыслей въ эту минуту; въ немъ во всего ширину бродило мягкое и теплое чувство любви и все земное, кромѣ этихъ чувствъ, было теперь далеко отъ этого человѣка; онъ не замѣчалъ, какъ все болѣе и болѣе зажигались въ поднебесьи огни, какъ сильнѣе курился туманъ и гуще и гуще спускалась мгла и, Богъ вѣсть, сколько пролежалъ бы онъ тамъ въ такомъ забытьи, если бы холодной ночной вѣтеръ съ озера не напомнилъ бы ему объ уютномъ жилищѣ его въ Каганцахъ. А въ Каганцахъ уже всѣ давнымъ давно спали, когда пришелъ въ нихъ Иванъ Ивановичъ, не исключая даже сторожа черезъ котораго не безъ труда пришлось перешагнуть ему, такъ какъ спалъ человѣкъ этотъ поперегъ самой дороги.

Настало воскресенье. Передъ обѣднею за Иваномъ Ивановичемъ зашелъ Алексѣй Терентьевичъ и они вмѣстѣ отправились въ церковь. Дорогою между ними происходилъ довольно откровенный разговоръ, въ которомъ между влюбленнымъ и его повѣреннымъ были раздѣлены всѣ мысли чувства и даже мечтанія. Было говорено о настоящемъ ходѣ дѣлъ, о бесѣдѣ въ рощѣ, и о будущихъ предпріятіяхъ. Прійдя въ церковь, Алексѣй Терентьевичъ отправился на одинъ клиросъ, Иванъ Ивановичъ на другой. Оба мужи сіи, въ теченіе всей обѣдни, отличались особеннымъ усердіемъ къ молитвѣ съ примѣрнымъ благоговѣніемъ. Алексѣй Терентьевичъ до того рачительно подстраивалъ и напря-

галъ свой голосъ, что не только затмилъ пѣніе новаго пономаря, но даже привелъ въ слезное умиленіе старушку помѣщицу,—страшную педантку въ дѣлѣ церковнаго пѣнія. Въ свою очередь и Иванъ Ивановичъ велъ себя, какъ истинный христіанинъ православный; кланялся часто и низко, крестился съ ревностію, шепталъ молитвы и ниразу даже не взглянулъ на сторону. Однако, не смотря на все это, лѣвый глазъ его, искони отличившійся своеволіемъ, успѣлъ какъ-то учинить совершенно, быть можетъ, неумѣстную прогулку и донесъ Ивану Ивановичу, что въ церкви и недалеко отъ него стоитъ Авдотья Парамоновна. Впрочемъ послѣ этого открытія Иванъ Ивановичъ началъ кланяться еще ниже и даже нѣсколько разъ вздохнулъ съ особеннымъ глубокимъ чувствомъ. Надобно вообще отдать ему честь, что молился онъ именно такъ, какъ долженъ молиться всякій женихъ, вступая въ совершенно иную жизнь, — счастливую или несчастливую — никто не вѣдаетъ.

Послѣ обѣдни Иванъ Ивановичъ снова столкнулся съ Сливкинымъ и они отправились вмѣстѣ къ отцу Парамону. Дуня прежде всѣхъ очутилась дома и потому на ея долю выпало сначала занимать гостей. Дѣвушка смущалась маленько, взглядывая на Ивана Ивановича. Иванъ Ивановичъ стрѣлялъ глазами въ Дуню, горѣлъ удовольствіемъ и тоже иногда смущался. Порою они обмѣнивались довольно долгими нѣжными взглядами, потомъ улыбались про себя и смолкали. За то Алексѣй Терентьевичъ звонилъ безъ умолку. Наконецъ пришелъ отецъ Парамонъ и матушка.

— Мое нижайшее почтеніе Ивану Ивановичу!

— И мое вамъ батюшка, отецъ Парамонъ, съ особенною привѣтливостію отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ.

— А почему сосѣдушка любезный такъ скоро убѣжалъ отъ насъ третьяго дня?

— А такъ, можно сказать,—болѣзненный уколъ заставилъ...

— И, батюшка Иванъ Ивановичъ и не говорите; ужъ если уколъ — такъ! и толковать нечего; прескверная эта болѣзнь — уколъ; сама я ею страдала; ужъ именно, если уколетъ, такъ не вытерпишь, замѣтила матушка.

— А позвольте узнать, въ какое мѣсто вы чувствовали уколъ матушка?

— А все либо пониже ложечки, либо повыше икры въ ногѣ; а вы батюшка?

— Я... я въ затылокъ, смущаясь отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ; слова эти были сказаны такъ неловко, что даже Алексѣю Терентьевичу сдѣлалось нѣсколько конфузно и онъ поспѣшилъ на помощь къ Ивану Ивановичу.

— Ужъ позвольте намъ доложить всю правду; ужъ вы, Иванъ Ивановичъ, молчите пожалуйста, а я, такъ и быть, все скажу; вы вѣдь человѣкъ деликатный и скромный, а я такъ спроста: посмѣлѣй да попонятнѣе....

— Нѣтъ, Алексѣй Терентьевичъ, ты погодилъ бы.... т. е. какъ же это такъ, спроста? Вѣдь я, я и самъ просто сказалъ, что укололо меня....

— Оно конечно слово вы сказали простое: укоколо — и значитъ укололо; да *укolола укололъ* розь. Можно уколоть иглою, либо пикою, либо стрѣлою; а можно также уколоть и безъ оружія, однимъ, такъ сказать....

— Ахъ, Алексѣй Терентьевичъ, зачѣмъ тамъ сказать, да сказать; вѣдь и я сказалъ уже — вѣдь не все же разомъ; ты бы погодилъ, а я.... того....

— Да вѣдь и я тоже ничего; я только вотъ насчетъ ужасной сей болѣзни вашей, т. е. насчетъ сердечнаго укола.

— Такъ у васъ сердечный уколъ былъ, Иванъ Ивановичъ? А скажите, что это опасная болѣзнь? спросилъ священникъ.

— Ужасно опасная, отвѣчалъ Сливкинъ, особливо при пламенной любви къ предмету....

— Постой, постой Алексѣй Терентьевичъ, я вѣдь и самъ скажу.... все скажу когда-нибудь и насчетъ болѣзни скажу....

— Да вы не церемонтесь насъ, Иванъ Ивановичъ, говорилъ ободрительнымъ тономъ отецъ Парамонъ; скажите — вѣдь недугъ не грѣшное дѣло; грѣшному дѣлу и то пособить можно, а недугу и тѣмъ подавно.

— А у меня и травка разная есть; быть можетъ не хотите ли ромашечки испить? спрашивала озабоченная матушка.

— Нѣтъ, чувствительно вамъ благодаренъ, вѣдь ромашечка потогонное, а теперь и такъ жарко; оно само собою, Богъ дастъ, пройдетъ.

Алексѣй Терентьевичъ въ это время началъ сильно подталкивать Ивана Ивановича локтями, но тотъ все-таки не говорилъ ничего путнаго; наконецъ терпѣніе его не вынесло и онъ вмѣшался.

— Пройти-то оно, конечно, можетъ пройти, но все-таки насчетъ откровенности и добраго совѣта я скажу, что если бы примѣрно я былъ пораженъ сердечнымъ уколомъ дочери чьихъ-либо родителей, то симъ родителямъ открылъ бы болѣзнь свою....

— Постой, постой немножко, я самъ Алексѣй Терентьевичъ, шепталъ на ухо Сливкину Иванъ Ивановичъ, подергивая его за полу.

— Вотъ, примѣрно, теперь Иванъ Ивановичъ въ сильномъ сердечномъ влеченіи находится къ Авдотьѣ Парамоновнѣ....

— То есть я самъ.... моею душею.... и симъ (Иванъ Ивановичъ показалъ на сердце и смѣшался). Ахъ, Алексѣй Терентьевичъ! зачѣмъ это вы при всѣхъ!...

— А какъ же, не-ужъ-то же не при комъ?

— Да все-таки....

— А что-жъ? Вѣдь ужъ какъ вышло, такъ и вышло, да такъ и слѣдуетъ; вотъ и родители сами то же скажутъ.

— Конечно такъ, любезный нашъ Иванъ Ивановичъ. Коли

понравилась въ самомъ дѣлѣ вамъ Дуня наша, да держите вы на умѣ добрыя намѣренія, то первое дѣло сказать родителямъ по хорошему и честному, какъ это и водится.

— Я и скажу, непремѣнно скажу, батюшка....

— Да вы ужъ и сказали, Иванъ Ивановичъ, замѣтилъ Сливкинъ.

— Да, вы ужъ сказали это, Иванъ Ивановичъ, слово ваше сказано; развѣ только повторить его осталось за вами, а тамъ наша очередь говорить.

— А я и повторю, батюшка. Я и давно уже думалъ: надобно мнѣ повторить батюшкѣ, что я уже того.... почти-что чрезвычайно влюбленъ въ Дуню....

— Ахъ! А я-то дура ужъ тоже давнымъ давно догадывалась объ этомъ, да Богъ память отшибъ, сказать позабыла; а догадывалась я давнымъ еще давно! воскликнула съ экстазомъ матушка.

— Да я и самъ смѣкалъ уже это, добрѣйшій другъ Иванъ Ивановичъ; оно и понятное дѣло: молодая дѣвушка и молодой человѣкъ — хоть бы вы.... дѣло понятное, амуры и все такое, не правда ли, Дуня?

Дуня сконфузилась и покраснѣла.

— Чтожь ты стыдишься душечка? продолжалъ отецъ Парамонъ, взявъ за подбородокъ дочку; а что скажи, моя шалунья, вѣдь и ты также.... вѣдь и ты любишь?

— Люблю, папаша.

— И вы, Иванъ Ивановичъ, любите ее?

— Люблю, батюшка.

— И хотите свою судьбу раздѣлить съ ея; идти всю жизнь рука объ руку съ нею; переносить вмѣстѣ горести и радости въ союзѣ супружеской любви и вѣрности?

— О батюшка, дорогой батюшка!... я почти рай созерцаю съ нею, и не только живя, но и послѣ жизни готовъ дѣлить съ нею рука объ руку, горе и радость и все такое; я вѣдь очень люблю ее.

— А ты, моя шалунья, подумала ли ты о будущемъ; ты рѣшилась ли отдать себя ему?

— Да, папенька!

— Ну, такъ Богъ же благословитъ васъ, дѣти!... Живите, любите и берегите другъ друга; а теперь, такъ какъ вы женихъ и невѣста, то подойдите къ благословенію моему и матери и поцѣлуйтесь.

Иванъ Ивановичъ взялъ за руку Авдотью Парамоновну, но не трогался съ мѣста; ему оказалъ въ этомъ случаѣ помощь Сливкинъ. Подскочивъ къ молодой парочкѣ, онъ слегка толкнулъ ихъ другъ на друга, съ видомъ поздравляющаго человѣка и потомъ пододвинулъ ихъ обоихъ къ матушкѣ. Старуха въ слезахъ счастія стала благословлять своихъ дѣтей. Наконецъ наступило время поцѣловаться.

— Поцѣлуйтесь же дѣти, сказалъ отецъ Парамонъ.

Дѣти не цѣловались.

— Ну, Иванъ Ивановичъ.... что-жъ ты, неужели робѣешь?поцѣлуй ее, свою невѣсту.

— Прямо въ щечку, въ щечку, ишь какъ горитъ шельмовская! нашептывалъ Ивану Ивановичу Сливкинъ.

— Дунюшка, что же ты не приголубишь его? Вѣдь дѣло теперь свойское, дичиться нечего; поцѣлуйтесь, дѣти!

Дѣти начали сближаться.

— Вотъ такъ, вотъ такъ! молодцы! одобрялъ отецъ Парамонъ.

Дѣти уже подставили другъ другу губки; новыя одобренія подѣйствовали въ свою очередь и поцѣлуй совершился; но какъ только роковая граница скромности была преступлена, Иванъ Ивановичъ, по обилію чувствъ въ своей юношески любящей, мягкой душѣ, не могъ воздержаться отъ прилива нѣжности; немного отнявъ губу отъ щечки Дуни, онъ снова прильнулъ къ ней и цѣловалъ ее продолжительно, часто и горячо.

Родители и всѣ посторонніе вышли; одни начали заниматься

приготовленіями нужныхъ угощеній для помолвки; другіе трезвонили видѣнное и слышанное всѣмъ, кто имъ встрѣчался, а женихъ и невѣста остались одни. Мнѣ нравится этотъ обычай— давать волю первому жадному и поэтическому чувству любви и не стѣснять его холодными и часто завистливыми или насмѣшливыми посторонними глазами; пусть себѣ гуляетъ оно на свободѣ и льется во всей своей силѣ и пусть дастъ бѣдному человѣку лишнюю долю восторговъ, на которые такъ скупа короткая жизнь его.

Наши влюбленные не упускали изъ виду этого счастья; они, пользуясь уединеніемъ, дали полную свободу своимъ ощущеніямъ и нѣжнымъ порывамъ голубиной души своей; они ласкали другъ друга, цѣловались въ уста, въ ланиты и очи; холили другъ друга, шептали слова любви, мечтали о будущемъ и творили все то, что прилично творить въ увлеченіяхъ невинной, но горячей любви.

Помолвка была отпразднована на славу. Приходская просфорня, вмѣстѣ съ поваромъ Ивана Ивановича, были угощены такъ радушно, что отыскивали дорогу домой ракомъ, и, идя вмѣстѣ до разстаней, порѣшили, что едва-ли самъ губернаторъ, либо ихъ сельскій староста можетъ задать такой пиръ, выдавая дочку. Сапожникъ съ цѣловальникомъ, вышедши изъ кухни отца Парамона, тоже не безъ удовольствія вспоминали, какъ двѣ миски каши и полъ-барана спрятались черезъ ихъ рты не вѣдомо куда; при этомъ сапожникъ доказывалъ, что если бы онъ съ сосѣдомъ не разжижили крупу поповской каши водкою, это на вѣрнякъ у него что нибудь лопнуло бы. Цѣловальникъ же увѣрялъ, что половина принятой имъ пищи перешла въ ту шишку на лбу, которую онъ получилъ при выходѣ изъ кухни батюшки, принявъ печное чело за дверь. Много было и другихъ людей, по разговору которыхъ на возвратномъ пути ихъ можно было судить о гостепріимствѣ отца Парамона; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ расходящійся людъ не

только что попѣвалъ пѣсни, но и приплясывалъ, а мальчишка — псарь Ивана Ивановича, даже во всю дорогу отъ погоста до Каганцевъ валялъ въ присядку. Только нѣкоторые изъ окрестныхъ помѣщиковъ-сосѣдей, приглашенныхъ на помолвку, выѣзжали въ умѣренномъ расположеніи духа; а нѣкоторые изъ нихъ, соображая предстоящій бракъ, казалось, носили на челѣ глобокую, словно зловѣщую думу.

Чрезъ нѣсколько дней послѣ описанной помолвки, въ позднюю вечернюю пору, на дворъ Ивана Ивановича съ шумомъ въѣхала брычка.

Сильно переполохался Кулебякинъ такому внезапному случаю.

Гость въ деревнѣ вообще, и тѣмъ болѣе въ Каганцахъ да еще и въ такую пору — большая рѣдкость; а если и пріѣдетъ, бывало, кто когда въ Каганцы, то никакого грома, ни шума посѣтители Ивана Ивановича никогда не производили (Потому, что отчасти они прибывали къ нему по образцу пѣшаго хожденія, какъ это водится по сосѣдству, или если и на лошадяхъ, то такого смирнаго характера, что удары о нихъ плетью вѣроятно слышны были гораздо дальше, чѣмъ топотъ ихъ ногъ). Въ патріархальной захолустной сторонѣ, гдѣ обиталъ Иванъ Ивановичъ, вообще не любили сильныхъ ощущеній и тѣмъ болѣе шибкой ѣзды, тряски и всего тому подобнаго. Одинъ только засѣдатель бывало, ѣзжалъ, съ звонкомъ и на рысяхъ, да и то рѣдко, потому что больше любилъ искаться въ головѣ, чѣмъ ѣздить по уѣзду; наконецъ въ настоящее время ужъ и засѣдатель не могъ навѣстить Ивана Ивановича, потому что онъ недавно исполнилъ свою службу, вывезши изъ Каганцевъ кулекъ крупъ и трехъ поросятъ въ мѣшкѣ; поэтому дожидать его раньше извѣстнаго срока было незачѣмъ; и такъ по всей вѣроятности въѣхавшій на дворъ съ шумомъ экипажъ былъ не засѣдательскій. Кто-жъ-бы это былъ?... Кто-жъ этотъ нарушитель моего спокойствія и сладкихъ думъ въ настоящую эпо-

ху моей жизни? подумалъ про себя, размечтавшійся Иванъ Ивановичъ.

Оказалось, что пріѣхавшій гость былъ Григорій Ильичъ Шалтаевъ, уже знакомый читателямъ и возвращающійся отъ своего друга въ Питеръ; вакантное время приближалось тогда къ концу и онъ торопился въ университетъ.

— Здравствуйте, Иванъ Ивановичъ! можно мнѣ сегодня ночевать у васъ? спросилъ онъ безцеремонно, входя въ комнату.

Иванъ Ивановичъ, какъ будто сначала не узналъ гостя и растерялся немножко; но потомъ сообразивъ, что человѣкъ онъ ему уже отчасти знакомый, изъявилъ свое согласіе и удовольствіе.

— Я на это и надѣялся, отвѣчалъ Шалтаевъ; я, знаете, шибко очень гналъ почтовыхъ; себѣ спину отколотилъ, а имъ ноги; хочу теперь и ихъ отпустить назадъ и самъ отдохнуть.

— И отлично сдѣлаете, государь мой, преотлично вы сдѣлаете; и дѣйствительно, сами вы отдохнете и мнѣ компанію доставите и имъ полегче будетъ; а не прикажите-ли съ дороги чайку?

— Можно.

— А я ужъ отъ себя распоряжусь на счетъ, такъ сказать спиртуознаго.

— Какъ знаете.

— Да ужъ я, батинька, эту часть знаю; впрочемъ, если правду сказать, такъ больше Анисья, да Акакій Акакіевичъ—засѣдатель нашъ посвятилъ меня въ эту тайну, говорилъ Иванъ Ивановичъ выходя въ другую комнату для должныхъ распоряженій.

Оставшись одинъ, Шалтаевъ подошелъ къ софѣ и растянулся на ней во весь ростъ; лице его было блѣдно; волоса въ безпорядкѣ, на губахъ играла желчная улыбка, особливо, когда онъ отъ нечего дѣлать переводилъ глаза съ одного предмета на другой; увидя на стѣнѣ какой-то портретъ, онъ даже скорчилъ гримасу. Въ это время снова вошелъ Иванъ Ивановичъ.

— Вотъ теперь, какъ кажется, вы вовсе не хотите спать, Иванъ

Ивановичъ; а тотъ разъ когда я былъ, у васъ была — знаете — пре сонная физіогномія.

— Можетъ быть и это; оно, разумѣется, иногда хочется уснуть.

— Да, вѣдь вы же кажется и уснули тогда, если я не ошибаюсь; впрочемъ, что тутъ и дѣлать какъ не спать, зѣвнувъ сказалъ Григорій Ильичъ.

— Ну, не всегда, доложу я вамъ. Въ рабочую пору, напримѣръ, какъ не выгадывай, больше двѣнадцати часовъ для сна не выгадаешь; а при томъ и родъ жизни тоже много значитъ; холостой человѣкъ—тотъ себѣ пожалуй спи, а женатый — совсѣмъ иначе; женатый постоянно трудись, да думай объ будущемъ; женатому сонъ никогда на умъ не пойдетъ.

— А ужъ не женились-ли вы, что вамъ не спится?

— Нѣтъ еще.... т. е. почти что нѣтъ. А скажите, Григорій Ильичъ, хорошая-ли на вашъ вкусъ эта штука-женитьба?

— Если безсоницу наводитъ, то скучная.

— А вообще?

— А вообще все, что ни возьмите, дрянь!

— Какъ такъ? развѣ напримѣръ и жена дрянь, если она примѣрно прекрасная, нѣжная?

— Ха, ха, ха; а что проку вамъ въ ея нѣжности! Развѣ нѣжность вы ѣсть будите? да наконецъ едва-ли и она-то сама существуетъ. Есть только одно — чрево и ничего больше, Иванъ Ивановичъ.

— Ахъ, батюшка, вотъ ужъ и не правда; ужъ что кромѣ чрева многое что есть у жены напримѣръ, это вамъ не только что докторъ, такъ даже любая баба скажетъ. Какъ же можно сказать, что у нея ничего нѣтъ, кромѣ чрева!...

— Эхъ, вы меня не поняли; у нея есть еще и ротъ, чтобъ жевать и руки, чтобы носить въ ротъ, да вотъ еще по вашему и нѣжность, чтобъ съ помощью ее сидѣть на холкѣ у мужа....

— Ну такъ чтожъ дѣлать, что на холкѣ, самодовольно отстаи-

валъ себя Кулебякинъ; ужъ пусть себѣ, Богъ съ ней, обнимаетъ она меня и за голову и за холку — все же это, батюшка, дѣло доброе — т. е. одна любовь. А и безъ жены въ безбрачномъ видѣ тоже жизнь безпутная, съ позволенія сказать — пѣтушья.

— Да жизнь вездѣ глупа, особенно у человѣка; скоты живутъ умнѣе насъ.

— Эхъ, батюшка, все же жена умнѣе скота....

— Да что вы напялили на жену? ужъ навѣрняка женитесь небось, говорилъ Шалтаевъ, смотря съ назойливостью въ глаза Ивана Ивановича.

— А что-жъ, если и женюсь?

— А ровно ничего.

— Какъ ничего?... вѣдь жена....

— А что такое жена, какъ ничего; — та же мебель; вотъ и эта софа — жена.

— Богъ васъ знаетъ, батюшка, я васъ не понимаю.

— Да и не мудрено; вы привыкли глотать воздухъ а я пищу.

— Да, я люблю дышать чистымъ воздухомъ, батюшка.

— Да, у васъ много поэзіи — чистый видители-ли воздухъ, да любовь, да нѣжность, а я васъ не понимаю; я говорю, что у меня и у всякаго человѣка есть только одно чрево и ничего больше....

— А кто знаетъ.... вѣдь вы люди свѣдущіе; гдѣ-же намъ вѣдать всѣ новыя открытія, въ раздумьи произнесъ Иванъ Ивановичъ. Послѣ этихъ словъ хозяинъ замолчалъ и погрузился въ размышленія довольно трудныя, что можно было замѣтить по его сморщенному лбу; Шалтаевъ плевалъ въ сторону, глядѣлъ въ потолокъ и почесывалъ затылокъ. Наконецъ принесли чай и ужинъ.

— А какова ваша невѣста? спросилъ Георгій Ильичъ послѣ послѣдняго блюда.

— А развѣ вамъ уже извѣстно.... что я насчетъ....

— Нѣтъ я ни ее, ни вашего намѣренія не зналъ, а догадался только; да и догадаться-то просто. Вѣдь вотъ вы напримѣръ, уже почти таете, когда только заговоришь вамъ о невѣстѣ.

— Хе... хе... хе... конечно она у меня не дурна.

— А здорова?

— Должно быть здорова — щечки розончикомъ, да и умъ — цвѣтокъ душистый...

— Ну это дѣло второй руки; а вотъ что она здорова—это ладно—жена будетъ.

— Да если бы вотъ вы у меня остались денька на три, я васъ познакомился бы съ нею, Григорій Ильичъ.

— Денька на три говорите вы?.. Пожалуй я останусь — не ради знакомства, знаете, какого нибудь, а такъ отдохнуть.

— Ну вотъ и отлично, я васъ познакомлю...

— А теперь позвольте мнѣ заснуть, Иванъ Ивановичъ; право спать хочется.

— Сдѣлайте одолженіе; не стѣсняйтесь. Тамъ вамъ въ углу постѣль приготовлена; мѣсто — доложу я вамъ — преспокойное; прежде клопы водились; да вотъ на дняхъ мы ихъ всѣхъ передавили съ Анисьею; будете спать отлично.

— Ну такъ и прощайте!

— Покойной вамъ ночи и пріятныхъ сновидѣній, Григорій Ильичъ!

Ивану Ивановичу долго не спалось въ эту ночь. Его сильно возмущали злые отзывы о женитьбѣ вообще его гостя, мнѣнія котораго, Богъ вѣсть почему, имѣли для него вѣщую силу. Однако, онъ уснулъ, успокоенный тѣмъ, что познакомивъ Шалтаева съ своею невѣстою, разрушитъ всѣ его худыя предположенія.

На слѣдующій же день Иванъ Ивановичъ отправился съ Шалтаевымъ къ отцу Парамону. Послѣдній шелъ собственно ради моціона. Приняты они были очень привѣтливо; обоихъ долгое время занимала Дуня. Снанала она была робка, и отвѣчала

чрезвычайно осторожно и застѣнчиво; она даже не смотрѣла прямо на Шалтаева и жалась безсознательно въ уголъ, считая его студентомъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ преопаснѣйшимъ человѣкъ; эти два понятія въ ея головкѣ казались законно другъ изъ друга проистекающими, да къ тому же еще самъ Иванъ Ивановичъ, разсказывая на возу о Шалтаевѣ, передалъ ей бранчивый характеръ этого человѣка. Поэтому на нее напалъ тайный страхъ и долго въ разговорѣ она не рисковала рѣзко открывать свои мнѣнія, буквально, боясь быть обруганною. Но въ сущности волкъ не такъ страшенъ, какъ говорятъ о немъ. Проведя нѣкоторое время въ бесѣдѣ съ нимъ, она сообразила, что Григорій Ильичъ вовсе не сварливъ и не боекъ на слово; а что онъ ругается на все — это ей показалось только странностью или чѣмъ-то въ родѣ болѣзни; да и дѣйствительно желчный тонъ рѣчи Шалтаева со стороны казался вполнѣ искреннимъ. По крайней мѣрѣ въ немъ отнюдь не было видно ни малѣйшей замашки блистать фразами или придираться къ фразамъ. Вскорѣ разговоръ между ними завязался оживленнѣе. Приглянулась ли Шалтаеву Дуня, или ужъ у этого человѣка привычка была такая, только онъ глядѣлъ на нее во все время разговора пристально и прямо въ очи. Дѣвушку даже это нѣсколько разъ смутило; а Иванъ Ивановичъ въ простотѣ душевной восхищался назойливостью Шалтаева и застѣнчивостію Дуни. При разлукѣ назначенъ былъ завтрашній день для совмѣстной прогулки по сосѣдному бору подъ предлогомъ собиранія грибовъ.

— А что, какова она-то у меня? спросила дома, ложась спать, Иванъ Ивановичъ.

— Кто она?

— Да Дуня-то моя?

— Она здоровая женщина.

— Да вѣдь хороша.... хороша плутовочка, вотъ въ чемъ дѣло,

продолжалъ Иванъ Ивановичъ и началъ съ увлеченіемъ приподниматься съ постѣли.

— Здо-ров-ая женщина, произнесъ, поварачиваясь къ стѣнѣ и закутываясь въ одѣяло, гость. Иванъ Ивановичъ вздохнулъ, медленно опустилъ на подушки свою голову и тоже началъ закутываться въ одѣяло.

На другой день герои наши въ условный часъ отправились на прогулку. Дуню догнали они уже на дорогѣ въ назначенное мѣсто. На этотъ разъ она высматривала особенно хорошо. На ней была одѣта кругленькая темная шляпка на манеръ ямской; вообще такія шляпы идутъ къ женщинамъ. Вьющіеся отъ природы ея волосы живописно вырывались изъ тугой, роскошной косы и оттѣняли смуглую розовую щечку; на шейкѣ у нея былъ повязанъ голубой шелковый платочекъ, придававшій еще больше бѣлизны нѣжной кожицѣ. Платье было палевое съ мушечками, но такое скромное и чистенькое, что такъ и хотѣлось по немъ погладить или помять его немножко въ рукѣ. На ножкѣ сапожекъ съ каблучкомъ и ножка маленькая; въ рукахъ у нея была тростяная корзина.

Поравнявшись съ Дунею, Иванъ Ивановичъ счелъ лучшимъ, послѣ привѣтствій, самому немножко отстать, чтобы дать время своему гостю побесѣдовать съ Дунею. Ему непремѣнно хотѣлось, чтобы его Дуня произвела извѣстную долю впѣчатлѣнія на Шалтаева.

— Какъ вамъ нравится наше захолустье? спрашивала Дуня у Григорья Ильича.

— Захолустье и есть захолустье.

— Да вѣдь и захолустье можетъ быть захолустью розь; иное поприличнѣе, другое похуже.

— А мнѣ кажется вездѣ все равно; и тамъ и тутъ все ѣсть хочется.

— Какой вы странный, Григорій Ильичъ! Я вѣдь знаю, что вездѣ ѣсть хочется, да не въ томъ дѣло; я хочу сказать, что въ

иномъ мѣстѣ народъ и общество поприличнѣе, мужички побогаче, а въ другомъ ничего такого нѣтъ; наконецъ самая мѣстность можетъ быть открытая, гористая, живописная или на оборотъ: болота и лѣса.

— А не все-ли равно болота или горы? по моему тамъ лучше только, гдѣ здоровѣе; или гдѣ напр. если хотите воздухъ почище.

— А развѣ у насъ воздухъ не хорошъ?

— Да, тутъ хорошъ.

— Ну такъ значитъ и край нашъ долженъ вамъ нравиться.

— Гмъ—нравиться?... мнѣ ничто не нравится.

— Какъ это такъ вамъ ничто ненравиться? а хорошенькая напримѣръ дѣвушка, или хорошіе напримѣръ стихи?...

— Хорошенькая дѣвушка, хорошенькіе стихи? Ну знаете, эти вещи все сомнительныя.

— Какъ же это такъ сомнительныя?

— Да просто такъ; потому что на вкусъ товарища нѣтъ; а на мой вкусъ ровно ничего нѣтъ красиваго и прекраснаго.

— Я не понимаю васъ, Григорій Ильичъ.... Ну, а добрыя качества, добродѣтель души?

— Гмъ.... души.... какой души?

— Да той, что у васъ и у меня.

— А гдѣ она?

— Да какъ-же гдѣ она? она у каждаго человѣка; вѣдь чѣмъ-же бы и былъ человѣкъ, если бы у него не было души—звѣремъ.

— Развѣ онъ не звѣрь?

— Нѣтъ, онъ не звѣрь; онъ душею и отличается отъ звѣря. Вотъ напр. не будь у васъ души, вы-бы не понимали себя и не отличали бы отъ звѣря, а все таки вы-же отличаете.

— Да я и не отличаю себя отъ звѣря.

— Эхъ полно, вы смѣетесь надо мною; какъ-же можно жить человѣку безъ души; а добродѣтель, а разумъ, скажите, что это? есть-ли это у звѣрей?

— А развѣ у насъ есть добродѣтель? вѣдь и у насъ ее нѣтъ, потому что всѣ мы безнравственны. А разумъ, разумъ.... это есть ничто иное, какъ то, что человѣкъ похитрѣе всѣхъ созданъ.

— Какъ такъ похитрѣе?

— Да такъ, что ходитъ на заднихъ ногахъ, хорошо ощупываетъ предметы, отлично видитъ и слышитъ и поэтому побольше понимаетъ, чѣмъ другія животныя.

— А совѣсть, Григорій Ильичъ?—а любовь?—развѣ они есть у животныхъ?

— Совѣсть есть обычай, Авдотья Парамоновна; что у насъ хорошо, то и другихъ людей дурно; значитъ ее вообще ни у кого нѣтъ; любовь?—любовь существуетъ и у животныхъ.

— Ну ужъ какая тамъ можетъ быть у животныхъ любовь.

— А какая-же у человѣка, Авдотья Парамоновна, какая же у человѣка?... скажите мнѣ, объясните ее? спрашивалъ Григорій Ильичъ, пристально заглядывая Дунѣ въ личико.

Дуня покраснѣла и засмѣялась.

— А вамъ развѣ уже знакома эта любовь? нѣсколько мягкимъ голосомъ спросилъ еще разъ ее Шалтаевъ.

— Я думаю, что все таки она.... такая благородная, приличная, таинственная.

— А будто все это составляетъ удовольствіе любви? вѣдь если вы кого нибудь любите, такъ вѣроятно не ради таинственности или благородства.

— Не знаю, быть можетъ.

— Какъ не знаю? Да вы не скромничайте, Авдотья Парамоновна; вѣдь мнѣ ужъ извѣстно, что у васъ тамъ подъ корсетомъ.... подъ седьмымъ ребромъ знаете.... вы уже не скрывайте отъ меня; вѣдь вы любите?

— А на что вамъ это знать? Вѣдь вы сами говорите, что любви не существуетъ.

— Нѣтъ, она можетъ быть, только не такая, какою вы ее счи-

таете. Но отъ чего-же вы не хотите мнѣ отвѣтить; развѣ со мною нельзя раздѣлить вашихъ думъ, развѣ я не годенъ для этого?

— Нѣтъ, я не потому молчу.

— А по чему-же?

— Да потому, что вы насмѣшникъ и злой.

— Ну, а если я не буду злымъ?

— Я вамъ тогда скажу.

— Ну ладно; я буду теперь васъ ласкать и приголубливать, а вы скажите мнѣ, какъ вы любите?

— Я люблю очень сильно, очень и очень....

— И вы счастливы, Авдотья Парамоновна?

— О, разумѣется!

— Въ головѣ вашей нѣтъ никакихъ чорныхъ думъ? вамъ все рисуется въ розовой атмосферѣ?

— Да, для меня всюду розы и розы!

— И вотъ эта гвоздичка кажется вамъ розою? прибавилъ Григорій Ильичъ, срывая съ дороги красный цвѣтокъ и показывая его Дунѣ.

— Да, и особенно, если мнѣ подаетъ его тотъ, кого я люблю.

— А дайте я вамъ приколю его на грудь, вы сдѣлаетесь невѣстою!

— Прикалывайте себѣ.

Шалтаевъ началъ прикалывать гвоздичку.

Когда онъ наклонился и на щеку его повѣяло дыханіе Дуни и еще тѣмъ болѣе, когда онъ прикоснулся къ полной и роскошной груди дѣвушки, взволнованная кровь бросилась ему въ лице; руки у него задрожали, глаза сверкали страстью.

— Вы славная женщина! говорилъ онъ, нѣсколько сжимая Дуню и смотря ей въ лице.

Дуня глядѣла на него въ недоразумѣніи.

— У васъ славные глаза.... вы красавица.... послушайте, я

хочу попросить у васъ бездѣлицу.... Говоря это, Шалтаевъ началъ прижиматься къ Дунѣ.

— Что вамъ надобно? отвѣчала смущенная дѣвушка, отталкивая Шалтаева.

— Вы красавица!...

— Ха, ха, ха.... красавица! вскрикнула Дуня, вырываясь изъ рукъ Шалтаева; вѣдь красавицъ по вашему нѣтъ; да какая я красавица! Вовсе я не красавица и стыдно вамъ шутить, Григорій Ильичъ!

— Преупрямый ребенокъ, проворчалъ сквозь зубы Шалтаевъ и надувшись пошелъ за Дунею.

— Ну, теперь намъ пора въ лѣсъ разходиться, замѣтила Дуня, вы направо, а я налѣво.

— Нѣтъ ужъ и я пойду съ вами, отвѣчалъ Шалтаевъ.

— Такъ вы ничего не найдете за мною.

— Да я ничего и искать не стану.

— Ну пойдемте.

Лѣсъ, по которому начали собирать грибы наши герои, былъ сухой и открытый боръ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ онъ поднимался, на большія круглыя горки; въ сторонѣ гдѣ-то журчалъ ручей; къ этому мѣсту и направилась Дуня. Она подошла вскорѣ къ оврагу, на днѣ котораго протекалъ ручей и начала обшаривать кусты орѣшника, ища любимыхъ грибовъ своихъ. Оврагъ этотъ былъ довольно глубокъ и берега его живописны; рябина, кленъ и черемуха стояли плотною стѣною; по мѣстамъ возвышались густыя синія ели.

— Вотъ вамъ грибъ, крикнулъ Шалтаевъ ложась подъ густою елью и подавая Дунѣ грибъ.

— Бросайте его сюда!

— Нѣтъ вы сами подойдите ко мнѣ.

— Ну хорошо, давайте же грибъ, отвѣчала смѣясь Дуня и протянула руку.

Шалтаевъ схватилъ ее за руку и сильно сжалъ.

— Что вамъ надобно, оставьте меня, говорила полушутливо и полуобиженно Дуня.

— Вы какъ будто бы дичитесь меня, Авдотья Парамоновна; неужели я такой злой, что отъ меня всѣ бѣгать должны.

— Вы звѣрь....

— Почему это?

— Вы сами это сказали, холодно отвѣчала Дуня и направилась въ другую сторону.

— Ну и убирайтесь себѣ, злобно сказалъ Шалтаевъ.

— Ха, ха, ха, убирайтесь.... вотъ слово!...

— Ну, идите же, идите! зачѣмъ же вы около меня вертитесь? вы надоѣли мнѣ, говорилъ Шалтаевъ, повернувшись спиною къ Дунѣ; онъ облокотился на локоть и началъ играть клочкомъ своихъ волосъ. Въ этомъ видѣ онъ былъ красивый мужчина.

— Ишь какой сердитый, нетронь его, говорила Дуня.

— Я не сержусь, а и вамъ тутъ дѣлать нечего; вотъ шли бы къ тому, какъ его тамъ.... Кулебякину.

— Я и пойду.

— Ну и прощайте!

— Вотъ ужъ и прощайте, какъ будто не увидимся больше; да не сердитесь же, не сердитесь; вставайте Григорій Ильичъ, вотъ вамъ моя рука, подымайтесь!

Дуня подала ему руку; она думала, что оскорбила чѣмъ-нибудь Шалтаева и хотѣла погасить его гнѣвъ.

Шалтаевъ, не обращая вниманія на руку Дуни, всталъ и даже не взглянулъ на нее.

— Ужасная гадость этотъ лѣсъ; пойдемте къ Ивану Ивановичу да потянемъ его домой.

Они отыскали Ивана Ивановича, у котораго была уже полная коробка грибовъ. Человѣкъ этотъ не тратилъ времени по пустому, такъ что, кромѣ набранныхъ грибовъ, онъ успѣлъ уже

начиниться порядкомъ всякаго рода ягодами, растущими въ лѣсу. Съ него градомъ лилъ потъ, но лице было весело, безъ малѣйшаго выраженія усталости.

На возвратномъ пути Шалтаевъ шолъ поодаль и былъ задумчивъ; часто лице его подергивалось гримасою и онъ постоянно покусывалъ губы. Во все время шествія онъ ни разу не взглянулъ на Дуню.

— А что моя голубушка подѣлывала ты въ лѣсу съ Григорьемъ Ильичемъ? о чемъ говорила ты съ нимъ? спрашивалъ Иванъ Ивановичъ, ласкaя пріютившуюся къ нему Дуню.

— А такъ, кое о- чемъ.

— Ну, а нравится ли тебѣ онъ?

— Да, онъ красивый.... но злой.

— Ну, и Богъ съ нимъ; вотъ благо я добръ, да люблю тебя. А вѣдь я ужасно люблю тебя, моя милая Дуня, говорилъ Иванъ Ивановичъ, прижимая къ себѣ Дуню и слегка ее цѣлуя.

— И я тебя также, мой милый.

— А что же ты такая задумчивая сегодня, словно опечалена чѣмъ-то ?

Дуня не отвѣчала; она въ это время смотрѣла на Шалтаева.

— Понюхай, какъ хорошо пахнетъ съ этой стороны; чуешь ли ты, какой вечеръ?

— Да, чудный вечеръ! небрежно отвѣчала Дуня.

Дѣйствительно, вечеръ былъ хорошій: небо было чисто, воздухъ свѣжъ, на землю опускались сумерки; по мѣрѣ приближенія ихъ домой становилось все темнѣе и темнѣе; надъ головами ихъ пронеслась со свистомъ стая утокъ.

— А вотъ и разстани; пора намъ разстаться, сказала Дуня.

— А вотъ я проведу васъ до дому, отозвался Шалтаевъ.

Дуня попрощалась съ Иваномъ Ивановичемъ и вмѣстѣ съ Шалтаевымъ отдѣлилась на побочную дорогу. Шалтаевъ шолъ

молча, не смотря на Дуню. Дуня нѣсколько разъ начинала разговоръ, но неудачно.

— Нѣтъ ничего хорошаго въ жизни, произнесъ вдругъ Шалтаевъ, какъ будто безсознательно; вездѣ грязь, пошлость, монотонность, мелкія радости и глупѣйшія слезы.

— А зачѣмъ же и слезы; развѣ вы часто плачете, Григорій Ильичъ?

— Я не могу ни плакать, ни радоваться; я такъ созданъ.

— Этого не можетъ быть.

— Да; но у меня это въ порядкѣ вещей; впрочемъ, все-таки сердце мое не камень; когда умру — навѣрное сгніетъ; а въ жизни ему ровно ничего хорошаго не дождаться.

— Зачѣмъ вы это такія печальныя думы высказываете; мнѣ жаль даже слушать васъ.

— Прощайте, сухо сказалъ Шалтаевъ, обращаясь къ Дунѣ; вы уже дома, и я домой.

— А когда же мы увидимся?

— Болѣе никогда.

— Что вы говорите? мы завтра увидимся; вы можете прійти къ намъ.

— Я завтра ѣду.

— Такъ зайдите проститься!

— Это совершенно незачѣмъ.

Дуня молчала.

— Такъ неужели мы прощаемся на цѣлую жизнь съ вами?

— Даже на цѣлую вѣчность; впрочемъ, объ этомъ и разсуждать не стоитъ; прощайте!

— Прощайте, Григорій Ильичъ!

Шалтаевъ повернулся и пошолъ было уже назадъ.

— Прощайте же, Григорій Ильичъ! что же вы и не попрощались со мною, какъ слѣдуетъ?

— Это все лишнее, произнесъ онъ сухо, поворотивъ немного

голову на бокъ, но не взглянувъ на Дуню. Вскорѣ туманъ совершенно скрылъ удаляющагося Шалтаева отъ Дуни; но она долго еще стояла и глядѣла въ пространство, спрятавшее Григорья Ильича, словно прислушиваясь къ его шагамъ, или той пѣсни, которую онъ небрежно насвистывалъ. Личико Дуни было очень задумчиво, и грудь тяжело дышала. Простоявъ минутъ десять, она лѣниво поплелась домой.

На возвратномъ пути Шалтаевъ отдалъ распоряженіе о лошадяхъ и на другой день уѣхалъ чуть свѣтъ, не простившись даже съ Иваномъ Ивановичемъ. А Ивана Ивановича сильно поразило такое обстоятельство; ему казалось невѣроятнымъ, чтобы въ такое короткое время можно было подняться, собраться и закусить передъ дорогою. Все это: подняться, собраться и закусить были у Кулебякина операціями, неизбѣжными при каждомъ выѣздѣ и поглощали обыкновенно столько времени, что кучеръ, стоявшій съ лошадьми у крыльца съ нѣкотораго времени, поставилъ себѣ за правило подкидывать здѣсь лошадямъ сѣно. Бывало, если Иванъ Ивановичъ собирается выѣхать въ два часа утра, то навѣрное выѣдетъ не ранѣе двухъ часовъ пополудни. Страннымъ казалось Ивану Ивановичу, какъ это иные люди вертлявы.

Съ другой стороны, Иванъ Ивановичъ былъ радъ этому же случаю. Жолчный Шалтаевъ съ своими рѣзкими фразами сдѣлался ему страшенъ и надоѣлъ немного; а между тѣмъ счастливое время сватьбы приближалось и, по всей вѣроятности, оставшись, Шалтаевъ былъ бы здѣсь помѣхою: «А вотъ, пускай же онъ тамъ колотится на тройкѣ, да прикуситъ себѣ языкъ, а я пойду къ Дунѣ» думалъ Иванъ Ивановичъ.

Дуня была одна дома. Иванъ Ивановичъ, сѣвъ возлѣ нея на диванъ, взялъ ее за руки и молчалъ. Ему хотѣлось было поцѣловать Дуню, но день былъ такой свѣтлый, что рѣшительно на этотъ подвигъ у него не хватало храбрости; а говорить какъ будто стало нечего.

— А гдѣ же Григорій Ильичъ? спросила Дуня нѣсколько неровнымъ голосомъ; она не смотрѣла на Ивана Ивановича.

— Утолокся чѣмъ свѣтъ онъ, и не простился даже — дрянь человѣчишка!

— Какъ, и съ вами не простился? да не поссорились ли вы?

— Ничуть, мой ангелъ: ни онъ на меня, ни я на него не сердиты; я только такъ вообще говорю, что онъ дрянь человѣчишка: бранчивый такой.

— Да вѣдь онъ умный, Иванъ Ивановичъ.

— А что въ томъ толку: всякій изъ насъ уменъ по своему, но не у всякаго сердце одинаковое.

— А развѣ у него сердце злое?

— Ну вотъ и напялила на него; да Богъ съ нимъ — какой онъ ни на есть; лишь бы мы съ тобою были хороши да ласковы. Послѣднія слова Иванъ Ивановичъ произнесъ, нѣжно и тихо подвигаясь къ Дунѣ.

— Гмъ, уѣхалъ не простившись! безсознательно произнесла Дуня.

— Да можетъ быть еще и сломилъ себѣ шею за злоязычіе, прибавилъ съ усмѣшкою Иванъ Ивановичъ; ну да и пускай себѣ ломаетъ онъ шею, а мы съ тобою поцѣлуемся, Дуня; слышишь!

— Зачѣмъ же такое дурное желаніе, Иванъ Ивановичъ? Пусть и онъ ѣдетъ съ Богомъ самъ по себѣ и мы тоже сами по себѣ.

— Ну ладно, ладно, пусть себѣ и онъ и мы съ Богомъ; ну поцѣлуй же меня, Дуня!

Дуня проворно чмокнула Ивана Ивановича.

— А еще разокъ?

— Ну вотъ и еще тебѣ!

— Да ужъ и еще?

— Довольно будетъ, Иванъ Ивановичъ, а то право мнѣ совѣстно....

— Ну и чего же тебѣ можетъ быть совѣстно, Дуня? Вѣдь мы другъ другу свои; можно даже сказать — будущіе мужъ и жена.

— Ну такъ что же?

— А то, что мы должны любить друга и ласкать. Да ты и сама знаешь, что надо между нами то и другое, конечно нѣжность и прочее. Вѣдь ты меня любишь, Дуня?

— Я люблю тебя.

— Ну, такъ поцѣлуй же еще разочикъ?

Дуня и еще разъ поцѣловала Ивана Ивановича.

— Ну вотъ, теперь и у меня на душѣ стало полегче; теперь дай мнѣ твою ручку поцѣловать!

Та ему подала руку и Иванъ Ивановичъ началъ поочередно цѣловать всѣ пальцы; окончивъ, онъ попросилъ другую ручку, и въ другой ручкѣ тоже перецѣловалъ всѣ пальцы; послѣ этого онъ успокоился и зажмурилъ глаза; на устахъ его иной разъ мелькала улыбка, надъ челомъ витала мечта.

— А вѣдь хорошо любить! говорилъ Иванъ Ивановичъ.

— Да, отвѣчала задумчивая Дуня.

Отчего Дуня задумчива? Отчего глаза ея не глядятъ такъ прямо и весело, какъ прежде? Отчего она сдѣлалась такою сосредоточенною, сдержанною? Ужь не злое ли это предчуствіе, или просто тоска по разлукѣ съ дѣвичью волею? Впереди предстоитъ ей незнакомая иная жизнь долгая, долгая и таинственная. Въ ней заранѣе звучатъ какія-то цѣпи, или, если угодно, брачныя узы. А жизнь пережить не поле перейти. Въ этой жизни можетъ быть много роковаго, злополучнаго, можетъ быть много и пріятнаго, чарующаго, сладкаго, а чего больше? — Богъ вѣсть. Быть можетъ обо всемъ этомъ теперь Дуня и думала.

— А что будетъ въ слѣдующее воскресенье, Дуня?... Я что-то позабылъ. Скажи, что будетъ въ слѣдующее воскресенье? Говорилъ шутливо Иванъ Ивановичъ.

— Наша свадьба, Иванъ Ивановичъ, отвѣчала просто Дуня.

— Ой-ли, неужели такъ?

— Да.

— Ну, такъ не забывай мой Ангелъ; а прекрасный этотъ день воскресеніе; нынче и розговѣны въ воскресенье будутъ.

— Кажется, что такъ.

— А далеко ли, Дуня, до этого воскресенья?

— Пять дней.

— Неужли только пять?

— Да, только.

— Фу, какъ мало; да это и собраться не успѣешь.

— Вы сами назначили, Иванъ Ивановичъ.

— А ужъ не отложить ли?

— Какъ знаете.

— Гмъ! нѣтъ, отложить нельзя, а надо поторопиться; да и въ самомъ дѣлѣ я какъ будто разкисъ совсѣмъ; теперь дѣйствительно надобно поторопиться, а то и не успѣешь.

— А что же такое намъ надобно приготовлять особенное?

— А какъ же! много чего, Дуня. Вѣдь и подумать надо время; а знаешь, Дуня, пойду-ка я теперь домой; все же оно лучше, лишній день выгадаю.

— Идите Иванъ Ивановичъ.

Иванъ Ивановичъ ушолъ. Дорогою онъ обдумалъ планъ быстрѣйшаго дѣйствія для приготовленій къ сватьбѣ, и съ помощью Алексѣя Терентьича и Анисьи все устроилось какъ нельзя лучше. Въ субботу былъ дѣвишникъ. Въ воскресенье къ обѣднѣ съѣхались всѣ сосѣдніе помѣщики; послѣ обѣдни совершилось бракосочетаніе, и всѣ гости отправились пировать сначала въ Каганцы, потомъ къ отцу Парамону, потомъ опять въ Каганцы и опять къ отцу Парамону. Пировали такимъ образомъ цѣлыхъ шесть дней. И пиръ былъ на весь міръ.

Такимъ образомъ и оженился нашъ Иванъ Ивановичъ. Посулимъ счастья доброму человѣку этому съ его супругою. Пожелаемъ ему отъ души всѣхъ житейскихъ радостей и наслажденій, счастія и благополучія и во всѣхъ дѣлахъ его благаго поспѣшенія!

ГЛАВА IV.

So dear i love him, that with him all deaths
J would endure, without him live no life!
Parad. lost. Milton.

Быстро летѣло время для новобрачныхъ. Тихія радости, нѣжныя ласки, обильно сопровождающія медовый мѣсяцъ супруговъ, до того убаюкали ихъ вниманіе, что оно буквально заснуло — отвратилось отъ всего посторонняго. Да и когда же было тутъ думать о постороннемъ, когда всѣ мысли и побужденія ихъ были устремлены на угожденіе другъ другу, или на думу о томъ, какъ бы попривѣтливѣе приголубить одному другаго? Бывало, съ ранняго утра, тотчасъ же, вставъ съ постели, Иванъ Ивановичъ уже начиналъ думать о томъ, какимъ новымъ ласковымъ словомъ встрѣтить пробужденіе Дуни; а Дуня, бывало, лежитъ зажмурившись и слушаетъ, что шепчетъ ей Иванъ Ивановичъ; а выслушавъ выдуманныя имъ сладкія слова, придумываетъ на нихъ такіе же умильные отвѣты, что всякій разъ, какъ только она скажетъ ихъ Ивану Ивановичу, онъ усердно засмѣется, а иногда даже и чихнетъ отъ удовольствія. Умывшись, оба супруга думали о томъ: какія кушанья изгововлять на обѣдъ, чтобы они соотвѣтствовали ихъ вкусамъ. Очень рѣдко въ этомъ случаѣ происходили между ними недоразумѣнія и почти никогда не было споровъ. Какъ

Иванъ Ивановичъ, такъ и Авдотья Парамоновна любили жирное и сладкое и, значитъ, вся суть спора состояла въ томъ, что въ иномъ случаѣ трудно было рѣшить вопросъ: въ какое кушанье прибавлять сахару и въ какое сала. Впрочемъ, если и бывали маленькія пренія, то только тогда, когда Иванъ Ивановичъ ревностно настаивалъ, чтобы въ яичницу, либо въ какое другое блюдо, клали и сало и сахаръ вмѣстѣ, въ равномъ количествѣ; этому иногда противилась Авдотья Парамоновна; впрочемъ, всѣ споры оканчивались между ними миролюбиво и они цѣловались послѣ каждаго изъ нихъ съ такимъ же увлеченіемъ, какъ и первый разъ въ своей жизни. Поцѣловавшись, супруги отправлялись за чай. Чаеваніе продолжалось до обѣда, а обѣдъ до вечерняго чаеванія, Послѣ вечерняго чаеванія Иванъ Ивановичъ надѣвалъ соломенную шляпу съ такими широкими полями, что неразъ, бывало, во время дождя множество ребятишекъ, пріютившись къ его ногамъ. находились въ полной безопасности быть замоченными. Надѣвъ эту съ широчайшими полями шляпу, онъ бралъ въ правую руку липовую дубинку, а лѣвую предлагалъ Дунѣ. Такимъ образомъ супруги подъ ручку отправлялись гулять обыкновенно съ намѣреніемъ собирать грибы и ягоды. Но надобно замѣтить, что чаще всего они къ вечеру очучались какъ-то не въ лѣсу, а въ огородѣ, гдѣ лущили горошекъ, собирали огурчики или упражнялись въ передразниваніи домашнихъ птицъ. Иванъ Ивановичъ особенно искусно дразнилъ индюка и утѣшалъ этимъ Дуню. А Дуня въ свою очередь отлично умѣла куковать и даже кудахтать по куриному и забавляла этимъ Ивана Ивановича. Набавившись вдоволь, супруги приходили домой, заказывали ужинъ и снова думали о томъ, какъ бы поласковѣе попрощаться на сонъ грядущій. Въ такихъ занятіяхъ совершенно незамѣтно прошли медовые мѣсяцы и наступила зима. Образъ жизни ихъ измѣнился мало; вся разница заключалась въ томъ, что по вечерамъ, вмѣсто прогулокъ, они садились передъ топящимся каминомъ и бросали

въ огонь щепочки. По воскресеньямъ ѣзжали къ отцу Парамону, отчасти ради обѣдни, отчасти ради намѣренія свезти родителямъ гостинецъ. Это намѣреніе, къ тому же, давало много размышленій Дунѣ. Она имѣла случай обнаружить здѣсь свой вкусъ и изобрѣтательность, потому что всякій разъ гостинцевъ одинаковыхъ возить было нельзя, а надобно было располагать ихъ такъ, чтобы они производили больше эффекта. Разъ, напримѣръ, она свезетъ горячій пирогъ, въ срединѣ котораго, вмѣстѣ съ начинкою, запечена бутылка какого нибудь замѣчательнаго вина. Другой разъ повезетъ десятокъ банокъ *вареній на разные колѣна* и въ придачу къ нимъ поросенка. Въ третій — ящичекъ конфектокъ и, какъ первое лакомство — въ четверть аршина толщины кусокъ малороссійскаго сала; или, наконецъ, за неимѣніемъ чего такого особеннаго, свезетъ иной разъ, ради разнообразія, связочку чесноку, который особенно хорошо произрасталъ въ Каганцахъ. Родители тоже, въ свою очередь, надѣляютъ дѣтей гостинцами и дѣти, лакомясь дома, сулятъ имъ счастія и здоровья, и всякаго благополучія. Вслѣдъ за рождественскими калбасами настало для нихъ тягостное время великаго поста. Оба лакомки, хотя и морщились втихомолку, но постились такъ усердно и такъ воздержно, что въ первый же день Пасхи оба заболѣли на животъ. Весною, къ прежнимъ занятіямъ, присоединилось нахожденіе и раззореніе птичьихъ гнѣздъ, особливо птицъ вредныхъ, подобныхъ грачамъ и воробьямъ. Впрочемъ Дуня собирала иногда и цвѣты, дѣлала букеты и дарила ими Ивана Ивановича; а Иванъ Ивановичъ за всякій сюрпризъ тотчасъ вытянетъ изъ своего кармана сушоную грушку или черносливину, и отблагодаритъ Дуню. Лѣтомъ возобновились опять прогулки. И вся однообразная жизнь этихъ добрыхъ людей была иакъ тиха, такъ ласкова, такъ полна взаимной любви и внимательности, что трудно было подумать, чтобы поперегъ ихъ пути перебѣжала черная кошка. Но увы, читатель! Видалъ ли ты ясный горизонтъ? — Очень ча-

сто. Но замѣть, что нѣтъ того божьяго дня, чтобы на немъ не висѣли если не тучи, то, покрайней мѣрѣ, облака, темныя и зловѣщія.

Прошолъ годъ, и снова наступила блаженная осень. Для людей мечтательнаго разряда можетъ показаться страннымъ такое величаніе скучнаго, холоднаго и грязнаго времени года; но если для нихъ весною легче мечтать, то изъ этого не слѣдуетъ, чтобы та же благодать присуща была Ивану Ивановичу. Иванъ Ивановичъ, напротивъ, осенью только и чувствовалъ какое-то особенное довольство и игривую бодрость. Обиліе ли даровъ природы, или что другое настроивало его въ это время такимъ образомъ не знаю, но всякую осень Иванъ Ивановичъ положительно разцвѣталъ. А наступившая осень имѣла для него еще двойную прелесть. Во первыхъ она была урожайная и теплая; во вторыхъ связывала съ собою сладкія воспоминанія о быломъ, такъ какъ въ эту пору прошлаго года онъ испытывалъ первыя наслажденія горячей своей любви, первые сны, грезы и тревоги и тому подобныя волненія, чрезвычайно безполезныя и чрезвычайно пріятныя. И вотъ, приближается уже годовщина брака. Иванъ Ивановичъ въ тепломъ широкомъ халатѣ сидитъ на диванѣ около чайнаго стола и куритъ трубку; по временамъ онъ выпускаетъ тонкія струйки дыму, нацѣливая ихъ на мухъ, сидящихъ на стѣнѣ; разогнавъ мухъ, онъ съ довольнымъ лицомъ взираетъ на Дуню, которая сидитъ противъ него въ широкомъ креслѣ и прихлебываетъ чай. Дуня мило улыбается, протягиваетъ впередъ губки и супруги цѣлуются; послѣ этого они подбавляютъ себѣ въ чай свѣжеизготовленнаго варенья, и занимаются чаепитіемъ. Самоваръ шепчетъ усыпительную легенду; за окномъ въ саду жужжитъ рой комаровъ и уху слышится настоящая музыка. Послѣдній лучъ закатывающагося солнца, Богъ вѣсть, откуда прокрался въ комнату и облилъ все краснымъ заревомъ, и загорѣлись старинныя картины Наполеоновъ, Суворовыхъ и амуровъ на стѣнахъ столовой

Ивана Ивановича, и лица ихъ словно улыбаются. Старый котъ уже десять лѣтъ, какъ кажется, не сходившій съ войлочной подушки около камина, лѣниво потягивается и умильно глядитъ на солнечный свѣтъ и особливо на молочникъ; а въ окнѣ ежеминутно мелькаютъ ласточки, сверкая, подобно звѣздамъ, когда ихъ внезапно охватываетъ свѣтъ заходящаго солнца. Воробьи чирикаютъ надъ горохомъ, и гдѣ-то слышна пѣсня деревенской бабы. Все это убаюкиваетъ нашихъ помѣщиковъ, и они беззаботно поглядываютъ въ разныя стороны, прислушиваются къ разнымъ звукамъ и иногда улыбаются другъ другу. Между тѣмъ густой паръ поднимается изъ самовара и радужными кольцами, проходя по солнечнымъ лучамъ, распространяется по комнатѣ; — пріятно щекочетъ въ ноздряхъ и возбуждаетъ аппетитъ. Иванъ Ивановичъ пристально сталъ всматриваться въ радужную игру цвѣтовъ и хотѣлъ было уже обратить вниманіе на эту картину Дуни, какъ вдругъ раздался лай собакъ и къ крыльцу подкатилъ экипажъ Растворилась дверь и вошелъ Шалтаевъ.

Супруги пришли въ большое смущеніе. Иванъ Ивановичъ пустился въ спальню со всѣхъ лопатокъ, съ такою быстротою и и такими прыжками, что всѣ грушки одна за другою высыпались изъ его кармана. Дуня думала сначала спрятаться за самоваръ, но образумилась; догадавшись, что это совершенно невозможно, она робко оглянула сама себа и увидя, что нарядъ ея довольно приличенъ, рѣшилась наконецъ привѣтствовать Шалтаева.

— Я по старому знакомству на перепутьи завернулъ къ Ивану Ивановичу, да кажись что не впопадъ А вы, какъ кажется, уже жена его?

— А вотъ уже скоро годъ будетъ, отвѣчала Дуня.

— Странно!... Вы не измѣнились нисколько; а вѣдь въ порядкѣ вещей, знаете, осунуться какъ гнилушкѣ всякой женщинѣ въ первый же годъ замужества.

— Нѣтъ, я слава Богу, цѣлый годъ была здорова, сказала она подавая ему чай.

— Да это и видно. Ну, а Иванъ Ивановичъ вашъ по прежнему, небось, отъѣдается. Вѣдь вотъ на полу это, кажись, его грушки разсыпаны?

— Да, это онъ, бѣжа переодѣться разронялъ ихъ; онъ сейчасъ, и самъ выдетъ сюда.

Дѣйствительно, къ концу часа послѣ пріѣзда гостя, Кулебякинъ вышелъ одѣтый, умытый и почесанный.

— А вотъ это уже изъ рукъ вонъ плохо, что вы вздумали для меня наряжаться; вѣдь я не женихъ для васъ Иванъ Ивановичъ, говорилъ Шалтаевъ.

— Какъ же-съ, теперь уже совсѣмъ иное время батюшка, чѣмъ вотъ тогда—попрежде маленько. Теперь ужъ, того, какъ-бы то ни было жена моя дома, (при этомъ онъ указалъ пальцемъ на Дуню)—неприлично немного.

— Да приличья не про меня писаны; впрочемъ на этотъ разъ, кажись слѣдуетъ поздравить васъ съ законнымъ бракомъ и пожелать разныхъ разностей.

— Хе, хе, хе.... оно конечно можно, да вѣдь ужъ пожалуй себѣ, что и годъ цѣлый прошелъ. Дуня, когда будетъ годовщина нашей сватьбы?

— Въ будущее воскресенье, Ваня.

— Ну, вотъ такъ и есть, въ слѣдующее воскресеніе будетъ годъ.

— А если такъ, то я лучше тогда къ вамъ заѣду и за одно поздравлю и съ годовщиною и съ прошедшимъ бракомъ.

— За это весьма благодаренъ. А позвольте узнать, куда же это васъ теперь Богъ несетъ?

— Меня не Богъ, а кажется несетъ чортъ. Вотъ видите-ли, я кончилъ курсъ въ университетѣ, такъ хочу пошататься по Малороссіи, чтобы найти себѣ службу; эта сторона по выгод-

нѣе другихъ; хлѣба, покрайней мѣрѣ будетъ вдоволь и чужи меньше.

— Чего это вы изволили замѣтить меньше въ странѣ нашей— Малороссіи? спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— Въ ней меньше чужи, или той чепухи и грязи, отъ которой не очистишься въ нашихъ просвѣщенныхъ столицахъ.

— А значитъ осень тамъ должно быть очень дождливая?

— Да и осень дождливая, вяло добавилъ Шалтаевъ, не желая затруднять себя разъясненіемъ тѣхъ невзгодъ, которыя онъ называлъ словами чужь и грязь.

— А теперь собственно куда же изволите путь держать?

— Къ товарищу по университету — звалъ къ себѣ на осень.

— А далеко это?

— А я право не помню, не глядѣлъ въ подорожную, сотни двѣ, думаю, еще будетъ.

— Ну такъ не близко; а знаете, что пришло мнѣ въ голову? Если какъ вы изволили сказать намъ, что вамъ нравится страна наша Малороссія, то вѣдь и мы живемъ въ Малороссіи. Чѣмъ ѣхать вамъ Богъ вѣсть куда, оставайтесь вы погостить у насъ. Вотъ и годовщина, праздникъ семейный настаетъ у насъ; подумайте-ка, Григорій Ильичъ?

Шалтаевъ съ вопросительнымъ выраженіемъ на лицѣ взглянулъ на Дуню; та, казалось, была не много озадачена внезапнымъ предложеніемъ Ивана Ивановича, но, повидимому сочувствовала ему. Шалтаевъ задумался нѣсколько.

— Хорошо, спасибо за радушіе! я останусь у васъ недѣли на двѣ-на три.

— Браво, спасибо Григорій Ильичъ; видно, что изъ молодцевъ молодецъ! Ужъ по одной рѣшительности это видно. Я и самъ когда-то въ ваши годы былъ такимъ; — не любилъ долго нянчиться съ приглашеніями; это вотъ только теперь жена меня разнѣжила....

— Чѣмъ же я могла тебя разнѣжить, Ваня? Вѣдь ты еще больше меня любишь нѣжиться на лежанкѣ.

— Ну, ну, ну ужъ съ тобой лучше не спорь. Она у меня, знаете, такая чувствительная на словахъ, что хоть куда — съ самодовольствомъ произнесъ Иванъ Ивановичъ, обращаясь къ Шалтаеву. Ну, а васъ, добрѣйшій мой Григорій Ильичъ, очень благодарю за ваше согласіе провести съ нами осень. Только чуръ съ уговоромъ, чтобы безъ всякихъ церемоній. Будьте, знаете, въ нашемъ домѣ семьяниномъ да и только. Даже и въ халатѣ, если вамъ угодно....

— Благодарю васъ за снисходительность. Я ни халатовъ, ни туфель не ношу, а церемоній и безъ вашихъ просьбъ не обнаружилъ бы; вѣдь я въ нихъ смыслю меньше, чѣмъ вотъ напримѣръ хоть бы этотъ котъ въ мышахъ.

— А вѣдь угадали они, замѣтила Авдотья Парамоновна; этотъ котъ преневинное созданіе — ни одной мышки еще на роду своемъ не поймалъ; должно быть еще не выучился.

— И такъ, заговорилъ Иванъ Ивановичъ, вы теперь у насъ не гость, а семьянинъ. Возьмите себѣ любую комнату, помѣститесь въ ней какъ вамъ угодно; я вамъ дамъ хлопченка въ услуги и все такое; а вы съ своей стороны ужъ батюшка, не откажите намъ въ удовольствіи иногда сопутствовать въ прогулкѣ, или иной разъ книжечку прочесть намъ вечеркомъ, или исторійку разсказать — что сами захотите для своего развлеченія.

— Это все можно будетъ; теперь же позвольте мнѣ убраться въ мою комнату; меня забираетъ что-то сонъ.

— А какъ-же съ ужиномъ-то, развѣ туда прислать вамъ его? спросила Дуня.

— Нѣтъ ужъ этого пожалуйста никогда не дѣлайте; ничего не присылайте мнѣ туда; а если я не приду когда самъ обѣдать или чаевать, такъ значитъ въ этотъ день не хочу и не буду вовсе. Покойной вамъ ночи!

— Да съ дороги, право, нужно бы было перекусить, съ участіемъ замѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

— Нѣтъ, я ничего не буду ѣсть, отвѣчалъ Шалтаевъ, удаляясь въ свою комнату.

Супруги остались въ недоразумѣніи; имъ подобный отказъ отъ ужина казался какимъ-то противуестественнымъ событіемъ; да и въ самомъ дѣлѣ, какъ же это можно человѣку, ничего не поѣвъ, ложится спать, да еще съ дороги, когда они, самымъ покойнымъ образомъ проводя день, не только что регулярно ужинаютъ въ четыре блюда, но еще, отправляясь въ постель, сверхъ того не могутъ отказать себѣ, чтобы не закусить печеными грушками.

— Что это онъ, ужь не скромничаетъ-ли на первый разъ, Дуня? спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— Нѣтъ онъ не скромничаетъ; онъ не такой, чтобы скромничать.

— А мнѣ вѣдь жаль его, если онъ скромничаетъ, Дуня; вѣдь сама посуди, какъ же можно не ужинавши лечь; вѣдь посуди — цѣлая ночь!

— Да онъ должно быть привыкъ такъ.

— Странная, ужасная привычка, замѣтилъ въ раздумьи Иванъ Ивановичъ.

Черезъ нѣсколько часовъ все спало въ Каганцахъ, начиная съ Ивана Ивановича и сторожа и кончая дворными собаками. На другой день проснулся ранѣе всѣхъ Шалтаевъ. Вставши, онъ отправился къ озеру, покупался и пошелъ оглядѣть окрестности Каганцевъ. Солнце только что начало тогда выползать изъ-за маковокъ березовой рощи и сквозило чрезъ листву деревьевъ какъ-то особенно весело. Вдали поднимался сѣдой, густой туманъ, перерѣзываемый иногда черными точками — перелетающими утками; гдѣ-то дребезжалъ крикъ проснувшейся птицы и, зычно пронесясь въ утренней тишинѣ, замолкалъ какъ-то медленно и нехотя. Небо было чрезвычайно чисто и еще круглый мѣсяцъ

блѣднѣлъ отъ туда; воздухъ, проникнутый сладкимъ запахомъ гречихи, ложился такъ легко на грудь, что Шалтаевъ даже нарочно зѣвнулъ нѣсколько разъ во всю ширину рта. Сквозь дымку паровъ кое-гдѣ уже начинали блестѣть верхушки окрестныхъ лѣсовъ и кровли селъ и золотистый блескъ не замѣтно прокрадывался все далѣе и далѣе. Но Шалтаевъ какъ-то вяло разсматривалъ окружающія его картины; былъ ли онъ чуждъ наслажденій природою, или быть можетъ ему было очень холодно въ одномъ парусинномъ сюртукѣ, только онъ какъ будто ровно ничего не чувствовалъ. Глядѣлъ, тупо прищуривая глаза и морщился словно озлобленный. Не смотря на это, онъ выходилъ однако всѣ ближайшія тропинки и закоулки Наконецъ уже началъ возвращаться чрезъ садъ домой. Входитъ на балконъ и застаетъ тамъ Дуню.

Дуня никогда не вставала такъ рано, и на сегодняшній день это случилось такъ потому, что ее мучила безсонница. Неотвязно лезло ей въ голову воспоминаніе о годахъ прошедшихъ, о событіяхъ минувшихъ; между прочимъ навернулась мысль и о Шалтаевѣ и припомнились ей тѣ возмутительныя рѣчи и сцены, которыя происходили съ годъ тому назадъ. Припомнилось и то прощанье, гдѣ онъ холодный, презрительный, съ какою-то равнодушною заносчивостью, не хотѣлъ даже сказать ей привѣтливаго слова при разлукѣ. Между тѣмъ онъ былъ красивъ, мужественъ и статенъ; носилъ выраженіе удали на челѣ; глаза блистали умомъ; замашки и пріемы отзывались гордою самонадѣянностію; рѣчь была сильна и коротка. Дуня безсознательно тогда залюбовалась всѣмъ этимъ; да и теперь она не прочь была сказать, что онъ красивый, если не милый малый. И вотъ въ ея головѣ начинаютъ бродить смутныя думы о теперешнемъ ея положеніи замужней женщины и о пріѣхавшемъ гостѣ. Душа ея чуетъ не доброе, хотя она сама еще не знаетъ этого. Въ ней закипѣли мысли о сближеніи съ этимъ человѣкомъ, о веселомъ провожденіи времени, о будущихъ развлеченіяхъ, вообще о какой-то перемѣнѣ, хотя не на долго, однообраз-

ной ихъ жизни. Тутъ ужъ не до сна было. И вотъ, намаявшись въ жаркой постели, чуть брызнулъ свѣтъ, она встала, пріодѣлась и вышла тихохонько, чтобы не разбудить всѣхъ спящихъ на тотъ балконъ, гдѣ ее встрѣтилъ теперь Шалтаевъ.

— А вы-то за чѣмъ такъ рано поднялись? спросилъ ее онъ.

— Мнѣ что-то не спалось сегодня, Григорій Ильичъ.

— Можетъ быть не здоровы—или вѣрнѣе насѣкомыя....

— Нѣтъ, просто безсонница.

— А знаете что Авдотья Парамоновна— безсонница безъ причинъ есть страшная чепуха; и если у васъ такая-же безпричинная безсонница, то вы просто дурите.

— Можетъ быть и такъ; я не спала потому, что ни какъ не могла отвязаться отъ разныхъ мыслей.

— Ну такъ и есть! все мысли, мечтательность, воображеніе и тому подобныя пустозвучія.

— Нѣтъ, ихъ скорѣе можно назвать воспоминаніями и поэтому вовсе не пустозвучіями.

— А что-же такое воспоминанія, если не таже пустота, или такъ сказать, воображаемые звуки прошедшаго? Что за польза возиться съ такими воспоминаніями, которыя наводятъ безсонницу; ну не глупость-ли это, подумайте?

— А у васъ развѣ нѣтъ никакихъ воспоминаній?

— Нѣтъ, я ихъ не знаю; мое прошедшее было такъ пошло и обыкновенно, что не стоитъ труда о немъ и думать.

— Ну такъ вотъ видите, вамъ не знакомы ни воспоминанія, ни впечатлѣнія воспоминаній, и вы принимаетесь ругать ихъ; вѣдь и это тоже похоже на глупость.

— Гмъ.... а вѣдь и вы словно ругаетесь, Авдотья Парамоновна, произнесъ Шалтаевъ, съ удовольствіемъ взглянувъ въ глаза Дуни.

— Нѣтъ, мнѣ кажется, что вы искуснѣе меня; вы умѣете браниться на все безъ разбору; вы бранитесь какъ будто-бы по заказу. А я браню только то, что по моему не ладно.

— Ишь какою вы умницею сдѣлались.

— А чѣмъ-же—позвольте узнать—была я прежде, глупенькою должно быть?

— Нѣтъ, вы были по трусливѣе.

— Я тогда еще не такъ хорошо васъ знала.

— А теперь будто вы меня знаете.

— Немножко.

Шалтаевъ понурилъ голову и нѣсколько минутъ не говорилъ ни слова. Дуня встала и хотѣла было уйти.

— Зачѣмъ вы уходите? спросилъ онъ ее быстро.

— Холодно мнѣ здѣсь.

— Нѣтъ не правда вамъ не холодно, а скучно со мною.

— Ошибаетесь, Григорій Ильичъ.

— Ну такъ значитъ *боитесь* за себя, значитъ что вы все таки трусиха.

Дуня ничего не отвѣтила; она только взглянула на него съ такою миною, которая говоритъ «смѣшенъ ты братецъ», и ушла.

Шалтаевъ сильно нахмурился; онъ съ досады закусилъ губы и подумалъ про себя «ишь до какихъ героевъ дозрѣваютъ малороссійскія тыквы!»

Между тѣмъ село по маленьку пробуждалось; изъ людскаго куреня поднялся къ небу столбъ дыму; вышло нѣсколько бабъ съ ведерками и отправились, перeругиваясь другъ съ другомъ, къ скотному двору; стая гусей съ громкимъ крикомъ радостно выступала изъ тѣсныхъ дверей своей ночной конуры и поплелась къ озеру; дворныя собаки уже давно стояли у окна дворницы, облизывались и махали хвостами въ ожиданіи обыкновеннаго кормленія. Наконецъ раздалось мычаніе выгоняемаго въ поле скота, и пастухъ, какъ капельмейстеръ своего концерта, трубилъ отъ всего усердія. Общій этотъ шумъ всегда пробуждалъ Ивана Ивановича. Такъ и на этотъ разъ, услышавъ призывный къ возстанію съ одра гласъ пастушей трубы, онъ тотчасъ-же началъ потя-

гиваться и наконецъ всталъ. На цыпочкахъ подошелъ онъ къ кровати Дуни, развернулъ было пологъ, чтобы полюбоваться ею по-обыкновенію, но Дуни уже не было.

«Ишь, подумалъ Иванъ Ивановичъ, проказница-то моя, не даромъ хозяйка дома, встала ранехонько.... ну да оно и понятно; гость въ домѣ». Подумавши этакъ, Иванъ Ивановичъ отправился розыскивать Дуню въ другіе покои.

А Дуня въ это время сидѣла уже въ столовой передъ самоваромъ; сидѣла она на диванѣ въ небрежной позѣ, держала въ рукахъ чайное полотенце и вяло глядѣла въ окно. Волоса ея были въ маленькомъ безпорядкѣ, а глаза и лицо выражали такую глубокую задумчивость, что со стороны можно было ее счесть за человѣка, обреченнаго судьбою на что нибудь печальное. Порою она начинала судорожно вытирать стаканъ, но потомъ вдругъ бросала все, какъ будто оцарапавши руки; порою отрывистые звуки негодованія срывались съ ея сомкнутыхъ губокъ, но это мгновенно, и лицо опять принимало выраженіе тоски и тревоги. Трудно предположить, что происходило въ ея душѣ; но Иванъ Ивановичъ, видя маленькую ея ненормальность, отнесъ напрямикъ причину всего этого къ головной боли. Онъ усердно совѣтывалъ ей понюхать деревяннаго масла и положить въ каждое ухо по клюквинѣ, предпочитая эти средства, по собственному опыту, всѣмъ прочимъ медикаментамъ. Но Дуня успокоивала его, говоря, что она разстроена отъ безсонницы и отказывалась лечиться. Во взаимныхъ соболѣзнованіяхъ провели время супруги до самаго чая. Чаеваніе въ присутствіи гостя оживлялось нѣсколько тѣми ѣдкими замѣчаніями, которыя Шалтаевъ умѣлъ прилѣплять ко всему. Онъ, не смотря на свою несловоохотливость, разсказалъ довольно удачно нѣсколько остроумныхъ анекдотовъ, похвалилъ вообще Малороссію, также и Каганцы, а въ особенности тѣ бублики, съ которыми онъ пилъ чай, и которые были испечены подъ надзоромъ самой Дуни. Эти отзывы Шалтаева до того

разтрогали душу Ивана Ивановича, что онъ, полюбя всѣмъ сердцемъ своего гостя, настоятельно пожелалъ съ нимъ поцѣловаться; и Григорій Ильичъ поцѣловался съ Иваномъ Ивановичемъ даже трижды, какъ это и водится по христіанскому обычаю.

Послѣ чего все время до обѣда Шалтаевъ шатался съ палочкою въ рукахъ по лѣсу. Книга, которую онъ взялъ съ собою въ намѣреніи прочесть что нибудь, прилегши на травѣ, какъ-то не читалась. Для развлеченія онъ хотѣлъ было побесѣдовать съ *дѣвчиной*, которая полоскала бѣлье на озерѣ,—но бесѣда какъ-то не давалась, потому что дѣвчина сильно робѣла, глядя на широкоплечаго панича. Однако Шалтаевъ заставилъ таки ее разсказать, сколько въ скринѣ монистъ и сколько кoханковъ обрѣтается въ околодкѣ. Наконецъ онъ пришолъ домой обѣдать. Обѣдъ состоялъ изъ шести блюдъ и показался ему чрезвычайно длиннымъ. Послѣднихъ трехъ кушаньевъ онъ даже не ѣлъ, не смотря на настоятельныя просьбы Ивана Ивановича и даже не смотря на то, что Дуня пресурово надула губки. Послѣ обѣда супруги снова оставались въ недоумѣніи, почему гость не ѣлъ остальныхъ трехъ блюдъ. Изъ скромности ли, или потому, что они показались ему невкусными. Впрочемъ, Иванъ Ивановичъ, какъ водится, терялся въ различныхъ предположеніяхъ, и чтобы его успокоить, Дуня обѣщала ему сама развѣдать у гостя причину его разборчивости. Съ этою цѣлью она отправилась въ комнату Шалтаева, и увидѣвъ сначала въ щелочку, что онъ не спитъ и просто сидитъ на диванѣ, глядя въ потолокъ, постучалась къ нему. Тотъ отворилъ и Дуня вошла.

Сначала она немного сконфузилась, спохватившись, что войдя въ комнату къ чужому мужчинѣ, поступила немного вѣтрено. Но замѣтивъ совершенно спокойный полудремлющій взглядъ Шалтаева, совершенно ободрилась и заговорила съ нимъ.

— Вотъ видите, Григорій Ильичъ, какъ я боюсь васъ—сама даже пришла въ вашу комнату.

— Да, я ошибся.

— Я хочу спросить васъ, справедлива ли моя догадка. Вы къ концу обѣда кажется разсердились на что-то, не правда ли?

— Изъ чего вы это заключаете?

— Да такъ, вообще; вы, напримѣръ, ничего не ѣли.

— Ха ха ха, вотъ признакъ злобы. Нѣтъ, Авдотья Парамоновна, напротивъ, когда я золъ, я ѣмъ тогда за четверыхъ.

— Такъ отчего же вы не ѣли?

— А очень просто: какъ наѣлся, такъ и пересталъ ѣсть.

Настало короткое молчаніе. Шалтаевъ отвалился на спинку дивана и прищурившись глядѣлъ на Дуню. Дуня стояла въ недоумѣніи, что сказать ей, и вертѣла въ рукахъ портъ-сигаръ Шалтаева.

— Вы садились бы, сказалъ онъ, показывая ей мѣсто возлѣ себя на диванѣ.

Дуня поглядѣла на диванъ, потомъ на дверь, помедлила нѣсколько и потомъ молча сѣла возлѣ Шалтаева.

— Сколько вамъ лѣтъ, спросилъ онъ у нея.

— Восемнадцатый.

— Гмъ! Знаете что? — раненько вы вышли замужъ. Надобно было погулять еще не множко.

— Можетъ быть.

— А жалѣете ли вы свое дѣвичество?

— Да, когда вспоминаю о немъ, становится скучно.

— Но вѣдь вы счастливы замужемъ?

— Конечно!

— Поглядите на меня, Авдотья Парамоновна.

— На что вамъ это?

— Ну да поглядите, только прямо въ глаза.

— Извольте, отвѣчала Дуня и, поворачивая голову, она медленно вперила свои глаза въ Шалтаева. Она нисколько не смущалась.

— Мнѣ жаль васъ — мнѣ жаль.... ну да, впрочемъ, это глупое чувство, неправда ли?

— Разумѣется глупое, если вы жалѣете меня. Меня вѣдь ровно не зачто жалѣть.

— А напримѣръ сегодня — ваша безсонница, ваша тоска, которая проглядываетъ на лицѣ?

— Тоски нѣтъ у меня, а безсонница пустяки.

— Нѣтъ, вы разстроены.

— Неправда.

— Послушайте, Авдотья Парамоновна, вы хотите только спорить, а это ужасно скучно. Я отказываюсь даже говорить съ вами.

— Это очень мило!

— Конечно милѣе, нежели если бы и я началъ тутъ сидя, морочить васъ, говоря, что я страдаю или мечтаю; то есть, если бы я началъ точно такъ прилыгать, какъ вы прилыгаете говоря, что совершенно спокойны.

— Но скажите же мнѣ, что вамъ за охота узнавать все это? Вѣдь по вашему участіе глупость.

— Да вѣдь мнѣ жаль васъ, понимаете ли вы?

Дуня взглянула на Шалтаева; тотъ глядѣлъ на нее дѣйствительно съ выраженіемъ сочувствія.

— Нѣтъ, я васъ не понимаю.

— Вы любили до замужства, Авдотья Парамоновна?

— Нѣтъ.

— Ну, значитъ вы не знаете любви.

— Къ чему вы это сказали?

— А такъ, просто съ вѣтра.

— Богъ васъ знаетъ, что вы говорите сегодня. Вы кажется еще больше разстроены, чѣмъ я. Однако до свиданія; мнѣ надобно идти.

«А вѣдь она прехорошенькая», подумалъ Шалтаевъ, когда Дуня безсознательно пожавъ ему руку, вышла изъ комнаты.

«Я не знала любви», закралось въ голову Дуни. «А вѣдь и въ самомъ дѣлѣ онъ можетъ быть правъ, но во всякомъ случаѣ онъ гораздо добрѣе, чѣмъ я это предполагала», думала Дуня.

Передъ вечеромъ всѣ отправились на прогулку. Шалтаевъ держался въ сторонѣ, не желая мѣшать супругамъ. Дуня видимо досадовала на это. Возвращаясь домой, онъ подошолъ къ ней и, замѣтя усталость и мужа и жены, предложилъ руку послѣдней; Иванъ Ивановичъ пошолъ впередъ, а пара сзади. Шалтаевъ внутренно смѣялся.

— Чему вы смѣетесь? спросила Дуня.

— Тому, что мы идемъ ручка объ ручку. Это для меня очень забавно. Я первый разъ иду еще подъ ручку съ женщиною — и эта женщина вы.

— Вы со мною, кажется, шутите?

— Мнѣ также странно и то, продолжалъ, не отвѣчая на вопросъ Дуни, тѣмъ же ровнымъ голосомъ Шалтаевъ, странно и то, отчего такъ дрожитъ ваша ручка.... отчего она дрожитъ?

— Не знаю.

— Вѣдь вы волнуетесь теперь немного?

Дуня не отвѣчала.

— Вы славная, сдержанная женщина, но въ васъ мало маскировки, замѣтилъ Шалтаевъ; я васъ уважаю за это.

— А я такъ не понимаю васъ, что вы мнѣ сейчасъ сказали.

— Я сказалъ вамъ, что вы ведете себя очаровательно хорошо, скромно и непринужденно.

— Это вы дѣлаете комплиментъ.

— Нѣтъ, я говорю истину. Вѣдь я помню все прошлое; я былъ нахалъ, не правда ли? Не правда ли также, что вы все это забыли уже?

— Да, я забыла.

— И меня простили?

— Давно уже.

— И теперь, слѣдовательно, мы можемъ быть друзьями?

— Мнѣ холодновато, Григорій Ильичъ, заговорила Дуня, желая перебить рѣчь Шалтаева.

— А вотъ вамъ мое пальто, окутайтесь хорошенько, сказалъ Григорій Ильичъ, окутывая Дуню. Въ движеніяхъ его не было замѣтно обычной рѣзкости, голосъ былъ нѣжнѣе обыкновеннаго и въ лицѣ свѣтилась искренность.

Дуня взглянула на него въ ту самую минуту, когда онъ, окутавъ ее, съ самодовольствомъ ловилъ благодарный взглядъ спутницы; она взглянула въ его открытое, красивое мужественное лицо, и Богъ вѣсть почему вспыхнула.

— Ну, вотъ и сконфузились; и совершенно нечего; пойдемтека лучше скорѣе, а то поглядите, какъ мы отстали.

И онъ снова подалъ ей руку. Она только слегка прикоснулась къ ней.

— Вы обопритесь хорошенько, легче будетъ идти.

Дуня не слушалась.

— Фу, какая вы строгая! Вы словно боитесь, чтобы я не обжогъ васъ; а право лучше будетъ, если вы обопретесь, а то, знаете, вѣдь и мнѣ безъ пальто на легкѣ, холодновато будетъ.

— Ну, хорошо, хорошо, не ворчите только, отвѣчала Дуня и улыбнувшись, прильнула плотнѣе къ Шалтаеву. Онъ тихо пожималъ ея руку.

Дома ожидалъ ихъ самоваръ, а вечеромъ началось чтеніе романа, во время котораго Иванъ Ивановичъ заснулъ, а Дуня слушала внимательно и даже кое о чемъ разсуждала съ Шалтаевымъ. Въ этотъ вечеръ онъ успѣлъ передать ей такъ много новыхъ идей и взглядовъ, и до того причудливыхъ и заманчивыхъ, что воображеніе молоденькой женщины сильно забродило. Самое чтеніе съ короткими замѣчаніями Шалтаева было увлекательно и продолжалось за полночь. Гость и хозяйка посулили другъ другу въ этотъ разъ покойной ночи самымъ привѣтливымъ образомъ.

Всѣ слѣдующіе дни проводились совершенно однообразно, почти точно такъ же, какъ описанный. До обѣда Шалтаевъ обыкновенно оставался одинъ; бродилъ по окрестностямъ, катался въ лодкѣ, или читалъ даже въ своей комнатѣ книгу, а иногда и спалъ. Онъ былъ и отъ природы человѣкъ нелюдимый и поэтому подобный образъ жизни сталъ ему по душѣ. Хозяева были люди простые, безъ затѣйливыхъ воззрѣній, не вмѣшивающіеся съ любопытнымъ участіемъ во всѣ его дѣйствія и, значитъ, онъ пользовался тою же непринужденною свободою, какою только пользуешься у себя дома. Вкусныя кушанья въ малороссійскомъ изобиліи, тишина, покой, лѣнь до того очаровали его, что онъ даже мало помышлялъ о будущемъ. Послѣ обѣда, по обыкновенію, всѣ немного отдыхали и отправлялись потомъ вмѣстѣ на прогулку, собирать грибы, а въ тихую погоду, забирали съ собою самоваръ и ружья и садились въ лодку. Шалтаевъ гребъ, Иванъ Ивановичъ кормовалъ и они переплывали на ближайшій островъ, высаживали тамъ Дуню съ самоваромъ и прочими чайными снадобьями, а сами отправлялись шнырять по заводямъ вокругъ острова. Били утокъ и иную птицу, и, позабавившись вдоволь, спѣшили къ самовару, чаевали подъ открытымъ небомъ и снова возвращались домой.

Въ одну изъ такихъ прогулокъ Иванъ Ивановичъ ввалился въ озеро, сильно измокъ, прозябъ и Шалтаевъ долженъ былъ какъ можно скорѣе довести его до берега. Когда онъ возвращался на островъ за Дунею, наступили уже сумерни. Озеро было тихо и только порою всплескивающіяся утки рябили его поверхность, и тогда звѣзды съ мѣсяцомъ, отражаясь въ волнахъ, игриво прыгали, исчезали мгновенно и снова появлялись, перекатываясь словно жемчугъ. Но островѣ блисталъ огонекъ, разложенный Дунею; длинная полоса свѣта отъ него ложилась по озеру. Часто въ ореолѣ свѣта мелькалъ силуэтъ Дуни, всматривающейся вдаль. Тогда Шалтаевъ еще болѣе прищуривалъ глаза, улыбался судорожно и

вновь дѣлался сумраченъ. Воздухъ становился холоднѣе и онъ налегъ на весла.

— Ѣдемте домой! крикнулъ онъ ей еще издали. Дуня засуетилась и покамѣстъ лодка пристала къ берегу, весь чайный приборъ былъ собранъ. Но пробраться въ лодку съ ношею по причинѣ нѣсколько вязкаго берега было трудно; поэтому Шалтаевъ, несмотря на свою лѣнь, долженъ былъ помочь Дунѣ. Перетащивъ весь багажъ, онъ, наконецъ, подставилъ руки и для Дуни. Та сначала смутилась; она взглянула на Шалтаева; онъ былъ мраченъ и спокоенъ. Безсознательно она очутилась у него въ рукахъ и черезъ двѣ-три секунды—уже и въ лодкѣ.

— Ахъ, зачѣмъ это вы такъ дѣлаете, Григорій Ильичъ, пробормотала она смущаясь.

— Что такое?

— Какъ же можно такъ; вѣдь могутъ видѣть.

— Да что же такое, что могутъ видѣть?

— Да то, что я... ей, ей совершенно нехотя... а вы и схватили.

— Фи, Авдотья Парамоновна, вы еще и тутъ находите предосудительное; это вѣдь ей—ей чужъ!.

— А развѣ это не предосудительно? спросила Дуня, хитро улыбаясь и показывая руками, какъ несъ ее Шалтаевъ.

— Вы милый ребенокъ, сказалъ онъ тихо; у васъ и досада и улыбка на одной минутѣ кажется могутъ смѣниться съ дюжину разъ.

— Не всегда, Григорій Ильичъ.

— А почему же не всегда?

— Это я только съ вами я несержусь, а такъ вообще я злопамятна.

Въ это время лодка врѣзалась въ тросникъ и зашумѣла. Шалтаевъ выбросилъ изъ рукъ весла и сидѣлъ неподвижно.

— Что же мы не ѣдемъ? спросила Дуня.

— Куда?

— Да конечно куда, домой.

— Да, ваша правда, стоять на одномъ мѣстѣ не къ чему: а скажите Дуня, тихо мягко и совершенно перемѣнивъ голосъ, спросилъ у нея Шалтаевъ, — скажите Дуня, зачѣмъ мы съ вами такъ упорно стоимъ на одномъ мѣстѣ?

— Я васъ не понимаю; вы хотите сказать что-то другое, кажется.

— Да, я хочу сказать, почему мы стоимъ на одномъ мѣстѣ и не хотимъ сблизиться съ вами; а загляните-ка въ себя Дуня — вѣдь неправда ли, мы близки другъ къ другу?

— Ахъ, Богъ съ вами, что вы говорите, волнуясь отвѣчала Дуня... Поѣдемте скорѣе!

— А что же, развѣ я лгу? Дуня вы такая славная; вы вѣдь не станете кривить душею; отвѣчайте же мнѣ теперь, положа руку на сердце — лгу я или нѣтъ?

— Григорій Ильичъ, вы меня хотите погубить; я ничего не скажу вамъ, твердо проговорила она и отвернулась.

— Нѣмѣе пня!... проворчалъ почти вслухъ Шалтаевъ; сжалъ губы и, ничего не говоря, взялся за весла.

Въ душѣ Дуни поднялась буря. Послѣ этой сцены ей совершенно разъяснились отношенія ея къ Шалтаеву; ей ясно припомнилось прощаніе ея съ нимъ годъ тому назадъ, то прощаніе, изъ котораго она вынесла непонятное, тяжелое чувство тоски а онъ оставался невозмутимо холоденъ; она и сама не понимала, что это за чувство; да и можно ли было догадаться объ этомъ невѣстѣ, которая должна мечтать и думать объ одномъ женихѣ. Что касается Дуни, то нельзя сказать, чтобы она вышла за мужъ не любя. Она любила Ивана Ивановича, но любила тою любовью какою мы любимъ нашихъ опекуновъ и богатыхъ старыхъ дядюшекъ. Но какъ бы она его не любила, по ея сознанію она была счастлива въ замужествѣ. И кто вѣдаетъ? быть можетъ про-

плыла бы вся ея жизнь такимъ образомъ тихо, пріятно, между обѣдами и ужинами, нѣжностями и ласками, словно кипучій ручеекъ въ узкихъ берегахъ, обросшихъ мягкою травою. Но суждено было произойти этому иначе. Пріѣхалъ Шалтаевъ и вдругъ вспорхнули въ ней грезы о прошедшемъ. Дѣвичья воля, былыя шутки и даже щекотливыя шутки съ нею Шалтаева начали теперь ей рисоваться въ привлекательномъ видѣ. Постоянныя бесѣды съ нимъ, въ которыхъ онъ теперь уже успѣлъ развить въ ней совершенно особый полетъ стремленій—стремленій заносчивыхъ и свободныхъ какъ любая его мысль, внушали ей отвращеніе отъ скучнаго обыденнаго пошлаго хода вещей, въ которомъ, по словамъ Шалтаева, не расходуясь задремлютъ и прокиснутъ въ ней всѣ тѣ благородныя порывы и ощущенія, которыя даны на долю всякаго человѣка. Онъ ей разъяснилъ, какія наслажденія даетъ намъ жизнь, если пользоваться ею съ той точки зрѣнія, съ которой смотрѣлъ на жизнь онъ самъ. Молодая головка Дуни разгорячалась; увлекаясь его рѣчами, она начала понимать скудность впечатлѣній, которыя даетъ ей ея теперешняя жизнь и потому на нея сначала напало чувство разочарованія. Но подъ вліяніемъ Шалтаева оно не могло задержаться надолго. Вскорѣ его смѣнила желчная энергія побороть свою долю и искать вездѣ наслажденій, ловить ихъ столько, сколько можетъ только дать жизнь. Таковы были внушенія Шалтаева.

Съ другой стороны мало по малу въ ея сердце закрадывалась все большая и большая холодность къ мужу. Если она прежде и любила его, то любила за одну доброту, хотя и не догадывалась въ этомъ. Въ ней вспыхнула рябяческая страсть и какъ нарочно нашла себѣ привѣтъ въ обильныхъ поцѣлуяхъ и ласкахъ Ивана Ивановича. Но для любви поцѣлуи и ласки плохой фундаментъ. Дуня поняла теперь, что любовь ея къ мужу вяла. Дуня поняла, что молодая жизнь ея и чувства останутся безъ привѣта и изсякнутъ со временемъ быть можетъ точно такъ же, какъ и

тучность Ивана Ивановича. И вотъ въ ея сердце закралось недовольство; недовольство это замѣнилось скоро отвращеніемъ не гнусливымъ, а болѣзненнымъ, жолчнымъ. Въ душѣ началась борьба не на жизнь, а на смерть. А тутъ еще постоянно на глазахъ этотъ Шалтаевъ, красивый, величавый, полный ума и мужественности...

Трудно въ этомъ положеніи устоять женскому сердцу. Бѣдная Дуня долго старалась заглушать въ себѣ всѣ тайныя предчувствія, зловѣщія и грозящія разрушить покой ея жизни. Долго еще она старалась не понимать ихъ, но какъ ни обманывала себя, они все чаще и чаще начинали навѣщать ея душу. Молодая страсть видимо разгоралась. Безсонныя ночи шли одна за другою, а горячее воображеніе не отразимо витало надъ Шалтаевымъ. Она уже любила этого человѣка.

«Нѣтъ, думала, взволнованная только что описанною сценою Дуня, я не могу больше выноситъ. Скажу ли я ему, или нескажу, а вѣдь все таки онъ пойметъ—и даже ужъ понимаетъ, что я его люблю. Пусть же лучше разомъ будетъ конецъ всему. Я откроюсь ему, онъ послѣ этого тотчасъ же выѣдетъ отъ насъ; а тамъ...» Дуня ужаснулась при мысли о вѣчной разлукѣ съ первымъ человѣкомъ, котораго она такъ искренно и такъ пылко любила.

Дни текли обычною колеею. Шалтаевъ по прежнему былъ простъ въ своемъ обращеніи и рѣзокъ на рѣчи; въ немъ не замѣтно было ни тѣни какой нибудь перемѣны, ни ползвука въ голосѣ, ни полвзгляда намѣкающаго о любви или о прошедшей сценѣ. Онъ только сдѣлался подъ часъ ядовитѣе, и чаще чѣмъ прежде при удобномъ случаѣ, издѣвался надъ Дунею. А Дуня разительно измѣнилась въ эти дни. Исхудала нѣсколько; щеки ея опали и только глаза, особливо когда она глядѣла на Григорія Ильича, горѣли съ избыткомъ двойною жизнью. Что касается до Ивана Ивановича, то онъ, ничего не подозрѣвая, ѣлъ, пилъ, спалъ и цѣловался съ женою и съ Шалтаевымъ.

Однажды вечеромъ, дверь тихо отворилась и въ комнату Шалтаева вошла Дуня. Все въ домѣ было покойно и невозмутимая тишина прерывалась только свистомъ въ носу спящаго гдѣ-то Ивана Ивановича. Сумерки уже сгустились; было довольно темно и только заря еле-еле отсвѣчивалась на потолкѣ. Шалтаевъ въ это время по обыкновенію курилъ, лежа на диванѣ.

— Здравствуйте, Авдотья Парамоновна! давно вы у меня не были.

— Мнѣ и теперь не слѣдуетъ быть у васъ, Григорій Ильичъ.

— А отчего же не слѣдуетъ?

— Вы сами знаете, я вѣдь женщина.

— Я знаю только, что вы славная женщина; изъ этого однако не слѣдуетъ, чтобы вамъ нельзя навѣстить меня. А вы лучше признайтесь, Дуня, вы хотѣли показать, что сердитесь на меня помните въ лодкѣ-то? Вѣрно за это — неправда ли?

— Нѣтъ, я не сержусь на васъ.

— Ну такъ послушайте, Дуня, если не сердитесь, то значитъ что вы имѣете причину смотрѣть на меня снисходительно.

Дуня молчала.

— Сядьте возлѣ меня, Дуня! И Шалтаевъ легонько притянулъ ее за руку и посадилъ возлѣ себя.

— Ну вотъ теперь вы Дуня ужъ вѣрно все мнѣ скажите. Я вижу, вы хотите что-то сказать: вѣдь вы меня любите, Дуня?

— Григорій Ильичъ! Григорій Ильичъ! что изъ этого всего будетъ!... могла только произнести Дуня; волненіе душило ее. Въ глазахъ то навертывались слезы, то они мгновенно блестѣли; руки дрожали и судорожно прижались къ лицу.

— Ну вотъ и дѣло пошло на ладъ, спокойно продолжалъ Шалтаевъ. И давно пора бы намъ вотъ этакъ....

Говоря это, Шалтаевъ обнялъ и поцѣловалъ Дуню самымъ страстнымъ образомъ.

— Григорій Ильичъ, вы завтра должны уѣхать отсюда, ради моей любви должны уѣхать, молила Дуня.

— Вотъ-те на! а это съ какой стати? Не успѣли еще.... полюбить другъ друга, а ужъ и уѣхать! Нѣтъ, это глупая мысль; я не уѣду!

— Григорій Ильичъ, подумайте, чѣмъ это все можетъ кончиться? Вѣдь у меня есть мужъ — припомните это.

— А онъ пускай себѣ спитъ, а мы тоже будемъ дѣлать, что намъ захочется.

— Нѣтъ, это уже слишкомъ! вы должны выѣхать.

— Нѣтъ, я не поѣду. Развѣ только вмѣстѣ съ тобою.

— Ахъ, Григорій Ильичъ.... вы еще шутите! Нѣтъ, вы злой человѣкъ!

— Такъ не слѣдуетъ любить меня, если я злой. И, говоря это, Шалтаевъ прижалъ къ себѣ Дуню и Дуня безсознательно поцѣловала злаго человѣка.

— А почему же намъ не уѣхать вмѣстѣ, Дуня? Вѣдь если ты любишь меня, то тебѣ вѣрно легче уѣхать со мною, чѣмъ остаться одной. А что касается до меня, то я пожалуй готовъ завтра же выѣхать.

Сердце сжалось въ Дунѣ отъ однихъ только словъ этихъ.

— Нѣтъ, Григорій Ильичъ, этого не можетъ быть; вѣдь если я такъ поступлю — я погублю себя.

— Ну такъ и оставайся себѣ! А я такъ завтра же ѣду, сказалъ Шалтаевъ. Послѣ чего всталъ и началъ ходить по комнатѣ.

— Да, я люблю тебя, Григорій Ильичъ, послѣ нѣкотораго молчанія, отрывисто произнесла Дуня. Я люблю тебя и готова на все — слышишь?

— Такъ значитъ мы завтра уѣжаемъ? Больше и говорить нечего!

— Ахъ, Григорій Ильичъ! однако вѣдь все это ужасно....

— Ничего нѣтъ ужаснаго; только теперь надо собраться по-

ловче. Ты бы, чѣмъ здѣсь ужасаться, пошла бы теперь, Дуня, къ себѣ, собрала бы необходимыя дрязги и прислала ко мнѣ съ дѣвкою. Вмѣстѣ съ моими чемоданами и твой багажъ попадетъ въ кибитку. А тебя я завтра буду ожидать около кладбища.

— Григорій Ильичъ! вѣдь это все такъ скоро!... я не знаю еще можно ли это?...

— Да вѣдь ты рѣшилась же наконецъ?

— Да, я рѣшилась, робко проговорила Дуня. Она бѣдная была подъ такимъ гнетомъ своей страсти, что боялась даже вызсказывать свои опасенія.

— Или лучше такъ, продолжалъ Шалтаевъ: ты утромъ раненько въ часа четыре одѣнься потеплѣе и поди туда къ кладбищу. А я какъ поѣду мимо, то и возьму тебя съ собою. Слышишь?

— А съ Иваномъ Ивановичемъ какъ же быть? спросила съ недоумѣніемъ Дуня.

— А объ Иванѣ Ивановичѣ — я боюсь только того, чтобы ты рыданіями своими во время сборовъ не разбудила его, чего добраго. Да и въ самомъ дѣлѣ, Дуня, ты пожалуйста не плачь!

Но Дуня уже плакала втихомолку.

— Твой Иванъ Ивановичъ, продожалъ утѣшать ее Шалтаевъ, завтра хватится тебя, поищетъ, побѣгаетъ, посуетится, поплачетъ даже можетъ быть; но я увѣренъ, что если ему Анисья удачно испекетъ жирную кулебяку, то онъ очень скоро утѣшится и даже позабудетъ тебя.

Дуня продолжала плакать.

— Ну, однако, время терять по пустому нѣкогда. Мнѣ надо приготовиться и распорядиться, да и тебѣ пора идти собираться. Прощай Дуня; поцѣлуй меня!

Дуня горячо поцѣловала Щалтаева и всхлыпывая вышла за двери.

«Экая, чортъ возьми, кремяная! подумалъ, глядя на выходившую

Дуню, Шалтаевъ. Безъ ласкъ и нѣжностей вѣдь ничего не подѣлалъ бы. А славная, роскошная женщина!»

Бѣдная Дуня! Она входила въ комнату Шалтаева съ твердою надеждою положить конецъ этой грозящей страсти. Но дѣло пошло совершенно иначе. Вмѣсто того, чтобы выпроводить одного Шалтаева, она сама бѣжитъ теперь съ нимъ изъ дому.

И что ожидаетъ ее въ будущемъ? — Страшно было даже ей объ этомъ и подумать.

Тройка почтовыхъ чуть свѣтъ на завтрашній день выѣхала изъ Каганцевъ и помчалась вдоль почтовой дороги. Поровнявшись съ сельскимъ кладбищемъ, она остановилась. Въ это время изъ-за часовни вышла закутанная женская фигура, торопливо сошла съ горы и подошла къ кибиткѣ. Изъ кибитки высунулись двѣ руки, подхватили ее за станъ и перенесли въ экипажъ. Тройка снова помчалась.

ГЛАВА V.

Come l'animo di lui si strugesse sotto quella lenta tortura, io non faro provadi discriverlo.
Cesare Cantu.

Иванъ Ивановичъ, узнавъ на другой день о пропажѣ жены, былъ такъ сильно испуганъ, что я разсказать не умѣю. Едва ли сердце титулярнаго совѣтника трепещетъ такъ въ присутствіи статскаго совѣтника, какъ трепетало сердце отъ горя и ужаса въ Иванѣ Ивановичѣ. Сначала конечно онъ не могъ еще сообразить всего происшествія, и, недождавшись къ утреннему чаю жены и гостя думалъ, что они отправились за грибами. Но уже и полдень пододвигался, а они не возвращались. Иванъ Ивановичъ началъ безпокоиться, и тотчасъ же послалъ трехъ хлопцевъ въ сосѣдніе лѣса *по-aукать* хорошенько. Но какъ хлопцы ни аукали, имъ никто не откликался, кромѣ развѣ воронъ, которыхъ они всѣхъ перепугали въ цѣлой окрестности. Съ нетерпѣніемъ дожидалъ Иванъ Ивановичъ возвращенія хлопцевъ изъ лѣсу; но когда узналъ безуспѣшность ихъ поисковъ, то не на шутку перетрусилъ. Въ головѣ его начинали уже являться подозрительныя предположенія, чрезвычайно затѣйливыя, хотя между ними не было ни одного истиннаго. Первая мысль, которая ему пришла

на этотъ разъ, была та, что не спятъ ли гдѣ пропавшіе, можетъ какъ нибудь случайно, подъ кроватями и диванами. Вѣдь и въ самомъ дѣлѣ, развѣ не можетъ спящій человѣкъ свалиться и попасть подъ кровать. Тотчасъ же была зажжена свѣча и не только всѣ диваны и кровати были переосвидѣтельствованы со всѣхъ сторонъ, но Иванъ Ивановичъ въ припадкахъ печали до того забылся, что, ища жены и гостя, заглядывалъ даже за висящіе портреты, въ сапоги, комодные ящики и даже заглянулъ въ лампадку. Но все было тщетно! Пропавшіе не находились. Тогда Иванъ Ивановичъ велѣлъ оглядѣть всѣ домашнія строенія и экипажные сараи, амбары, кладовыя и ледники, тщательно обыскивая все безъ исключенія — даже и щелки старыхъ поломавшихся бревенъ, изъ которыхъ выстроена была большая часть усадьбы Кулебякина. Результата и тутъ не послѣдовало. Наконецъ Иванъ Ивановичъ пришелъ къ послѣднему рѣшительному предположенію: они или утопились случайно, или сидятъ на деревьяхъ въ саду, подумалъ онъ, и послалъ людей сейчасъ же обходить берега озера, колодцы и даже значительныя лужи, а самъ отправился для поисковъ въ садъ. Ужъ почему явилось въ умѣ Ивана Ивановича странное предположеніе насчетъ сидѣнія пропавшихъ на садовыхъ деревьяхъ, я рѣшительно не понимаю; развѣ можетъ быть потому только, что всѣ остальные мѣста окончательно были обысканы. И вотъ Иванъ Ивановичъ отпраляется въ садъ. Сначала онъ нѣсколько разъ аукнулъ во все горло, но никто не откликнулся. Сердце сжалось у добраго человѣка, потому что здѣсь дрожала еще послѣдняя его надежда: «Можетъ быть крѣпко очень спятъ они тамъ, подумалъ Кулебякинъ, такъ опасно и кричать громко, а то еще свалятся со страху и ушибутся». И тихохонько онъ началъ перешаривать всѣ кусты, оглядывалъ всѣ деревья, стучалъ палочкою по пню, не довѣряя своему зрѣнію и думая этимъ успѣшнѣе разбудить сидящихъ, быть можетъ въ листьяхъ. Нѣкоторыя же деревья онъ легонько встряхивалъ. «Авось, меч-

талъ Иванъ Ивановичъ, не спрыгнетъ ли отъ туда Дуня — а хорошо бы было. А можетъ быть спрыгнетъ Григорій Ильичъ, ну, да и это не дурно. Григорій Ильичъ навѣрно знаетъ, на которомъ деревѣ сидитъ Дуня и мнѣ покажетъ». Но ни Дуня, ни Григорій Ильичъ ни съ одного дерева не спрыгнули. Иванъ Ивановичъ начиналъ уже отчаяваться. Онъ легъ на землю, сильно заплакалъ и плакалъ довольно долго. Въ это время донесли ему, что озиравшіе берега озера люди никакого слѣда утопленниковъ не нашли, да что и не можетъ быть утопленниковъ сегодня, ибо Молохинская баба Солоха, которой глаза видятъ и уши слышатъ далѣе бывшаго ихъ городничаго, цѣлый день почти прала бѣлье на берегу и ни разу не замѣтила, чтобы кто-нибудь подходилъ или упалъ въ озеро. Эта вѣсть такъ озадачила Ивана Ивановича, что онъ еще пуще заплакалъ отъ недоумѣнія и горя; перевернулся внизъ лицемъ и даже началъ выщипывать себѣ въ отчаяніи волоса. До того былъ огорченъ онъ бѣдный, что позабылъ въ этотъ день объ обѣдѣ, не смотря даже на то, что кулебяка испечена была прежирнѣйшая.

Проведя въ такомъ отчаяніи нѣсколько часовъ, Иванъ Ивановичъ рѣшился испытать послѣднѣе средство — объѣхать лично всѣхъ сосѣднихъ помѣщиковъ и поразвѣдать у нихъ — не видали-ли они или по крайней мѣрѣ не слыхали ли чего о пропажѣ его жены, или по крайней мѣрѣ не могутъ-ли дать къ отысканію ея благоразумныхъ совѣтовъ. И вотъ тотчасъ-же двѣ пѣгія кобылицы были запряжены въ *линейку* — экипажъ довольно замѣчательный. Въ эту линейку могло помѣститься до восемнадцати человѣкъ, только не иначе, какъ чтобы всѣ они сидѣли верхомъ. Такого уже устройства было сидѣнье. Снаружи она была похожа на выдолбленную половинку огурца — да даже и цвѣтомъ была, кажется, зеленая. Но замѣчательнѣе всего были колеса въ этой линейкѣ. Сколько бы ни валили въ нихъ сала или иной смазывающей жидкости всякій разъ, на третьей-же версты отъ дому, они начинали

вести между собою такіе громкіе разговоры, какихъ трудно услышать даже между четырьмя поссорившимися между собой кумушками на рынкѣ. Нѣсколько разъ сосѣдній колдунъ заговаривалъ эти колеса, потому что ужъ и самому Ивану Ивановичу они надоѣли; ибо всякой разъ они будили его, когда онъ закачиваемый въ линейкѣ сладко засыпалъ въ дорогѣ. Но колеса, ни внимая ни чему, не умолкали; они еще какъ будто пуще прежняго начинали выводить самые причудливые звуки, такъ что съ нѣкотораго времени вся окрестность на вѣрное знала когда Иванъ Ивановичъ находится въ путешествіи. На этотъ-же разъ колеса были по посмѣшности вовсе не подмазаны. Это ихъ сильно оскорбило, и потому лишь только тронулись съ мѣста, они подняли такой ропотъ, что всѣ собаки въ окрестности залились благимъ матомъ. Но Ивану Ивановичу было не до музыки. Онъ весь былъ погруженъ въ свое горе; даже на долю новыхъ предпріятій плановъ о поискахъ мало удѣлялъ его тоскливый умъ. Наконецъ линейка привезла его къ сосѣду Сидору Ѳалилеевичу Кукушкину, который соболѣзнуя о потери и несчастіи Ивана Ивановича, ничего лучшаго не съумѣлъ сдѣлать, какъ только накормить и напоить проголодавшагося Кулебякина чаемъ. Отъ Кукушкина Иванъ Ивановичъ отправился къ Хвастунову Евстафію Евстафіевичу. Тотъ увѣрялъ Ивана Ивановича, что если бы его персидскій жеребецъ не захромалъ на эту пору, то буквально черезъ три часа онъ розыскалъ бы пропавшихъ; а покамѣстъ выздоровляетъ его жеребецъ, совѣтовалъ Ивану Ивановичу оставаться съ полною надеждою и въ совершенномъ спокойствіи. Недалеко отъ Хвастунова жилъ помѣщикъ Пятница, по прозванію Горемычная. Горемычная Пятница совѣтывалъ Ивану Ивановичу уповать на Бога, и если въ случаѣ это одно не поможетъ, то отслужить молебнъ святымъ Георгію и Авдотіи, послѣ чего пропавшіе навѣрное явятся сами. Иванъ Ивановичъ поблагодарилъ за совѣтъ и отправился къ слѣдующему сосѣду помѣщику, тоже

къ Ивану Ивановичу—Малинѣ. Этотъ человѣкъ прослезился отъ горя, услышавъ о несчастіи Ивана Ивановича, а потомъ немного спустя прослезился отъ умиленія, воображая съ Иваномъ Ивановичемъ какая будетъ радость, когда найдутся Авдотья Парамоновна и Григорій Ильичъ. Но ни отъ одного сосѣда Иванъ Ивановичъ не отобралъ свѣдѣній о пропавшихъ. Всѣ совершенно такъ-же, какъ онъ, терялись въ недоумѣніяхъ и догадкахъ, а если нѣкоторые, какъ напр. Хвастуновъ, нападали на истинную мысль, то боялись высказать ее разомъ Ивану Ивановичу; Иванъ Ивановичъ казался такимъ слабымъ и разстроеннымъ, что высказывая мысль о побѣгѣ жены—можно было рисковать убить его однимъ словомъ на мѣстѣ. Но совѣтовъ за то надавали такое множество, что въ головѣ Ивана Ивановича не сохранилось въ цѣлости ни одного. Въ такомъ разстроенномъ состояніи пріѣхалъ наконецъ онъ къ отцу Парамону. Разсказалъ свое несчастіе, заплакалъ, и ждалъ утѣшенія не менѣе, чѣмъ совѣта.

Отецъ Парамонъ тотчасъ смекнулъ, въ чемъ дѣло, и исподволь разъяснилъ его Ивану Ивановичу. Отчаяніе послѣдняго было невыразимо кичливыми словами нашей рѣчи. Онъ рыдалъ какъ ребенокъ, звалъ во все горло Дуню, ласкалъ ее самыми нѣжными словами, кричалъ на Шалтаева, скрежеталъ на него зубами и отпускалъ ему такіе эпитеты, что даже проходившій въ это время мимо окна шинкарь, услышавъ ихъ, оскалабился отъ удовольствія.

Отецъ Парамонъ и матушка сидѣли и молча только внимали его горю; наконецъ, когда оно поутихло, они накормили его ужиномъ, посовѣтывали подождать нѣсколько дней. И что если по истеченіи ихъ Дуня не вернется, то они соберутся всѣ вмѣстѣ и общимъ судомъ положатъ что дѣлать.

Но когда Иванъ Ивановичъ пріѣхалъ домой и увидѣлъ себя снова однимъ между нѣмыхъ стѣнъ обширнаго дома, тоска напала на него снова. Провести цѣлые три дня въ такомъ мучительнымъ ожиданіи было для него немыслимымъ самопожертвованіемъ. И

вотъ, не думая долго, какъ и во всѣхъ рѣшительныхъ случаяхъ, онъ тотчасъ-же посылаетъ за Алексѣемъ Терентьичемъ.

Алексѣй Терентьичъ явился немедленно.

Тотъчасъ-же два мужа очутились въ объятіяхъ другъ друга. Иванъ Ивановичъ не могъ удержаться, чтобы не обнять Алексѣя Терентьича вслѣдствіе слабости болѣзненной души своей. Алексѣй Терентьичъ не могъ вытерпѣть, чтобы не обнять Ивана Ивановича по живѣйшему состраданію. Иванъ Иановичъ горько плакалъ, а Алексѣй Терентьичъ ревностно утѣшалъ его, приговаривая: «ну что-же дѣлать; чему быть того не миновать; авось Господь Богъ утѣшеніе пошлетъ» и тому подобныя убѣдительныя рѣчи. Наконецъ, когда первые порывы взаимнаго соболѣзнованія поулеглись, оба мужа начали между собою благоразумное совѣщаніе.

— Ну что теперь я буду дѣлать, какъ мнѣ быть, что предпринимать? вопрошалъ Иванъ Ивановичъ.

— Первая статья, достопочтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, это многосладкая надежда. Не теряйте сію многосладкую надежду на провидѣніе и смиряйтесь духомъ....

— Ахъ, Алексѣй Терентьичъ, какую тутъ надежду приплетаете вы мнѣ! Вѣдь ужъ ровно положительно и достовѣрно надежды никакой быть не можетъ.

— Нѣтъ, многоуважаемый Иванъ Ивановичъ, въ силу нѣкоторыхъ моихъ предположеній и по нѣкоторымъ отъ Солохи Молохинской имѣющимся даннымъ, я имѣю въ своей головѣ планъ многонадежный.

— А мнѣ такъ теперь ровно ничему не вѣрится. Думаю только одно, что Дуня или пропала совсѣмъ, или когда нибудь, но только чрезъ очень, очень долгое время, я ее опять увижу.

— А почему же вы такъ думаете?

— А я думаю такъ потому, что Дуня навѣрное уѣхала въ Ав-

стралію. А вѣдь Австралія, Австралія.... это кажется, очень далекая страна?

— Да, Иванъ Ивановичъ, страна очень далекая; почитай что почти тамъ лежитъ она, гдѣ небо съ землею сходится — т. е. на краю свѣта.

— Ну, да разумѣется на краю свѣта; ужъ если бы была ближе, то все иной разъ какую бы вѣсточку оттуда услышалъ. Вѣдь вотъ купцы сплошь изъ страны въ страну ѣздятъ, а объ Австраліи этой мало разсказываютъ.

— Да они, Иванъ Ивановичъ, доложу я вамъ, даже и ничего не разсказываютъ объ Австраліи. Я вѣдь всегда имѣю поползновеніе къ просвѣщенію себя познаніями и очень часто съ проѣзжающими богомольцами, семянниками, дегтярами и иными торговыми народами раживалъ научныя о различныхъ странахъ пренія. А объ Австраліи,— объ Австраліи не одинъ изъ нихъ даже и не вспоминалъ.

— А вотъ завтра у отца Парамона я спрошу, гдѣ эта Австралія.

— А почему же вы предполагаете, что супруга ваша именно нигдѣ индѣ, какъ въ оной странѣ-Австраліи?

— Потому я такъ думаю, Алексѣй Терентьичъ, что этотъ-то, прости Господи — не хочу выговорить браннаго слова — Шалтаевъ — все ей разхваливалъ Австралію. Природа богата, разсказывалъ онъ ей, вѣчная весна, съѣстнаго много; а теплынь такая, что хоть голый ходи. Да къ тому же свобода полная. Нѣтъ ни законовъ, ни засѣдателей.

— Оно конечно можетъ быть и такъ; но, по моему морокованію, Иванъ Ивановичъ, едва-ли супруга ваша отправилась въ Австралію. Если бы еще эта страна была, примѣрно, хоть родина Григорья Ильича — ну то еще толкъ. А когда это просто такъ можно сказать — просто только лирическая страна, — то, судя по

ея отдаленности, едва-ли оба они могли предпринять такое путешествіе.

— Ну такъ какъ же иначе; если напримѣръ не въ Австралію, такъ съ какими-же другими намѣреніями и куда именно могутъ они отправиться?

— А вотъ что, Иванъ Ивановичъ, я вамъ скажу на это. Молохинская Солоха сегодня пралась на озерѣ, почитай, цѣлое утро. А глазъ у этой скверной, и даже, между нами говоря, нечестивой женщины, чрезвычайно язвительный. Вотъ она, представьте себѣ, прется на озерѣ и видитъ, что изъ Каганцевъ выѣзжаетъ кибитка и направляется по дорогѣ къ Ворыгину. Около кладбища вышла изъ-за часовни супруга ваша и влезла въ кибитку. Солоха-то во все время пристально глядѣла на Авдотью Парамоновну и замѣтила, что она въ слезахъ; а если она т. е. Авдотья Парамоновна была въ слезахъ, то я, по моему разумѣнію, заключаю изъ этого, что они поѣхали вовсе не въ Австралію.

— А куда же?

— А просто съ позволенія вашего сказать — Григорій Ильичъ увезъ ее къ себѣ....

Иванъ Ивановичъ поблѣднѣлъ и разинулъ ротъ.

Въ его головѣ до сихъ поръ бродили только однѣ догадки; ему никакъ не представлялось, чтобы Шалтаевъ увезъ Дуню, и былъ причиною ея побѣга; до сихъ поръ онъ объяснялъ себѣ отсутствіе изъ дому Дуни или желаніемъ попутешествовать съ Шалтаевымъ или желаніемъ съѣздить въ другія губерніи, о чемъ она давно уже его просила или вообще инымъ подобнымъ невиннымъ желаніемъ. Мысль же объ какой нибудь интригѣ по его благородному чистосердечію еще не закралась въ его голову. Но теперь, какъ пораженный громомъ, онъ растерялся и остановился передъ истинною въ ужасѣ, словно на краю бездонной пропасти.

— Да, это такъ, такъ, едва слышно произнесъ онъ.

Алексѣй Терентьичъ, довольный даже отчасти тѣмъ эффектомъ, который произвело на Кулебякина его умозаключеніе, и увидя остолбененіе всѣхъ умственныхъ способностей въ Иванѣ Ивановичѣ послѣ этой новости, счелъ лучшимъ перестать говорить о настоящемъ дѣлѣ, но чтобы вдругъ водворившееся молчаніе не показалось страннымъ, онъ для препровожденія времени, началъ разсказывать объ обильномъ урожаѣ капусты въ каганцевскихъ огородахъ — урожаѣ, достойномъ глубокаго замѣчанія.

Между тѣмъ Иванъ Ивановичъ снова пришолъ въ себя и, выслушавъ довольно хладнокровно разсказъ о капустѣ, снова навелъ разговоръ на побѣгъ жены.

— Положимъ себѣ, что она убѣжала съ нимъ, говорилъ Иванъ Иванъ Ивановичъ. Но куда же можетъ завести ее этотъ бездомовщина? Вѣдь у него нѣтъ ни кола, ни двора. Не цѣлый же вѣкъ они будутъ шататься по свѣту. Что скажете вы на это, Алексѣй Терентьичъ?

— Я совершенно согласенъ съ вами, Иванъ Ивановичъ.

— То есть что же?

— То есть насчетъ того, что не цѣлый вѣкъ они будутъ шататься по свѣту, а изберутъ гдѣ нибудь себѣ, подъ конецъ, жительство.

— Ну, а намъ что же дѣлать? Неужели только сидѣть и ждать?

Алексѣй Терентьичъ помолчалъ нѣсколько минутъ; потомъ, придавъ лицу торжественное выраженіе и возвысивъ голосъ, онъ началъ:

— Еще лишь только первый лучъ солнца прорвался сегодня чрезъ окошко и озарилъ висѣвшіе на стѣнѣ мои панталоны и подрясникъ — еще тогда уже начало томить меня, достопочтенный Иванъ Ивановичъ, тяжелое предчувствіе. Оно сбылось. Быть можетъ прежде даже, чѣмъ вамъ, чрезъ Солоху было извѣстно мнѣ сіе злосмрадное происшествіе. Я уже не пожалѣлъ ради васъ ни горшка крупъ, ни остатковъ сукна отъ недавно сшитой мною

фуражки, и вручилъ все это Солохѣ, чтобы вывѣдать отъ нее подробно все случившееся. Послѣ глубокаго размышленія я рѣшилъ, что единственное средство для овцы заблуждшія, сирѣчь Авдотьи Парамоновны — это погоня, самая скорая погоня. И погоня по всѣмъ городамъ и селамъ, дабы такимъ образомъ вывѣдать свѣденія: когда и куда именно проѣхалъ вотъ такой-то и такой-то экипажъ? И погоня, говорю я, немедленная, ибо, если промедлить какой-либо мѣсяцъ, то бѣжавшіе уже навѣрное къ тому времени перестанутъ странствовать на виду людей и изберутъ себѣ мѣстожительство; а тогда уже понятно, что и слѣдъ простылъ. И вотъ, держа въ тайнѣ сіе мое предположеніе, я хотѣлъ было уже и самъ сегодня отправиться къ вамъ, достопочтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, но случилось такъ, что именно въ то самое время, какъ я началъ собираться, прибылъ отъ васъ посланный; и съ двойною стремительностью я отправился въ Каганцы. Иду, знаете, и все думаю: о, Господи, помоги мнѣ утѣшить сего вдовствующаго мужа! Помоги мнѣ вдохновить, такъ сказать, вдохновить сего мужа къ рыцарскому подвигу всесвѣтныхъ, многотрудныхъ поисковъ за своею супругою!...

Слеза выкатилась при этомъ изъ праваго глаза Алексѣя Терентьича. Иванъ Ивановичъ былъ самъ не менѣе его разстроенъ и счелъ необходимымъ облобызать сострадательнаго дьячка за ревностное его участіе.

— Чтожъ? я готовъ хоть сейчасъ — именно хоть сейчасъ самъ своею персоною, говорилъ, воодушевляясь надеждою, Иванъ Ивановичъ.

— Да я такъ и думаю, Иванъ Ивановичъ. Дѣйствительно самимъ вамъ лучше; народъ, знаете, лукавъ—покривитъ душою. А сами поѣдемте искать, такъ только бы слѣдъ открыть.

— Именно правда, перервалъ Иванъ Ивановичъ, все болѣе и болѣе одушевляясь, только бы слѣдъ открыть, а то ужъ по слѣдамъ я поскачу, не жалѣя себя. Я, чортъ возьми, десять лошадей

загоню, верхомъ даже поскачу, а ужъ догоню, непремѣнно догоню!

— И подлинно верхомъ, Иванъ Ивановичъ! Верхомъ совсемъ иное дѣло, чѣмъ въ экипажѣ. Тутъ и стороной проѣдешь, и изъ лѣсочку половчѣе разомъ шарнуть на дорогу можно, да и цапъ лошадей за усцы; стой, куда-де ѣдешь?

— Да, да, стой, куда-де ѣдешь; верни назадъ, въ Каганцы! слышишь, верни! повторялъ водушевленный Иванъ Ивановичъ точно такъ, какъ будто бы онъ уже держалъ за усцы тройку Шалтаева.

— И такъ рѣшено, Иванъ Ивановичъ; ѣдете въ погоню? спросилъ Алексѣй Терентьичъ..

— Ѣду, положительно отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ. Одна только просьба: поѣзжай и ты со мною, душа, Алексѣй Терентьичъ!

Алексѣй Терентьичъ нѣсколько удивился, но потомъ скорчилъ вдругъ такую болѣзненную гримасу, какъ будто бы у него животъ подвело. Помолчавъ нѣсколько, онъ отвѣчалъ:

— Радъ бы и жизнь положить ради васъ, достопочтенный Иванъ Ивановичъ, да того — домъ.... дѣтишки останутся, и бѣдность....

— Э голубчикъ мой, Алексѣй Терентьичъ, ужъ вы бы и молчали на счетъ того.... то есть это уже на мой счетъ; не только что самое путешествіе и жалованье, но и семейству въ наше отсутствіе продовольствіе и все такое.

— Я всегда зналъ, что вы благодѣтель, Иванъ Ивановичъ.

— Я имъ и хлѣба, и скота всякаго и денженокъ дамъ; а и вамъ тоже; да и жалованье....

— Истинный добродѣтельный благодѣтель ты, Иванъ Ивановичъ!

— И такъ значитъ мы ѣдемъ? Алексѣй Терентьичъ.

— Готовъ служить вамъ до гроба, Иванъ Ивановичъ.

— Завтра же ѣдемъ, Алексѣй Терентьичъ.

— Готовъ сейчасъ.

— Я, Алексѣй Терентьичъ, думаю на пѣгой кобылицѣ. Она, знаете, по покойнѣе, не трясетъ, да и силою понадежнѣе.

— Да, кобылица славная, хулить нечего.

— Ну а вы, на рыжкѣ моемъ.

— Нѣтъ, ужъ для васъ, какъ для друга, ничего я не пожалѣю. Поѣду я съ вами на своемъ савраскѣ. Тоже, знаете, спокойное твореніе, да къ тому же, савраска мой, знаете, въ дружбѣ съ вашею пѣганкою: на лугу всегда вмѣстѣ пасутся, а въ праздничные дни даже я видывалъ, какъ они другъ другу чесали холки съ совершенно человѣческимъ сочувствіемъ.

— Ну тѣмъ лучше; все-же гдѣ нибудь придется попасывать по травѣ—такъ не разбредутся лишній разъ.

— Только вотъ овса-то давно не ѣлъ мой савраска; какъ-то онъ привыкнетъ къ нему въ дорогѣ.

— А вотъ я сейчасъ велю отправить къ вамъ четверть овса; засыпте ему, Алексѣй Терентьичъ, цѣлую четверть на дорогу. Пусть ѣстъ себѣ сколько вздумается!

— Вы истинная добродѣтель, Иванъ Ивановичъ!

— И такъ завтра съ полудня, выбираемся Алексѣй Терентьичъ.

— Выбираемся съ помощью Божіей. А теперь позвольте мнѣ пожелать вамъ для сегодняшняго спокойной ночи, а для завтрашняго — пріятнаго пути; пойду и я домой собираться.

— Ступайте, ступайте съ Богомъ, Алексѣй Терентьичъ!

Разставшись съ будущимъ своимъ сотрудникомъ — оруженосцемъ, Иванъ Ивановичъ распорядился, чтобы на слѣдующее утро собралась въ его покои вся дворня и иная домашняя челядь для совѣщаній — и потомъ легъ спать. Ночь провелъ безпокойно, такъ что спалъ не болѣе какихъ нибудь пяти часовъ, чего съ нимъ не случалось уже около пятидесяти лѣтъ. На утро его разбудилъ какой-то странный шумъ, наполнившій переднія комнаты его покоевъ и сходный съ тѣмъ, который происходитъ при силь-

номъ вѣтрѣ въ трубѣ. Сначала Иванъ Ивановичъ немного изумился, но вслушавшись хорошенько, догадался, что это бубнитъ созванный, по его приказанію, народъ. Онъ тотъчасъ-же надѣлъ халатъ и туфли и вышелъ въ переднюю.

— Здравствуйте хлопцы! сказалъ Иванъ Иановичъ, садясь на кресло противъ толпы народа. Тотчасъ-же загудѣли въ толпѣ довольно музыкально на разные тоны привѣтствія Ивану Ивановичу. Кто просто здравствовался, кто сулилъ ему тутъ же всякаго благополучія, а иной раззѣвавшись не находилъ болѣе ничего умѣстнаго сказать, какъ «воченно благодаримъ».

— А знаете-ли хлопцы, за чѣмъ я собралъ васъ сюда? спросилъ печальнымъ голосомъ Иванъ Ивановичъ.

— Не знаемъ пане, просто отвѣчали хлопцы.

— Я такъ и думалъ, что вы не знаете хлопцы. Вотъ видите-ли, въ чемъ дѣло. Вамъ я полагаю уже не безъ извѣстно, что вчерашняго дня паня уѣхала.... нечаянно уѣхала съ тѣмъ гостемъ.

— Какъ-же не безъизвѣстно, и очень хорошо извѣстно; вѣдь мы-же и искали, отвѣчали съ глубокимъ сочувствіемъ нѣкоторые изъ толпы.

— Ну такъ значитъ вамъ уже и объявлять этого не зачѣмъ, продолжалъ Иванъ Ивановичъ. А такъ какъ паня, уѣхавъ нечаянно, позабыла сказать мнѣ, когда она вернется назадъ и куда поѣдетъ, въ какую сторону и на сколько времени, то я счелъ необходимымъ проѣхаться немножко кой-куда поразвѣдать; т. е. хочу, значитъ, поискать ее и посовѣтывать ей вернуться домой. Что вы на это скажите, хлопцы?

— А чтожъ намъ сказать? заговорили хлопцы. Мы то-же скажемъ что и панъ. Вѣдомо дѣло, что безъ хозяйки въ домѣ не ладно. Вернется паня, покойнѣй будетъ.

— Вотъ въ томъ-то и дѣло, ребята, что безъ хозяйки дома мнѣ плохо. Вотъ куда ни оглянись, все самому приходиться ра-

ботать. То пыль гдѣ сотрешь, то ключи выдашь, то скотницу поругаешь — часу отдохнуть свободнаго нѣту.

— Подлинно такъ пане, отвѣчали мужики, думая однако совершенно иное, «ей панъ, какъ ты себѣ боковъ не пролежалъ»—вотъ что они думали.

— И такъ, хлопцы, сегодня же я выѣзжаю. Я не хочу никого изъ васъ тревожить и брать съ собою (при этихъ словахъ всѣ рожи хлопцевъ передернулись отъ радостной улыбки). А есть тутъ не подалеку, многосвѣдующій въ путяхъ жизни человѣчекъ— такъ тотъ со мною и поѣдетъ. И такъ, хлопцы, я собралъ васъ, чтобы объявить, что я разстаюсь съ вами.

Хлопцы, не находясь что отвѣчать, молчали.

— Да я вижу, что и вы сочувствуете моему несчастію; и вамъ тяжко разстаться со мною; я все вѣдь это вижу. Спасибо вамъ хлопцы! Я не забуду вашей чести. Всѣмъ привезу гостинцевъ. Кому люльку, кому кисетъ, кому табаку, я всѣмъ привезу вамъ...

— Спасибо за это, панъ, отвѣчали съ трогательнымъ выраженіемъ въ лицѣ нѣкоторые изъ хлопцевъ.

— Живите безъ меня мирно; работайте по совѣсти, слушайтесь старшаго; не пейте хлопцы много,—охъ не пейте! въ водкѣ бѣсъ—я хлопцы это подлинно знаю. Ну, а больше всего надѣйтесь на Бога!

Нѣкоторые изъ хлопцевъ, бывшіе уже на веселѣ по милости добродѣтельной шинкарки, услышавъ такія внушительныя рѣчи пана, разчувствовались и прослезились. Пастухъ Микеша отъ умиленія пустилъ даже слюны. Самъ Иванъ Ивановичъ былъ разстроганъ не менѣе. Онъ-бы и самъ навѣрное расплакался, если-бы не сдерживалъ его героизмъ, необходимый для будущихъ подвиговъ.

— Теперь, хлопцы, можете идти по домамъ. Да такъ и быть, ужъ для сегодняшняго дня не работайте, а вотъ постарайтесь только получше снарядить въ дорогу Пѣганку. Накормите ее,

напоите и вычистите. А ты Сашутка выбери сѣнца хорошаго немножечко, я напокую имъ себѣ карманы. Авось гдѣ нибудь и подкормимъ на дорогѣ. Да и сѣдло обсмотри, Сашутка!

— Сѣдло въ исправности, панъ, отвѣчалъ Сашутка; только одно стремя шире маленько другаго, а то все остальное въ исправности.

— Ну, то-то-же, то-то. И такъ прощайте-же, хлопцы! А на дворѣ, при выѣздѣ, хлопцы еще разъ соберитесь; тамъ еще разъ попрощаемтесь — уже совсѣмъ, значитъ, на дорогу.

Хлопцы удалились, а Иванъ Ианович начал собираться. Долго онъ ломалъ голову надъ тѣмъ, брать-ли ему съ собою въ дорогу самоваръ и чайный приборъ на двѣ особы; но разсчиталъ наконецъ, что укладывать въ маленькій чемоданчикъ эти вещи нельзя, а съ другой стороны онъ рѣшилъ, что если привязать къ сѣдлу чемоданъ большой, то будетъ слишкомъ громозко. Поэтому самоваръ, чайникъ и стаканы были оставлены, а мѣсто ихъ замѣнили ведерко съ масломъ и свѣжепросоленными огурчиками и десятка два печеныхъ яицъ. Кромѣ того въ чемоданчикъ были уложены двѣ пары бѣлья, бекеша, фракъ, жилетъ и множество различныхъ шарфиковъ. Но какъ ни упаковывалъ Иванъ Ивановичъ свои дорожные пожитки, ихъ все еще оставалось чрезвычайно много, такъ что онъ вынужденъ былъ снарядить еще два перекидныхъ мѣшечка, которымъ слѣдовало помѣститься уже впереди сѣдла возлѣ холки Пѣганки. Въ эти мѣшечки Иванъ Ивановичъ уложилъ пару сапогъ, гарнца два сушеныхъ грушекъ, съ намѣреніемъ прельщать ими въ случаѣ нужны издалека бѣглянку—Дуню. Туда-же было положено нѣсколько чаю, сахару и около полъ-пуда копченой рыбы. Остальныя неумѣстившіяся еще вещи Иванъ Ивановичъ намѣревался попривѣсить, гдѣ будетъ возможно, снаружи, а самъ занялся приведеніемъ въ порядокъ своего дорожнаго костюма. Напоковавъ въ карманы сѣна для корма Пѣганки, онъ собственноручно, съ ножемъ, ножницами и иглою въ рукахъ дѣлалъ

въ нужныхъ мѣстахъ своего костюма, для удобства верховой ѣзды, прорѣхи, а иныя скважины сшивалъ ниткою, чтобы были уже; все для того-же удобства. Наконецъ занялся своею, съ широчайшими полями шляпою, къ которой оказалось необходимымъ прикрѣпить ленту, чтобы подвязывать ее въ случаѣ вѣтра подъ бороду. Лента нашлась пунцовая, широкая, чуть-ли еще не съ груди какого нибудь генерала прошедшаго вѣка, и была тщательно прикрѣплена. Такимъ образомъ приладивъ все, что было нужно, Иванъ Ивановичъ въ пріятномъ ожиданіи Алексѣя Терентьича сѣлъ обѣдать. Алексѣй Терентьичъ не обманулъ пріятнаго ожиданія Ивана Ивановича и явился на своемъ Савраскѣ, какъ мѣдный грошъ къ первому-же блюду. Оба мужа принялись довольно усердно обѣдать, поговаривали, попивали помаленьку на дорогу и совершенно не замѣтили, что на дворѣ начинало уже темнѣть. Наконецъ трапеза была окончена. Помолившись Богу, они велѣли подать себѣ коней. Присѣли передъ выходомъ на дворъ немножко, какъ это водиться на Руси; грустно взглянули другъ на друга и вышли. Анисья и другія дворовыя бабы, вмѣстѣ съ дворовыми псами, подняли такой вой, что даже самъ Иванъ Ивановичъ поморщился. Алексѣй Терентьичъ хотѣлъ было сказать имъ утѣшительную рѣчь, но языкъ не слушался и онъ только выговорилъ; «Слава Богу, все обстоитъ благополучно»! Между тѣмъ на дворѣ стояла уже толпа хлопцевъ. Кулебякинъ обратился къ нимъ.

— Прощайте, хлопцы! Ведите себя смирно; работайте, и слушайте старшаго; а пуще всего хлопцы -- не занимайтесь художествомъ (подъ этимъ словомъ Иванъ Ивановичъ разумѣлъ худое поведеніе вообще); будете вести себя хорошо — всѣхъ васъ награжу, хлопцы!

Хлопцы обѣщали вести себя хорошо.

— Ну вотъ же вамъ за это пять рублей на горѣлку. Прощайте!

Одни изъ самыхъ религіозныхъ въ отношеніи къ бахусу хлоп-

цевъ повалились отъ избытка чувствъ въ ноги. Другіе благодарили и сулили Ивану Ивановичу счастливаго и удачнаго путешествія. Между тѣмъ Иванъ Ивановичъ торжественно подходилъ къ своей Пѣганкѣ. Взобрался кое-какъ на нее и оглянулся назадъ. Сливкинъ тоже былъ уже на конѣ, и притомъ такъ близко около своего рыцаря, что Савраска его даже положилъ голову на спину Пѣганки, должно быть въ знакъ симпатіи или покровительства.

«Это хорошій знакъ» подумалъ Иванъ Ивановичъ и тронулся. Сзади неотступно тронулся и Сливкинъ. Когда оба герои выѣхали изъ села, то сумерки такъ уже сгустились, что не только я, но даже и Молохинска Солоха не взялась бы описать, какъ выглядывали со стороны на своихъ коняхъ наши всадники.

ГЛАВА VI.

O sancta simplicitas!

Къ полуночи они прибыли въ городъ Спигородъ. Хотя Иванъ Ивановичъ и бывалъ въ Спигородѣ, но это было такъ давно, что въ настоящее время въ памяти у него не находилась ни одна улица. Однако, не желая себя сконфузить передъ Алексѣемъ Терентьевичемъ въ такомъ невѣжествѣ относительно знанія ближайшаго своего уѣзднаго города, онъ съ самоувѣренностію разсказалъ ему при самомъ въѣздѣ сколько поворотовъ и на какую именно руку, на правую или на лѣвую придется имъ сдѣлать, чтобы попасть въ гостинницу *Парижъ*. Онъ между прочемъ даже предостерегъ Сливкина, чтобы тотъ не отставалъ ни на волосъ отъ него; ибо *городъ не деревня* и, что раззѣвавшись по сторонамъ и посреди шумящаго многолюдія, какъ разъ можно отстать другъ отъ друга, разлучиться и даже—чего Боже сохрани—разлучиться на цѣлую жизнь. Алексѣй Терентьевичъ, какъ человѣкъ робкій и къ тому же мало бывалый въ городахъ тотчасъ же пришпорилъ сапогами своего Савраску и такъ близко наѣхалъ на Ивана Ивановича, что Савраска по обыкновенію положилъ голову на Пѣганку. На это Иванъ Ивановичъ посмотрѣлъ снова съ благосклонною улыбкою, хотя и замѣтилъ, между прочимъ что при

многочисленной публикѣ слѣдуетъ имѣть ему, Сливкину, болѣе *воздержанія*, дабы не подумали, что Савраска кладетъ голову свою на Пѣганку вслѣдствіе крайней усталости и тѣмъ не привели бы въ конфузъ какъ самого Кулебякина, такъ и его — Сливкина. И что особливо надобно избѣгать этого *пассажа* въ томъ случаѣ, когда наступитъ мгновеніе напасть разомъ на лошадей Шалтаева; ибо въ противномъ случаѣ онъ, замѣтивъ, или собственно предположивъ, что лошади утомлены, можетъ еще вознамѣриться дать тягу и тѣмъ затруднить его поимку. Дѣлая эти замѣчанія, Иванъ Ивановичъ не замѣтилъ, какъ уже въѣхалъ въ городъ, и Пѣганка его брела сама собою, куда хотѣла; увидя, что она сблудила, Иванъ Ивановича тотчасъ же въ видѣ нравоучительнаго примѣра сообщилъ Алексѣю Терентьевичу, что какъ худо быть въ путешествіи разсѣяннымъ и что разсѣянность всегда, какъ и въ этомъ случаѣ, ведетъ къ заблужденію. Однако, къ счастію нашихъ героевъ, на улицѣ было такъ темно, что никто бы не замѣтилъ, какъ Савраска кладетъ голову на Пѣганку, и такъ безлюдно, что *потеряться въ толпѣ*, какъ это предполагалъ Иванъ Ивановичъ, за отсутствіемъ всего божьяго люду (окромѣ хмѣльнаго будочника) было невозможно. Все затрудненіе, значитъ, состояло въ томъ, чтобы отыскать ночлегъ, или собственно Парижъ. Но и тутъ счастіе помогло нашимъ героямъ. Въ то самое время, когда Иванъ Ивановичъ приподнимался на сѣдлѣ и вытягивалъ шею, чтобы, по совѣту Сливкина, обознать мѣстность, невдалекѣ гдѣ-то заржала лошадь. Савраска и Пѣганка тотчасъ же отозвались и вдругъ обнаружили оба наклонность свернуть влѣво. Сначала Иванъ Ивановичъ подумалъ, что это просто глупая конская прихоть, но, замѣтивъ упрямство своей Пѣганки, все поварачивающей голову влѣво, далъ, наконецъ, ей волю. Каково же было его удивленіе, когда Пѣганка, своротивъ только съ средины улицы въ бокъ, напрямикъ остановилась передъ воротами Парижа! Иванъ Ивановичъ удивился,

какъ это такъ онъ, стоя о бокъ съ знакомою гостинницею, не могъ скорѣе, чѣмъ Пѣганка, обознать ее; но догадавшись, что это произошло отъ темноты, онъ погладилъ свою разумную кобылицу, сказалъ ей нѣсколько ласковыхъ словъ, и началъ стучать въ ворота. Со двора послышался лай собаченки, довольно визгливой, покрываемый густымъ басомъ побранокъ дворника. Вскорѣ ворота отворились и наши всадники очутились подъ повѣтью большаго двора, между множествомъ экипажей и лошадей пріѣзжихъ. Спѣшившись, Иванъ Ивановичъ передалъ свою кобылицу Сливкину и самъ тотчасъ же отправился въ гостинницу. Съ трудомъ разбудивъ половаго, который въ сладкихъ сновидѣніяхъ своихъ только что началъ грезить о любиной игрѣ въ носки, и, будучи разсерженъ пробужденіемъ, посулилъ Кулебякину чорта, онъ велѣлъ показать себѣ свободный номеръ. Половой довольно небрежно втолкнулъ Ивана Ивановича въ комнату налѣво и опять завалился спать. Иванъ Ивановичъ, попавъ нечаянно рукою на свѣчу и пачку сѣрянокъ, вычиркнулъ огонь и увидѣлъ съ удовольствіемъ, что комната довольно прилична, совершенно удобна для помѣщенія двухъ особъ и хотя пропитана кисловатымъ запахомъ, но за то довольно тепла. Принявъ въ разсчетъ расположеніе духа половаго, Иванъ Ивановичъ отказался на этотъ разъ отъ желанія напиться чаю; поѣлъ кое-чего, что было съ нимъ подъ рукою и легъ спать. Утомленный непривычною ѣздою, онъ заснулъ чрезвычайно крѣпко.

Между тѣмъ на дворѣ бушевалъ Сливкинъ. Онъ безъ церемоніи разогналъ всѣхъ пріѣзжихъ лошадей въ разныя стороны и выбравъ самыя удобныя два стойла, поставилъ въ нихъ своихъ коней. Надѣливъ побранками спящихъ кучеровъ, онъ растолкалъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и упрекнулъ въ нерадѣніи къ своей должности, при чемъ указалъ на бродящихъ безъ привязи по двору лошадей. Припряталъ въ укромное мѣсто сѣдла и иную збрую, купилъ сѣна и, посуливъ Пѣганкѣ и Савраскѣ покойной ночи,

пошелъ розыскивать Кулебякина. Пѣганка и Савраска казались совершенно довольными своимъ положеніемъ и преусердно начали жевать сѣно. При этомъ они издавали такіе звуки ртами, что не только озадачили другихъ своихъ товарищей — лошадей, но даже нѣкоторые изъ проснувшихся на дворѣ кучеровъ посулили имъ къ утру объѣсться. Вскорѣ эти звуки покрыли собою всѣ остальные, потому что весь Парижъ погруженъ былъ въ глубокій сонъ.

На другой день, напившись чаю, первымъ дѣломъ Ивана Ивановича было распросить у половаго, гдѣ живетъ городничій, исправникъ и прочія полицейскія власти, которыхъ навѣстить и увѣдомить о своей потерѣ Иванъ Ивановичъ считалъ первостатейною необходимостью.

Развѣдавши хорошенько мѣста ихъ жительства, онъ немедленно разсчиталъ дѣлать имъ визиты и началъ одѣваться. Вытащилъ изъ чемодана свою бекешу, встряхнулъ ее тщательно, и хотя замѣтилъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ моль проточила скважинки, но онъ не хотѣлъ обратить на это вниманія; да и къ чему отравлять воспоминанія прошедшаго, въ которомъ милая бекеша тогда, конечно, изящная и модная, играла свою блестящую роль. Поэтому-то онъ и не хотѣлъ обращать вниманія на тѣ ущербы, которые всему, не исключая сѣдыхъ уже теперь волосъ его, наноситъ время; и надѣлъ свою бекешу съ тѣмъ же чувствомъ самодовольства, какъ и во времена былыя. Потомъ, причесавшись, онъ досталъ изъ чемодана шапку съ козырькомъ, которую справедливѣе бы слѣдовало назвать *козыремъ съ шапкою* (потому что козырекъ былъ величиною чуть не съ подносъ), взялъ въ руки носовой платокъ и бумажникъ съ деньгами на всякій случай и отправился въ городъ.

Городъ Стигородъ много перемѣнился съ того времени, когда въ послѣдній разъ, лѣтъ около двадцати пяти тому назадъ, былъ въ немъ проѣздомъ Кулебякинъ. Теперь онъ хотя сколько нибудь

похожъ былъ на городъ, но во времена былыя ни одинъ проѣзжій не удостоивалъ его почетнымъ титуломъ города. Впрочемъ, и теперь улицы его остались такими же кривыми и узкими, какъ и прежде. Многія изъ этихъ улицъ вовсе не похожи были на улицы, а скорѣе на сельскія тропинки, змѣеобразно извивающіяся направо и налѣво. Нѣкоторыя при этомъ принимали форму волнообразной линіи, иныя же совершенно имѣли видъ круга, такъ что нерѣдко новые пріѣзжіе въ городѣ, идя по круговой улицѣ, сильно кряхтѣли, потѣли и говорили съ досадою: «экая безконечная улица», не замѣчая того, что они только кружатся. Были и такія улицы, которыя, сдѣлавъ множество въ разныя стороны поворотовъ, вдругъ упирались въ какой нибудь заборъ или шинокъ; поэтому на долю этихъ улицъ попадались иногда тоже замѣчанія пріѣзжихъ, какъ и на долю круговыхъ. Мостовой въ Спигородѣ никогда не водилось, и хотя покойный городничій передъ ревизіей велѣлъ вымостить нѣсколько саженъ вблизи присутственныхъ мѣстъ, но вскорѣ трескъ колесъ отъ ѣхавшихъ по мостовой экипажей, мѣшая иногда вздремнуть ему послѣ обѣда (а квартира его была рядомъ съ намощеннымъ мѣстомъ), до того надоѣлъ городничему, что онъ, долго неразмышляя, велѣлъ арестантамъ выломать камень изъ мостовой и перетащить его вь баню, гдѣ онъ поступилъ на каменку. Такимъ образомъ мощеніе улицъ не осуществилось и лужи грязи отстояли свою монополію. Что касается до послѣднихъ, то нельзя было не замѣтить, что вь Спигородѣ ихъ было особенное изобиліе. Иная лужа до того долго тянулась по извилистой улицѣ, что, незная хорошенько ея положенія, можно было подумать, что ужъ не венеціанскій ли каналъ заѣхалъ въ Спигородъ. Но подобные каналы были отнюдь родомъ не изъ Венеціи, а коренные урожденцы, и старожилы Спигорода. Происходили они частію отъ дождей, частію отъ неискоренимаго обычая спигородскихъ обитателей — выливать всякую грязь и помои на улицу. Но не слѣдуетъ смотрѣть на эти грязи и лужи, какъ на неудобство; на-

противъ: неисчислимыя стада утокъ и гусей полоскались въ нихъ съ утра до вечера; поросята, которыхъ въ Спигородѣ бывало особенно много, уютно валялись въ грязи; да наконецъ и самыя обывательницы въ этихъ же лужахъ мыли подчасъ бѣлье. Но кромѣ этихъ удобствъ, что за видъ, что за оживленная картина — эти спигородскія улицы! Бывало, идешь шашкомъ, а вокругъ тебя такой хоръ музыки, такая жизнь и движеніе, такая игривость, что по неволѣ иной разъ подумаешь: «ишь какая животрепещущая природа»! И дѣйствительно много жизни на спигородскихъ улицахъ, осоливо въ воскресные дни. Тогда они наполняются пѣшеходами въ высочайшихъ *мокроступахъ* (такъ тамъ называются галоши), между которыми иной разъ попадется прехорошенькое личико уѣздной красавицы въ сапогахъ. Вообще прекрасный полъ въ Спигородѣ благосклонно относился не только къ сапогамъ, но нерѣдко даже и къ инымъ принадлежностямъ мужскаго туалета. На улицѣ часто можно было встрѣтить барынь не только что въ сапогахъ, но даже въ мужскомъ пальто и шапкѣ. Кромѣ иногда довольно живописно наряженныхъ пѣшеходовъ, которыхъ каждый шагъ ознаменовывается струйками волнъ, разбѣгающихся по лужинѣ и всплесками жидкой грязи, попадется и экипажъ съ кучеромъ. Пассажировъ трудно бываетъ замѣтить, потому что они всегда, проѣзжая черезъ Спигородъ, закупориваются на самое дно экипажа, и только развѣ одинъ засѣдатель, который не боится грязи, можетъ быть узнанъ въ этомъ случаѣ, такъ какъ онъ всегда имѣетъ обыкновеніе не только что взбираться на самое высокое мѣсто въ экипажѣ, но даже всегда выставляетъ наружу одну изъ предлиннѣйшихъ своихъ ногъ. Когда солнце поднимется повыше и броситъ лучи свои косвенно на Спигородъ, то видъ спигородскихъ улицъ дѣлается еще привлекательнѣе: тогда всѣ дома, засѣдатель, пѣшеходы, утки, гуси и поросята, — все отражается въ водѣ. Различная купающаяся тварь, пригрѣтая на солнцѣ, начинаетъ играть и поднимаетъ такой веселый крикъ, поросята такъ дружно визжатъ

тогда отъ умиленія, залѣзши по самыя уши въ грязь, что въ музыкальномъ отношеніи вотъ именно въ эти-то минуты Спигороду и слѣдовало называться Италіею. Покрайней мѣрѣ на цѣлыхъ пяти верстахъ окрестности слышенъ шумъ спигорогской жизни, шумъ, посреди котораго зычно раздается дребезжащій звукъ церковнаго колокола. Церковь въ Спигородѣ была единственная и стояла посреди огромной лужи, то есть площади. Впрочемъ я не хочу оскорблять клеветою площадь. Спигородская площадь ежегодно въ іюнѣ мѣсяцѣ просыхала. Тогда ея поверхность являлась покрытою роскошнымъ міромъ водорослей и прѣсноводныхъ улитокъ, которыхъ, впрочемъ, яростно преслѣдовали утки. На эту пору всѣ лягушки уже заблаговременно высѣлялись въ улицы и въ іюлѣ мѣсяцѣ площадь становилась настоящею площадью. Тогда ежедневно, по вечерамъ, высыпало на нее толпами населеніе Спигорода, прогуливалось, наслаждалось природою и благословляло свой Спигородъ. Да это и не мудрено. Всѣ спигородскіе обитатели такіе добрые, такіе привѣтливые и неприхотливые люди, что для нихъ лучше родимаго города, лучше своего знакомаго кружка и въ цѣломъ мірѣ не существовало. Гостепріимство и радушіе ихъ иногда до того доходили, что сосѣдъ, придя навѣстить рядомъ живущаго съ ними сосѣда,—не рѣдко оставался у него ночевать и возвращался домой не ранѣе, какъ вечеромъ на другой день. Жили спигородскіе обыватели очень просто: все время проводили въ обѣдахъ, чаяхъ и ужинахъ, а большую часть просыпали. Считалось даже предосудительнымъ вставать ранѣе девяти часовъ утра; а на человѣка, котораго хотя разъ встрѣчали на улицѣ позже девяти часовъ вечера, смотрѣли какъ на блудника. Поэтому, время отъ 9 вечера до 9 утра было для нихъ временемъ, такъ сказать, посвященнымъ кровати и ничему иному. Даже играть въ карты въ это время благоправные Спигородцы избѣгали; вообще же они обѣгали тѣхъ жителей у которыхъ часто случалось ночью видѣть огонь. Ихъ обыкновенно уличали или въ волшебствѣ, или неблаго-

нравіи. Одѣвались они, какъ мы уже замѣтили, неприхотливо; квартиры ихъ были простенькія. Всѣ дома безъ исключенія деревянные, низенькіе, сѣренькіе, зеленаго, сизаго, голубаго и вообще тому подобныхъ скромныхъ цвѣтовъ. Окошечки были узенькія, не болѣе, какъ о четырехъ звѣньяхъ, и не охотно выглядывали наружу; а всегда большая часть ихъ смотрѣла на дворъ; а на дворѣ вездѣ можно было встрѣтить садъ, огородъ и голубятню. Впрочемъ, нѣкоторые изъ жителей голубятни безъ церемоніи устроивали на крышѣ собственныхъ своихъ домовъ и покровительствовали этимъ птицамъ, которыхъ вмѣстѣ съ галками по Спигороду носились черныя тучи. Покровительствовать имъ, равно какъ и нюхать табакъ, считалось здѣсь отмѣнною добродѣтелью. Но что страннѣе было въ спигородскихъ обитателяхъ и въ спигородскихъ домахъ, такъ это любовь къ теплу и громадныя, исполинской величины печи — такія печи, подобныхъ которымъ едва ли можно встрѣтить въ общественныхъ русскихъ баняхъ, или въ египетскихъ, высиживающихъ циплятъ, печахъ. Онѣ были здѣсь такъ велики, что вся семья, изъ сколькихъ бы лицъ она ни состояла, могла удобно улечься на печи со всею прислугою впокатку. Между домиковъ вдоль улицъ тянулись заборы, довольно вѣтхіе, или частоколы, унизанные горшками и обвѣшанные просушивающимся бѣльемъ. Атмосфера въ Спигородѣ была не совсѣмъ чистая; покрайней мѣрѣ нашъ Иванъ Ивановичъ нѣсколько разъ чихнулъ, и даже по три раза сряду, когда проходилъ острогъ и мясные ряды. Не смотря однако на все это, Спигородъ ему понравился и тѣмъ болѣе, что онъ замѣтилъ въ немъ, какъ уже было сказано выше, улучшенія. Посреди различныхъ размышленій о прошедшемъ и о томъ, что было у него теперь передъ глазами, онъ не замѣтилъ, какъ уже подошолъ къ дому городничаго. Остановился и постучалъ въ калитку. Вышелъ какой-то инвалидъ на деревяшкѣ, съ подбитымъ глазомъ и съ физіономіею настоящаго полицейскаго сторожа. Иванъ Ивановичъ сначала подумалъ, что это самъ городничій, по

сообразивъ, что самъ городничій не пошолъ бы отворять калитки, счелъ его за лакея или служителя и обратился къ нему съ привѣтливымъ вопросомъ о его баринѣ.

— Чай пьетъ, отвѣчалъ тотъ коротко.

— А можно ли видѣть? спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— А отчего же нельзя; видѣть его завсегда можно.

Иванъ Ивановичъ послѣ этихъ словъ смекнулъ, что городничій человѣкъ не взыскательный — пускаетъ безъ доклада. Ободренный этимъ предположеніемъ, онъ смѣло вошелъ въ комнату и раскланялся.

— А вотъ не угодно-ли чайку, батюшка! — такъ привѣтствовалъ его городничій.

— Иванъ Ивановичъ Кулебякинъ! продолжалъ, раскланиваясь, Иванъ Ивановичъ.

— Со сливками, морсомъ или ерофеичемъ, батинька?

— Каганцевскій обыватель....

— Ну, да это все равно для меня, батинька; а вы скажите-ка, съ чѣмъ прихлебнете чайку?

— Со сливочками, если позвольте, произнесъ Иванъ Ивановичъ.

— А вы чай просьбу имѣете? спросилъ, прищуривъ глазъ, городничій и, обкинувъ этимъ глазомъ Ивана Ивановича, устремилъ его на порогъ комнаты съ цѣлью обозрѣть, что именно, окорокъ или мѣшокъ арбузовъ принесъ проситель. Но городничій на этотъ разъ ошибся.

— Просьбу къ вашему высокопревосходительству.

— Ну, такъ присятьте же, батинька.

— Кулебякинъ началъ искать стула.

— Или вотъ прилягте сюда на диванъ; это по покойнѣе будетъ.

Но Иванъ Ивановичъ уже сидѣлъ на стулѣ.

— Я ваше высокопревосходительство къ вамъ на счетъ того,

что относительно въ нѣкоторомъ видѣ, съ причинностью въ явленіи, недогадочно и въ совершенный мнѣ конфузъ, о пропажѣ жены съ донесеніемъ.

— А что у нее пропало? — Если салопъ, то я напередъ, батинька, знаю у кого. У жидомора Янкеля; онъ, батинька, не безпокойтесь, будетъ отысканъ.

— Нѣтъ ваше высокопревосходительство, не салопъ.

— Ахъ, такъ значитъ муфта или шляпка, или что нибудь тому подобное; ну и на эту штуку вора знаемъ; есть здѣсь, доложу вамъ, мѣщанинъ — Вострой. Еженедѣльно по воскреснымъ днямъ онъ напивается на счетъ краденныхъ вещей. Вотъ уже двѣнадцатый годъ, какъ не могу я отъучить его отъ этакой злокачественной привычки; все что нибудь да украдетъ; хоть себѣ примѣрно лежи на дорогѣ тыква или съ позволенія сказать тряпка — и ту украдетъ.

— Нѣтъ ваше высокопревосходительство; я полагаю, что Вострой совершенно въ этомъ дѣлѣ не причастенъ, потому что нѣкоторымъ образомъ жена моя потерялась самовольно.

— Какъ это жена потерялась? Вѣдь вы говорили, батинька, что жена ваша только потеряла что-то кажется.

— Да, дѣйствительно въ нѣкоторомъ отношеніи полгода тому назадъ она потеряла подвязные карманы; да это такая бездѣлица, что я о ней не смѣлъ и тревожить ваше высокопревосходительство.

— Такъ что же именно случилось?

— А, такъ сказать, — жена моя пропала сама.

Городничій на это ничего не отвѣчалъ, а только выпучилъ глаза и произвелъ носомъ неопредѣленный звукъ что-то въ родѣ «вотъ-те на!»

— И такъ въ настоящемъ случаѣ я хочу, ваше высокопревосходительство, просить васъ насчетъ въ случаѣ какихъ нибудь свѣдѣній и поимки....

— Ну ужъ на этотъ предметъ я, батинька, вора не знаю; думается мнѣ, что въ Спигородѣ и вора-то такого нѣтъ.

— А можетъ быть, по какому нибудь откровенію, ваше высокопревосходительство. А ужъ и я того, съ своей стороны, благодарность....

При этихъ словахъ Кулебякинъ безцеремонно вытащилъ изъ бумажника красненькую и положилъ ее на столъ. Городничій смотрѣлъ какъ будто ничего не замѣчая въ окно, и лишь только бумажка очутилась на столѣ онъ ловко прикрылъ ее блюдечкомъ.

— Впрочемъ, батюшка, по своей ревности къ службѣ и по врожденной сострадательности, я готовъ положить всѣ силы, чтобы только открыть хоть малѣйшіе слѣды. Скажите только, когда исчезла супруга ваша.

— Вчера-съ ваше высокопревосходительство.

— Ну и тѣмъ лучше, будьте же покойны — я постараюсь. У меня, ужъ знаете, есть на примѣтѣ два три дома.... Я туда этакъ вдругъ инкогнито и навалюсь съ обыскомъ.

— Да и гонцевъ по разнымъ землямъ и сторонамъ для развѣдыванія разослать не мѣшало бы ваше высокопревосходительство.

— Хоть цѣлую дюжину, батинька, выставлю.

— Да ужъ ваше высокопревосходительство, нельзя-ли въ нѣкоторомъ родѣ списаться съ другими властями объ этомъ же предметѣ?

— А вотъ хоть сейчасъ, если прикажите. Не только по сосѣдству, но даже по цѣлой Россійской имперіи, если угодно, сдѣлаю огласку.

— Да ужъ именно по всей имперіи. И такъ я буду надѣяться, ваше высокопревосходительство.

— Можете быть совершенно покойны.

— А за тѣмъ позвольте же пожелать вамъ пріятнаго аппетита.

— А что-жъ вы еще чайку не выпьете, батинька? Въ самоварѣ-то вѣдь еще есть водица.

— Нѣтъ, уже позвольте мнѣ засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе.

— Ну, какъ знаете. Прощайте. Счастливаго вамъ пути желаю, батинька. А на счетъ покражи не безпокойтесь; я тотчасъ же приму мѣры.

И тотчасъ же послѣ ухода Ивана Ивановича городничій легъ спать. Между тѣмъ Иванъ Ивановичъ путешествовалъ къ капитану-исправнику и думалъ о томъ, *роззадоривать-ли* его тоже *высокопревосходительствомъ*, какъ это онъ дѣлалъ городничему; но, придя къ тому убѣжденію, что это будетъ уже черезчуръ лестно для капитана, разсчиталъ подчивать его только высокоблагородіемъ и въ случаѣ крайней нужды еще синенькою.

Капитана-исправника Иванъ Ивановичъ засталъ за завтракомъ. Капитанъ-исправникъ былъ вдвое толще городничаго и говорилъ басомъ, какъ разъ въ двое болѣе густымъ, чѣмъ городничій. На объявленіе ранга, званія и пропажи Кулебякина, о которыхъ этотъ отрапортовалъ ему еще около порога, капитанъ-исправникъ, не поворачивая своего лица, прорычалъ:

— А не хотите-ли перекусить сударь?

— Нѣтъ я, ваше высокоблагородіе, больше насчетъ потери хлопочу.

· Потеря потерею, а ѣда ѣдой. Вотъ перекусили бы и на душѣ веселѣй, стало.

— Искренно благодаренъ я вамъ, ваше высокоблагородіе за утѣшеніе. Но могу-ли надѣяться насчетъ относительно, съ вашей стороны, дѣятельнаго участія?

— А вотъ я напрямикъ ему зубы выколочу, отвѣчалъ капитанъ-исправникъ.

Иванъ Ивановичъ пришелъ въ маленькое замѣшательство;

но догадавшись, что это воззваніе относилось не къ нему, довольно вѣжливо спросилъ.

— То есть кому, это вы такъ, ваше высокоблагородіе?

— Тому, кто укралъ.

— А насчетъ относительно поисковъ?

— Насчетъ поисковъ теперь нѣкогда; а вотъ не хотите ли, сударь, поросятины?

Но Иванъ Ивановичъ ничего не отвѣчая, вытянулъ синенькую и положилъ на столъ. Капитанъ-исправникъ взялъ бумажку, посмотрѣлъ ее на свѣтъ и заключивъ, что она не фальшивая, потащилъ ее въ свой карманъ.

— Можно будетъ и поиски. Черезъ часъ пойду, задамъ встрепку моимъ пьянымъ бестіямъ, протрезвлю ихъ — и въ поиски!

— А нельзя-ли насчетъ относительно увѣдомленія письменно другихъ властей объ этомъ обстоятельствѣ.

— Ну, письменно — я на это не мастеръ. Не люблю, признаться, письменности. А лично когда нибудь при свиданіи передамъ.

— Да и обыска-бы два, три у подозрительныхъ людей, ваше высокоблагородіе, сдѣлать.

— А вотъ я всѣхъ ихъ скотовъ до нитки перетрясу. Сегодня же, сударь, перетрясу; теперь вотъ только-бы послѣ завтрака отдохнуть маленечко. Говоря эти слова, капитанъ-исправникъ растегнулъ сюртукъ и легъ на диванъ.

— Позвольте мнѣ засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе. Капитанъ-исправникъ уже дремалъ, но все-таки что-то рыкнулъ съ просонья.

«Ну, это человѣкъ кремянный, и на дѣлѣ можетъ быть потолковѣе городничаго; не жалко ему и синенькой, а почтмейстеру? Почтмейстеру больше зелененькой ей-богу не дамъ; вѣдь что онъ за птица: какой-нибудь регистраторъ — а регистратору и зелененькой довольно». Съ такими мыслями подошелъ Иванъ Ивановичъ къ дому почтмейстера.

Почтмейстеръ уже обѣдалъ, когда въ его комнату вошелъ Иванъ Ивановичъ. Это былъ костлявый, сухенькій господинъ, съ длинными сѣдыми бакенбардами и въ зеленомъ халатѣ, до того запачканомъ сюргучными пятнами, что если бы встрѣтить почтмейстера лѣтомъ лежащаго на землѣ, то его непремѣнно всякій принялъ бы за клубничную гряду въ ягодахъ.

— Милости просимъ, милостивый государь, отвѣдать хлѣба-соли; супъ—милостивый государь—съ курятинкой, а тамъ жаренаго гуська и вотрушечки съ сыромъ!

— Преискренно благодаренъ вашему высокоблагородію, отвѣчалъ Кулебякинъ и сѣлъ за столъ. А вмѣстѣ съ вашимъ гостепріимствомъ позвольте мнѣ надѣяться пользоваться участіемъ вашимъ въ моемъ несчастіи.

— Ахъ, глубоко.... глубоко сочувствую я вашему несчастію; но позвольте, милостивый государь, подложить вамъ курятинки и освѣдомиться — какого рода ваше несчастіе?

— У меня вмѣстѣ съ молодымъ человѣкомъ — гостемъ пропала вчера жена.

— Не ужели? Но послушайте — вѣроятно молодой человѣкъ былъ французъ?

— Нѣтъ.

— Такъ вѣроятно фармазонъ. Фармазоны, доложу я вамъ милостивый государь, суть народы, обитающіе по ту сторону океана; народы безнравственные, безъ всякаго государственнаго устройства и не только что безъ почтоваго вѣдомства, но даже и безъ иныхъ прочихъ административныхъ учрежденій. Ходятъ съ позволенія сказать круглый годъ нагими. Ѣдятъ сырое мясо и даже говорятъ, что у этихъ народовъ есть хвостики....

— Нѣтъ ваше высокоблагородіе, этотъ человѣкъ по всей вѣроятности не фармазонъ.

— А развѣ у него не было хвостика?

— Нѣтъ, да къ тому же и названіе имѣлъ совершенно русское.

— Такъ онъ навѣрное, милостивый государь, астрономъ какой нибудь. Астрономы, милостивый государь, суть люди самые безбожные, дерзающіе изучать небеса (при этомъ почтмейстеръ значительно указалъ пальцемъ на потолокъ). Обитаютъ въ нежилыхъ и проклятыхъ возвышенныхъ, этакихъ башняхъ — обсерваторіяхъ, и имѣютъ, между нами говоря, тайное волшебное намѣреніе привлечь къ землѣ комету....

— Богъ его знаетъ, можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ онъ астрономъ. Но я болѣе всего къ вамъ имѣю просьбу относительно, чтобы касательно подорожной Григорья Ильича Шалтаева собрать свѣдѣнія по почтовому вѣдомству.

— Эхъ вы! Да вѣдь подорожную-то, милостивый государь брать нужно не у меня, а въ казначействѣ.

— Нѣтъ, ваше высокоблагородіе, не я хочу для себя брать подорожную; а хочу въ нѣкоторомъ родѣ просить васъ, дабы вы, какъ служащій по почтовому вѣдомству и притомъ въ почетномъ рангѣ и многозначительный человѣкъ, собрали свѣденія насчетъ того, что не проѣзжалъ ли гдѣ на почтовыхъ Григорій Ильичъ Шалтаевъ съ будущимъ. Говоря эти слова, Иванъ Ивановичъ вынулъ зелененькую и положилъ ее свернувши, около салфетки почтмейстера. Почтмейстеръ тотчасъ же началъ собирать со стола хлѣбныя крошки и въ числѣ ихъ, зажавъ бумажку, отправилъ ее, куда слѣдуетъ.

— Люблю, знаете, милостивый государь, опрятность и аккуратность; въ этомъ отношеніи я совершенный нѣмецъ. А нѣмцы доложу я вамъ, суть народы.... ,

— Такъ ужъ позвольте мнѣ надѣяться, перервалъ его Кулебякинъ, не желая выслушивать еще новую исторію о нѣмцахъ.

— А ужъ у меня, милостивый государь, истинная нѣмецкая аккуратность: все, что касается до моей службы, исполняю неукоснительно и съ возможною быстротою. Дѣльце ваше сегодня же обдѣлаю.

— И такъ позвольте мнѣ засвидѣтельствовать вамъ свое почтеніе.

— Сегодня же, сегодня же обдѣлаю, ужъ будьте покойны.-Такая нѣмецкая аккуратность.

Иванъ Ивановичъ раскланялся и пошолъ къ себѣ на квартиру. Проходя мимо оконъ почтмейстерскаго дома, онъ взглянулъ въ одно изъ нихъ и замѣтилъ привѣтливо улыбающееся оттуда лицо раскланявшагося Кулебякину почтмейстера. «Должно быть сострадательный человѣкъ этотъ почтмейстеръ; это даже и изъ его образованности видно», подумалъ про себя Иванъ Ивановичъ. Почтмейстеръ же дѣйствительно былъ человѣкъ сострадательный; онъ сильно вздыхалъ отъ сожалѣнія, когда, легши послѣ обѣда отдыхать, вспоминалъ о несчастномъ случаѣ побѣга жены Кулебякина.

Придя въ Парижъ, Иванъ Ивановичъ объявилъ Сливкину, что дѣла идутъ отлично удачно, и что болѣе оставаться имъ въ Спигородѣ незачѣмъ; вечеръ же былъ тихій и теплый и потому, не мѣшкая, наши герои начали собираться въ дорогу. Одно только обстоятельство на этотъ разъ немножко затрудняло ихъ, а именно: они еще не рѣшили положительно, куда и въ какую сторону надобно будетъ предпринять путешествіе. Поэтому между ними произошолъ слѣдующій разговоръ:

— Я, на основаніи моего размышленія, Иванъ Ивановичъ, соображаю, что страны юговосточныя въ нѣкоторомъ родѣ благопріятнѣе въ настоящую пору. Тамъ, этакъ природа еще не оскудѣла для нашихъ животныхъ съ одной стороны, а также этою же благорастворенностью воздуха и изобиліемъ плодовъ земныхъ страны эти могли заманить къ себѣ супругу вашу съ другой стороны. Поэтому я предполагаю, что намъ слѣдуетъ двинуться въ степи.

— Да вѣдь въ степяхъ-то, Алексѣй Терентьичъ, и трактировъ совсѣмъ, говорятъ, нѣтъ. Гдѣ же мы попасывать будемъ?

— А подъ открытымъ небомъ. Харчи, примѣрно, свои будутъ собственные.

— Положимъ себѣ, что такъ; ну, а если мы тамъ заблудимся; вѣдь тамъ ни столбовъ, ни канавъ, ни деревень возлѣ дороги нѣту.

— Эхъ, многопочтенный Иванъ Ивановичъ, а какъ же птицы небесныя, не блуждая, перелетаютъ съ юга на сѣверъ и обратно. Все провидѣніе Божіе; и мы поручимъ себя Ему.

— Развѣ что такъ; ну а я, признаюсь, разсчитывалъ, чтобы намъ потянуть къ Питеру. Все, какъ бы не было, ближе къ столицѣ, народъ подогадливѣе и образованнѣе; скорѣе вывѣдаешь отъ него, что надо.

— Да вѣдь тамъ холодно ужасно, Иванъ Ивановичъ.

— Такъ мы дорогой купимъ по новой шубѣ.

— Ну, а, значитъ, южныя-то страны и совершенно останутся безъ вниманія; ну а что, если они именно тамъ, въ южныхъ странахъ?

— Да, а вѣдь и въ самомъ дѣлѣ это можетъ быть, подумалъ вслухъ Кулебякинъ.

— Такъ знаете, родной мой Иванъ Ивановичъ, что мы сдѣлаемъ съ вами: тронемся теперь въ степи; обогнемъ тамъ нѣкоторымъ образомъ кругъ, да и потянемъ помаленьку къ Питеру.

— А если тамъ не будетъ такой дороги вкругъ?

— Такъ мы спросимъ у кого нибудь.

— Да вѣдь оно и въ самомъ дѣлѣ можно спросить; языкъ до Кіева доведетъ, говоритъ пословица. Но только одно меня безпокоитъ, что тамъ вотъ трактировъ-то нѣтъ.... не перекусишь, какъ слѣдуетъ.

— А около Питера за то теперь такіе морозы, что — ухъ! заключилъ Алексѣй Терентьичъ, дѣйствительно сильно вообще боявшійся холода.

Такимъ образомъ рѣшено было выѣхать изъ Спигорода на

югъ, обогнуть степями круговую линію и развѣдывая на пути все, что будетъ возможно, направиться наконецъ къ Питеру.

Подъ вечеръ герои наши выѣхали изъ Парижа. Впереди ѣхалъ Иванъ Ивановичъ на своей Пѣганкѣ. Сзади Алексѣй Терентьичъ на Савраскѣ. На Иванѣ Ивановичѣ была надѣта бекеша, перехваченная по таліи вышиванным кушакомъ Сливкина. На головѣ его красовалась съ обширнѣйшими полями и газовымъ бантомъ соломенная шляпа, горящая при лучахъ заходящаго солнца, какъ куполъ, такъ что всю толстую фигуру Ивана Ивановича на Пѣганкѣ издалека можно бы было счесть за часовню. Черезъ плечо у него на мишурной тесьмѣ, шириною чуть не въ шею Пѣганки висѣлъ у бедра мечъ—наслѣдіе прадѣда, которое Иванъ Ивановичъ взялъ съ собою на всякій случай. Брюки были ярко краснаго цвѣта, какъ у теперешнихъ генераловъ и горѣли, какъ жаръ. Ботфорты также своимъ блескомъ не уступали прочему одѣянію и были снабжены такими длинными шпорами, что нерѣдко онѣ зацѣплялись другъ за друга подъ брюхомъ у Пѣганки, особливо когда герой нашъ голопировалъ. Впрочемъ это случалось чрезвычайно рѣдко. Сверхъ всего этого на Иванѣ Ивановичѣ была накинута мантія, передѣланная изъ халата и очень похожая на халатъ, съ тою только разницею, что позади ея, до самаго стана, была прорѣха и обѣ полы отдѣльно ниспадали по бокамъ Пѣганки, если Иванъ Ивановичъ ѣхалъ шагомъ, или вились какъ зубцы флюгера въ воздухѣ, когда онъ ѣхалъ пошибче. Спереди и сзади Ивана Ивановича на Пѣганкѣ лежали вьюки; лежали на ней и чамоданъ, и привѣшенное съ боку ведерко съ маринованными грибами, и привязавный горшокъ съ вареньемъ, и перекидные мѣшки съ чаемъ, сахаромъ и сушоными грушами и три бутылки съ напиткомъ, привязанныя за горлышки и трубка съ длиннымъ чубукомъ, болтавшаяся впрочемъ подъ брюхомъ и много тому подобнаго багажа, такъ что Пѣганка съ своею поклажею вообще была чрезвычайно рогата. Впрочемъ это была

добрая кобыла, сносливая, терпѣливая и вѣжливая. Она словно инстинктивно понимала, гдѣ и какъ слѣдуетъ держать голову и какою поступью гдѣ выступать. Такъ, напримѣръ, теперь въ городѣ, на глазахъ любопытной публики, она подняла голову вверхъ, да притомъ даже такъ высоко, что не видала подъ собою земли, и поэтому раза три споткнулась. Шагала же, сѣменя ногами, и при этомъ такъ живописно потряхивала Ивана Ивановича, что уличные мальчишки, толпою сопровождавшіе по городу нашихъ героевъ, заключили, что Пѣганка чрезвычайно умная и искусная верховая лошадь. Даже и иные прочіе зрители, окромѣ мальчишекъ, также дивовались ея поступью. За Иваномъ Ивановичемъ, какъ я уже сказалъ, неотступно ѣхалъ Алексѣй Терентьичъ. Савраска его не отличался такими приличными манерами, какъ Пѣганка, а хомылялъ просто, распустя уши, покачивая головою и изрѣдка даже готовясь положить ее на спину Пѣганки. Но всякій разъ за эту попытку получалъ бранное слово отъ Алексѣя Терентьича и ударъ каблуками въ бокъ. Самъ Алексѣй Терентьичъ былъ весь въ зеленомъ, какъ май. И подрясникъ, и шапка, и брюки, и даже сапоги, Богъ вѣсть отъ какой причины, все было ярко-травяно-зеленаго цвѣта. Особенной изысканности въ выкройкѣ его верхняго костюма замѣтно не было; развѣ только полы подрясника казались немножко закругленными и пріобрѣзанными. Черезъ плеча у Алексѣя Терентьича висѣлъ не мечъ, а бутылка съ тертымъ табакомъ. Что же касается до багажа, то багажъ его состоялъ изъ предметовъ, менѣе деликатныхъ чѣмъ у Ивана Ивановича. Здѣсь можно было видѣть мѣшокъ съ овсомъ, жбанъ со смятаною, какъ колоколъ, болтавшійся съ боку, безконечные дегтярные сапоги, которые точно такъ же осѣдлали Савраску, какъ и самъ Алексѣй Терентьичъ, плетенный кошель съ сѣномъ, довольно плотно упакованнымъ и наконецъ нѣсколько паръ копченыхъ гусей. Все же вообще, и всадники и ихъ кони и збруя со стороны высматривали чрезвычайно живописно

и потому немудрено, что сзади за ними тянулась не только что цѣлая стая уличныхъ мальчишекъ, но даже съ полдюжины спигородскихъ кумушекъ, принявшихъ сначала Ивана Ивановича за антихриста, а потомъ за китайскаго императора и оставшихся при такомъ заключеніи. Всѣ окна, мимо которыхъ они проѣзжали, растворялись и оттуда высовывались почти до половины человѣческія тѣла и любопытныя глаза долго провожали Ивана Ивановича; бывшій въ тотъ день въ нетрезвомъ видѣ пономарь даже началъ было трезвонить въ колокола, изумленный величіемъ процессіи шествовавшаго съ толпою зрителей Ивана Ивановича, но былъ тотчасъ же за это больно высѣченъ. Толпа зѣвакъ все возрастала и возрастала и многіе неопытные люди, встрѣчаясь съ Кулебякинымъ, ѣдущимъ впереди, почтительно снимали шапки, останавливались и разѣвали рты. А Иванъ Ивановичъ и въ слѣдъ за нимъ Алексѣй Терентьичъ всѣмъ на обѣ стороны вѣжливо раскланивались и продолжали шествіе. Между тѣмъ толпа зрителей возрастала до самой заставы и только за двѣ версты отъ города отвязались отъ нашихъ героевъ послѣдніе изъ нихъ: одна кумушка въ коричневомъ капотѣ съ фіолетовымъ носомъ, и бѣлоголовый, перепачканый всякою всячиною, мальчуганъ. Такимъ-то образомъ выѣхалъ нашъ Иванъ Ивановичъ изъ города Спигорода.

ГЛАВА VII.

Over the mountains, under the waves,
Over the fountains and under the graves,
Over floods that are deepest
Which Neptune abey,
Over rocks that are steepest
Love will find the way.

Черезъ три дня пути герои наши были уже въ открытой степи. Необозримое пространство земли охватывало необъятностью робкія ихъ души, но ободряемые взаимными совѣтами и замѣчаніями, они безостановочно подвигались впередъ, не заѣзжая почти ни въ одинъ хуторъ для отдыха, и выкармливая лошадей подъ открытымъ небомъ. Что касается до Пѣганки, вообще мечтательной лошади и любящей своеобразную лошадиную сентиментальность, то такія, подъ открытымъ небомъ, покормки ей были очень по душѣ. Къ тому же въ степи обрѣтались травы обильныя, многоразличныя и ей можно было поприхотничать, выбирая изъ нихъ самыя нѣжныя. Вообще говоря о Пѣганкѣ, слѣдуетъ замѣтить, что это была деликатная, образованная и общительная лошадь; ѣла обыкновенно умѣренно; встрѣчаясь съ каждою посторонною лошадью, подходила къ ней и обнюхивала ее, была не лѣнива, нетуга на узду и никогда не брыкала. Не таковъ совершенно былъ характеромъ Савраска. Савраска былъ конь серьезный, сосредоточенный, мужиковатый, конь грубыхъ чувствъ; однимъ словомъ, конь не получившій никакого воспитанія. Такъ напримѣръ относительно корма онъ былъ неразборчивъ, но терпѣть не могъ

жидкой луговой травы; для него эта трава была отвратительнѣе, чѣмъ для насъ овсянка; а любилъ онъ поѣсть лучше даже испортившагося сѣна, но только чтобы въ мѣру, сколько душа хочетъ. Встрѣчаясь съ постороннею лошадью, онъ никогда не обращалъ на нее вниманія, а если случалось, что та подходила къ нему изъ любопытства ближе, то тотчасъ прикладывалъ назадъ уши и оборачивался къ ней задомъ. Въ ѣздѣ Савраска былъ лѣноватъ и требовалъ иногда не только кнута, но даже дубинки; выведенный окончательно изъ терпѣнія, Савраска самымъ нахальнымъ образомъ билъ задомъ даже по нѣскольку разъ сряду, чтобъ разомъ вымѣстить все свое зло и снова сдѣлаться апатичнымъ ко всѣмъ оскорбленіямъ. На поводья былъ тугъ и вообще непослушенъ. Стоило, напримѣръ, ему голодному заслышать запахъ сѣна, или что нибудь подобное, онъ тотчасъ безъ церемоніи сворачивалъ съ дороги и, ни мало не обращая вниманія на сопротивленія всадника, напрямикъ ломился въ ту сторону, откуда пахло лакомствомъ. Одна только и была въ немъ прекрасная черта — это именно привязанность къ Пѣганкѣ.

Можетъ быть читателямъ покажется страннымъ описаніе характеровъ лошадей, но въ настоящемъ случаѣ оно вовсе не излишне. Такъ, напримѣръ, оно объяснитъ вамъ въ настоящемъ случаѣ, почему ни съ того ни съ другаго вдругъ Савраска, понюхавъ воздухъ, свернулъ съ дороги и, приглашая взглядомъ сдѣлать тоже самое и Пѣганку, направился къ западу. Всадники наши, уже знавшіе эту замашку Савраски, догадались, что онъ должно быть, зачуялъ гдѣ нибудь въ сторонѣ хуторъ, и такъ какъ имъ самимъ уже захотѣлось похлебать теплаго варева, то они дали ему волю. Дѣйствительно, черезъ нѣсколько минутъ, впереди предъ ними мелькнула постройка. Когда они подъѣхали ближе, то Алексѣй Терентьичъ, вообще отличавшійся остротою зрѣнія, привсталъ на сѣдлѣ и, посмотрѣвъ впередъ съ приложенною къ лбу рукою, доложилъ, что впереди виденъ хуторъ, да еще, какъ

кажется, и помѣщичій. Рѣшили, что надобно заѣхать и стали подшпоривать коней. Наконецъ передъ ними вдали ясно, какъ на ладонѣ, явилась разкинутая довольно обширная селитьба. Они уже могли видѣть приземистый сѣренькій, крытый соломою и казавшійся безъ оконъ (окна были чрезвычайно малыя), барскій домъ и другія усадебныя строенія. Все было на видъ прочно, хотя не красиво и не ново; даже попадавшіяся на пути бабы и собаки не исключались изъ этого habitus'а. Такъ всѣ бабы были не молодыя, подслѣповатыя, но за то такія жирная и кремяныя, что любую изъ нихъ по силѣ кулака можно бы сдѣлать полицейскимъ сторожемъ. Собаки тоже были стары, большія, ожирѣвшія, косматыя и, какъ казалось, давнымъ давно позабывшія лаять. Они только смотрѣли на всадниковъ съ добродушіемъ и больше ничего. Наконецъ, героямъ нашимъ попался босоногій мальчишка, отъ котораго они развѣдали, что хуторъ этотъ прозывается Ступоваловкой, и что помѣщикъ хутора баринъ, какъ называлъ его мальчуганъ, неизвѣстный ему по фамиліи, находится теперь дома. Иванъ Ивановичъ и Алексѣй Терентьичъ, послѣ нѣкотораго совѣщанія, рѣшили, что слѣдуетъ заѣхать прямо къ помѣщику.

Ступаваловъ былъ помѣшикъ лѣтъ пятидесяти, трехъ аршиннаго роста, двухаршинной толщины; мало думалъ, но много ѣлъ. Онъ отъ роду не прочиталъ ни одной, отъ начала до конца, книги и отъ роду никогда не бывалъ голоденъ. Благодаря изобильной малороссійской природѣ и обширнымъ наслѣдственнымъ владѣніямъ, онъ отъ пеленокъ до полувѣковаго возвраста пользовался всѣми возможными благами. Характеромъ былъ человѣкъ мягкій, или лучше сказать былъ безъ всякаго характера. Плакалъ иногда съ равнымъ усердіемъ отъ крѣпкаго табаку и крѣпкаго горя; но вообще, въ уютной его деревенской жизни, горе случалось очень рѣдко и потому гораздо чаще Семену Афанасьевичу Ступовалову приходилось плакать отъ радости. Душею былъ онъ человѣкъ предобрѣйшій, радушенъ и простъ, какъ можетъ быть простымъ

только степнякъ, одинъ разъ лишь во всей своей жизни бывшій въ городѣ, да и то такъ недолго, что въ памяти его изъ всей этой поѣздки не осталось ничего, кромѣ круглаго и лысаго лица смотрителя уѣзднаго учителя и его словъ «неспособенъ», которыми онъ обрекъ ребенка не выступать изъ завѣтнаго круга русской грамоты. Съ тѣхъ поръ Семенъ Афанасьевичъ безвыходно жилъ въ своей Ступоваловкѣ и былъ своею долею навѣрное болѣе доволенъ, чѣмъ мы съ вами, читатель.

Иванъ Ивановичъ засталъ Семена Афанасьевича за чайнымъ столомъ. Семенъ Афанасьевичъ, увидя въ дверяхъ гостя Ивана Ивановича, началъ раскачиваться на томъ диванѣ, на которомъ сидѣлъ и съ помощію пружинъ наконецъ поднялся. Кряхтя и пыхтя, съ распростертыми объятіями, подошелъ онъ къ гостю и прежде всякихъ привѣтствій оба мужа сіи трижды поцѣловались. Иванъ Ивановичъ хотѣлъ было рекомендоваться, но хозяинъ напрямикъ отвѣчалъ, что ему до прозванія и чина гостя нѣтъ никакого дѣла и просилъ въ своею очередь безъ церемонія садиться чаевать. Иванъ Ивановичъ съ удовольствіемъ согласился на это предложеніе и началъ стороною подходить къ чайному столу. На чайномъ столѣ стоялъ самоваръ — одинъ изъ самыхъ пузатѣйшихъ между всѣми тѣми въ которыхъ теперь варятъ сбитень для рынка. Чайникъ тоже соотвѣтствовалъ величинѣ своего сотоварища и былъ чуть не съ самую голову Ступовалова. На столѣ была насыпана куча сахару въ кускахъ, съ кулакъ величиною. Около кучи сахара помѣщался подносъ съ хлѣбомъ, булкою, сухарями, бубкилами, ветчиною, колбасами, сыромъ, масломъ, огурцами и полуразрѣзаннымъ арбузомъ. Самъ самоваръ былъ, словно нѣкій полководецъ, окруженный цѣлою свитою бутылей съ наливками и морсами. Во всей комнатѣ, кромѣ чайнаго стола, дивана и нѣсколькихъ просторнѣйшихъ креселъ, ничего замѣтно не было; развѣ только исполинская, сивая, испачканная въ пеплѣ старая собака, которая лежала въ углу и по всей вѣроятности недавно

только вылезла изъ своего кабинета — печки; но всѣ остальные углы и стѣны были совершенно лишены декорацій. Какъ видно, самъ хозяинъ не нуждался въ нихъ.

— Добрѣйшій Семенъ Афансьевичъ, говорилъ, прихлебывая чай, Иванъ Ивановичъ; видя, такъ сказать, ваше ко мнѣ радушіе и благорасположеніе, осмѣливаюсь въ настоящій моментъ обезпокоить васъ нѣкоторымъ вопросомъ: скажите мнѣ, добрѣйшій Семенъ Афанасьевичъ, въ вашихъ сторонахъ не проносились ли вѣсти на счетъ проѣзда, напримѣръ, мимо вашей Ступоваловки на этихъ дняхъ брычки на тройкѣ лошадей, съ тремя пассажирами, въ числѣ которыхъ два мужчины и третья дама?

— Нѣтъ, душа моя, не видалъ я ничего подобнаго, да признаться и не слыхалъ даже, отвѣчалъ Ступоваловъ, уплетая колбасу.

— А не можете ли вы мнѣ, дорогой другъ, по крайней мѣрѣ, указать на проницательнаго человѣка въ сторонахъ вашихъ?

— Нѣтъ, душа моя, такихъ людей нѣтъ у насъ, отвѣчалъ Ступоваловъ, принимаясь за арбузъ.

— Жаль и очень жаль, произнесъ въ раздумьѣ Иванъ Ивановичъ.

— А кого это вы душа моя жалѣете?

— А такъ, нѣкоторымъ образомъ жены своей; вѣдь вотъ эта-то дама, которая съ двумя пассажирами должна быть въ брычкѣ, это вѣдь жена моя.

— А куда она поѣхала?

— Увы, добрѣйшій другъ мой! Она никуда не поѣхала; она просто бѣжала....

— Ахъ душа моя! Какъ же это она бѣжала!? Отъ васъ, что-ли бѣжала? спросилъ Ступоваловъ, выпуская на время арбузъ и вытаращивъ глаза.

— Да, отъ меня; и Богъ вѣсть, вернется-ли?

— Ну, дорогой мой, не тужите; у меня и самого вотъ сердце заболѣло послѣ этихъ словъ вашихъ, а все-таки тужить не слѣдуетъ.

— Да вѣдь переносить тяжко, разстроеннымъ голосомъ сказалъ Иванъ Ивановичъ.

— А и въ самомъ дѣлѣ тяжко! тоже разстроеннымъ голосомъ произнесъ Семенъ Афанасьевичъ.

— О, это невыносимыя страданія! произнесъ трагически Иванъ Ивановичъ.

— Ахъ, голубчикъ вы мой! вотъ ей-ей мнѣ жаль васъ; вѣдь и въ самомъ дѣлѣ бѣжала! О страданія ваши, страданія.... вѣдь вотъ гдѣ, на душѣ, у меня все это, со слезами на глазахъ говорилъ Семенъ Афанасьевичъ.

— И вы, о добрѣйшій другъ, вы сочувствуете мнѣ!

— Я очень вамъ сочувствую, дорогой Иванъ Ивановичъ. Я на все готовъ для васъ; на все готовъ для васъ, вотъ хоть теперь же: давайте я поцѣлую васъ!

— Я вѣрю, вѣрю вамъ, дорогой мой, тоже, уже всхлипывая отъ слезъ, произнесъ взволнованный Иванъ Ивановичъ. Затѣмъ оба эти друзья пали другъ другу въ объятія и нѣсколько разъ поцѣловались; когда слезы взаимнаго сочувствія обсохли, они принялись снова за чай и начали разговоръ на нѣсколько иную тему.

— А что съ этимъ мошенникомъ сдѣлаютъ, который увезъ у васъ жену; его вѣрно повѣсятъ, когда поймаютъ? спросилъ Семенъ Афанасьевичъ.

— Нѣтъ не думаю, чтобы повѣсили, а такъ что нибудь въ родѣ штрафа или церковнаго покаянія, отвѣчалъ Кулебякинъ.

— Нѣтъ ужъ вы, Иванъ Ивановичъ, налегайте болѣе на штрафъ; штрафъ есть деньга и польза; за штрафъ можно поѣсть и попить хорошо; а церковное покаяніе,—церковное покаяніе—это въ нѣкоторомъ родѣ для васъ вовсе не утѣшительно.

— Но вѣдь это отъ судей будетъ зависѣть.

— Да что вамъ эти судьи! Наплюйте имъ, да и баста! А не то откормите борова, да втисните судьѣ въ зубы, вотъ и будетъ по вашему. А я вамъ совѣтую штрафъ.

— Можетъ быть и на основаніи одного закона дѣло кончится штрафомъ, замѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

— Штрафъ, продолжалъ Семенъ Афанасьевичъ, есть деньга. А на деньгу купишь не одного борова, а купишь еще и барана, и рыбищу, и капусты, и сала и много чего сытнаго; на деньгу купишь и пуховикъ, и вотъ этотъ чай — все въ собственное удовольствіе. На деньгу попьешь, поѣшь и выспишься хорошенько — вотъ это и резонъ. А тамъ все остальное, прочее, иное — это все вздоръ!

Иванъ Ивановичъ самъ очень любилъ хорошо поѣсть и потому совершенно согласился съ Семеномъ Афанасьичемъ.

— А если его примѣрно присудятъ наказать батогами, замѣтилъ Иванъ Ивановичъ, вѣдь и то не дурно.

— Ого, да батогами очень не дурно: хотя и не въ сласть, но въ пользу. Батогами очень не дурно, разсуждалъ Ступоваловъ.

— И, я полагаю, порядочный кушъ слѣдовало бы ему, того....

— А я бы ему негодяю пятьдесятъ штукъ! А потомъ, смочивши тряпочкой, еще бы пятьдесятъ. А тамъ, перевернувши на другую сторону, еще бы пятьдесятъ. Ухъ! ужъ пробралъ бы я его голубчика; вотъ бы ужъ пробралъ.... э-ге-ге-ге-ге пробралъ бы я его, голубчика!... припѣвая и сильно воодушевясь, говорилъ Ступоваловъ; воодушевленіе его при этомъ случаѣ дошло даже до того, что онъ два раза повернулся тѣломъ на своемъ диванѣ, чего никогда прежде съ нимъ не случалось, и такъ сильно ударилъ кулакомъ по столу, что вся посуда заплясала и изъ окна съ дребезгомъ вылетѣло два звѣна.

— А онъ бы то ужъ и ногами по брыкалъ-бы, подвергнулъ Иванъ Ивановичъ, сочувствуя благородному гнѣву своего друга.

— Ха, ха, ха.... побрыкалъ бы, бестія, побрыкалъ бы на славу! А я ха, ха, ха, я еще бы ему пятьдесятъ....

— Хе, хе, хе, а еслибъ что нибудь такое .... замѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

— Такъ и еще пятьде-ся-тъ, заливаясь смѣхомъ, прорычалъ Семенъ Афанасьевичъ.

— Да, по всему я вижу, что у васъ сострадательная душа, дорогой мой, обратился снова гость къ хозяину. Ваша теперешняя радость при мысли, что врагъ мой будетъ наказанъ — о это радость, можно сказать....

— А поцѣлуемся еще разъ, другъ мой. Я сочувствую, ей-Богу сочувствую вамъ; сочувствуете-ли только вы мнѣ во всемъ, какъ я вамъ; а я вамъ по чистой совѣсти сочувствую!

И Иванъ Ивановичъ, цѣлуясь съ Семеномъ Афанасьевичемъ, увѣрялъ его, что онъ ему рѣшительно во всемъ безъ исключенія сочувствуетъ.

— Я напримѣръ люблю кулебяку въ аршинъ ростомъ, спрашивалъ довольно серьезно у Ивана Ивановича Семенъ Афанасьичъ, снова садясь на диванъ. Сочувствуете-ли вы этому?

— Душевно сочувствую, добрѣйшій мой Семенъ Афанасьевичъ; даже самая моя фамилія, въ нѣкоторомъ родѣ, можетъ служить доказательствомъ.

— Ну а вотъ, если передъ вами откормленный быкъ и откормленный кабанъ; кому вы больше сочувствуете, другъ мой?

— Я быку сочувствую болѣе; животное это многополезное и величиною облагороженнѣе.

— Браво! другъ мой Иванъ Ивановичъ; истинный вкусъ въ васъ; ну а чему болѣе сочувствуете байнѣ или купанью?

— Я сочувствую болѣе байнѣ; это къ природѣ ближе.

— Ну, а что лучше, чтеніе или если когда кто ищетъ въ головѣ?

— Исканіе въ головѣ здоровѣе и не въ примѣръ полезнѣе, даже и душѣ въ усладу. Я очень люблю искаться въ головѣ.

— А чему вы больше сочувствуете теперь, борову или инымъ прочимъ мелкимъ домашнимъ птицамъ и животнымъ?

— А имѣя въ разсчетѣ сало и его многопользительность и благоутробность, я предпочитаю свиней.

— Молодецъ, душа моя, поцѣлуй меня! И оба мужи еще разъ поцѣловались.

— Я знаешь, душа моя, началъ Ступоваловъ; я люблю природу. У меня на всякій обѣдъ непремѣнно природа. Или баранъ цѣликомъ, либо теленокъ, либо арбузъ, либо кочанъ капусты; люблю я, чтобы всего было въ мѣру, и на вкусъ, и на взглядъ. Не позволяю кухаркѣ дробить, а ни живность какую, а ни растительность; а что далъ Господь Богъ въ природѣ, то и валяй цѣликомъ на столъ. Да и что толку вообще въ мелкихъ вещахъ? Крупная вещь-то въ руку-ли попадетъ, въ животъ-ли — все чувствуешь, что *попала;* а мелкая вещь? это просто нѣкая дрянь, обманъ, волшебство. Вотъ у меня, если самоваръ, такъ ужъ и будь самоваръ,— чтобъ хоть роту солдатъ напоить. Если комодъ, такъ и будь комодъ, чтобы въ любой ящикъ можно было положить перину и лечь спать. Если ужъ халатъ, то и будь халатъ, — чтобъ можно было въ него завернуться вмѣстѣ съ женою, головою и ногами. Если ужъ арбузъ, то и будь арбузъ, чтобы вдвоемъ подавали на столъ. Если ужъ пошелъ спать, такъ и спи часовъ двѣнадцать сряду — вотъ это сонъ.

Иванъ Ивановичъ совершенно во всемъ соглашался съ Семеномъ Афанасьевичемъ.

— А и въ самомъ дѣлѣ, не пойти ли намъ спать, любезный другъ? спросилъ хозяинъ.

Гость съ своей стороны согласился, но объявилъ, что на другой день уѣзжаетъ онъ очень рано и потому долженъ уже проститься съ хозяиномъ.

Хозяинъ же въ свою очередь уговаривалъ гостя выспаться хорошенько; но такъ какъ Иванъ Ивановичъ упорно отстаивалъ свое намѣреніе выѣхать какъ можно ранѣе, то Ступовалову ничего болѣе не оставалось, какъ только выразить свою досаду на неподатливость гостя словами: «а я такъ вотъ же двадцать часовъ просплю сряду», и за тѣмъ пойти и исполнить это въ точности.

Дѣйствительно черезъ нѣсколько времени поднялся въ домѣ такой храпъ и свистъ, какого не могъ даже производить самъ Иванъ Ивановичъ.

— Богъ его вѣдаетъ, что это за человѣкъ думалъ про себя, засыпая Иванъ Ивановичъ. Съ одной стороны слезливъ, словно съ позволенія сказать баба или какая нибудь мокрая тряпка; съ другой же стороны и свирѣпъ на столько же, на сколько и сострадателенъ; а съ третьей стороны просто нѣкій чурбанъ или бочка сороковедерная; но вообще хорошій человѣкъ, — душа человѣкъ.

Чуть-чуть брызнулъ свѣтъ—и герои наши снова отправились въ путь. Степь особенно была хороша въ эту пору. Золотисто-розовый, нѣжный отблескъ зари отъ восходящаго солнца мягко озарялъ море зелени. Въ воздухѣ чувствовалась какая-то сырая свѣжесть; но онъ былъ чистъ и пахучъ отъ различныхъ степныхъ травъ. Кое-гдѣ висѣлъ еще туманъ, совершенно багровый и видимымъ образомъ разсѣивающійся въ высшихъ слояхъ атмосферы. Подъ небесами, блистая на солнцѣ, уже кружились кобчики и соколы и въ травѣ робко перепрыгивали тушканчики, и при малѣйшей опасности оглашали степь громкимъ свистомъ. Перепелки хлопотливо перекликались между собою и ежеминутно перепархивали черезъ дорогу. Жизнь живыхъ существъ и самыя существа, казалось, ни гдѣ въ другомъ мѣстѣ не были такъ разнообразны, какъ въ роскошной природѣ этой степи. Даже и Алексѣй Терентьичъ не могъ не замѣтить этого и, послѣ долгаго мол-

чаливаго созерцанія, воскликнулъ: Экая Божья благодать! Экая суматоха въ природѣ!

На этотъ возгласъ очнулся Иванъ Ивановичъ и, чтобы завести разговоръ, спросилъ хорошо ли угостили его у Ступовалова.

— А прегостепріимно, многопочтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, прегостепріимно. Щей принесли на столъ цѣлый котелъ, каши цѣлое ведро и цѣлую ночевку рѣзаннаго хлѣба. Я ужъ удивлялся и молвилъ, что много чести, а мнѣ въ отвѣтъ: что молъ обычай такой. Самъ помѣщикъ этого требуетъ. Однимъ словомъ можно было аппетиту облагодѣтельствовать себя.

— А большая дворня у Ступовалова?

— Очень большая-съ. Мужиковъ человѣкъ до двадцати: все таки толстобрюхіе, что лавка даже трещитъ подъ ними; бабы тоже совершенно безъ таліи; даже и дѣвушки — и дѣвушки ни одной жиденькой нѣтъ.

— Да; ужъ вѣрно это климатъ такой здѣсь здоровый. На это Алексѣй Терентьичъ ничего не отвѣчалъ и наши герои продолжали путь молча. Степь все далѣе и далѣе синѣла передъ ними; дорожка, по которой они ѣхали, была не торная, почти что пѣшеходная стезя. Кони идя пощипывали траву и все таки подвигались впередъ. Попасывали подъ открытымъ небомъ; даже и ночевали иногда такимъ же образомъ, если не добирались до хутора. Вѣстей о побѣгѣ жены совершенно никакихъ собрать было не отъ кого, и только одна великая надежда поддерживала еще мало толику героимъ нашихъ героевъ. Вечеромъ на третій день послѣ выѣзда изъ Ступоваловки Алексѣй Терентьичъ доложилъ, что вправо отъ дороги находится барскій хуторъ. Отправились въ право отъ дороги и черезъ полчаса времени очутились у воротъ довольно тѣсно выстроенной деревеньки, съ такими низкими домами, что они казались лежащими на землѣ, какъ блины на сковородѣ. Огромный хоръ собакъ заливался на

*

улицѣ. Вся деревня была обнесена вокругъ довольно крѣпкимъ заборомъ, и ворота были до того массивны, что ихъ смѣло можно бы вставить въ любую крѣпость. Барскій домъ былъ совершенно круглой формы и смахивалъ на избушку о курьихъ ножкахъ, или на голову барыни въ чепцѣ. Кругомъ его были натянуты веревки въ такомъ изобиліи, что весь домикъ казался опутаннымъ паутиною. На этихъ веревкахъ кое гдѣ сушилось бѣлье. Избы въ деревнѣ вообще были приземистыя, маленькія съ однимъ окошкомъ и чрезвычайно крѣпкими дверями. Вся деревенька называлась *Лепешкинымъ*, а владѣтельницею ея была помѣщица Ѳедулія Акакіевна Курочкина. Съ полчаса окликали у воротъ Кулебякина и даже заставили его перекреститься и сотворить да воскресную молитву (ибо Курочкина по своимъ соображеніямъ ожидала около того времени антихриста), покамѣстъ впустили за ограду. Собаки тотчасъ же съ разныхъ сторонъ начали скубать нашихъ всадниковъ и особливо яростно напали на Алексѣя Терентьича. Одна собака схватила даже Савраску за хвостъ, но получила столь сильный ударъ ногою, что съ переломленнымъ ребомъ повалилась въ сторону. Но при этомъ испуганный дьячекъ крикнулъ отъ страха такимъ ѣдкимъ дискантомъ, что и остальные псы перетрусили и, поджавши хвосты, отправились въ свои конуры. Такимъ образомъ оба всадники безпрепятственно добрались до барскаго дома и были встрѣчены самою хозяйкою на порогѣ съ хлѣбомъ и солью. Войдя въ комнату, они помолились иконамъ и сѣли въ уголъ.

Курочкина была кругленькая помѣщица, сорока лѣтъ, въ шерстяномъ капотѣ, кисейномъ чепцѣ, нѣсколько подслѣповата, нюхала табакъ и по десяти разъ въ день молилась Богу. Не смотря на это, всегда собственноручно наказывала не только бабъ, но даже и провинившихся мужиковъ, да иногда такими зуботычинами, что получившіе ихъ и Курочкину, и тѣмъ паче ея кулакъ, посылали прямо къ чорту. Она была вдова съ полудюжиной дѣтей, между

прочимъ, чрезвычайно драчливыхъ. Всѣ почти ходили или съ царапинами или съ подбитыми носами.

— Откуда и куда, господа честные, путь держите? спросила Курочкина.

— Изъ N—ской губерніи, сударыня, отвѣчалъ тотчасъ же Сливкинъ.

— Изъ N—ской губерніи, матушка; а путь держимъ, если правду сказать, такъ и сами не знаемъ куда; такъ можно сказать по вдохвенію.

— А значитъ паломничаете, добрые люди; доброе дѣло—походить по святымъ мѣстамъ во угожденіе Господу; къ тому же и времена-то такія. Вотъ я уже съ часу на часъ дожидаюся антихриста, того и гляди, что припхается окаянный. Ну да грѣхъ съ нимъ, наше мѣсто свято. А вы чай прямо изъ Іерусалима?

— Нѣтъ, матушка, мы не паломничаемъ, а такъ по своей нуждѣ ѣздимъ.

— А такъ значитъ скупаете что нибудь, али просто такъ для здоровья.

— Нѣтъ, матушка, не скупаемъ и не для здоровья; а, сказать вамъ правду, мы потерю свою розыскиваемъ.

— Ахти, отцы родные, да вѣдь у меня вы-то не разу не были; ужъ какая же то потеря ваша можетъ быть у меня?

— Мы, матушка, жену розыскиваемъ свою.

— Какъ же это вы, господа, вдвоемъ жену свою ищите; аль вдвоемъ вѣнчались съ нею какъ нибудь?

— Нѣтъ-съ у насъ, сударыня, у каждаго есть по женѣ; моя-то значитъ дома въ N—ской губерніи осталась, а вотъ ихняя то пропала просто; ихнюю-то вотъ и ищемъ, пояснилъ Сливкинъ.

— А можетъ она утопилась. Вѣдь вотъ недавно гдѣ-то пропала баба; искали, искали и не находили; а на другой годъ рыбаки поѣхали и вытянули, отецъ мой, ее неводомъ. Головы-то уже не было—раки должно быть отъѣли, а остальное все было цѣло.

— Нѣтъ, матушка, моя жена не утопилась, а бѣжала.

— Какъ бѣжала? Вѣрно прибилъ ты ее, батюшка?

— Нѣтъ, она сбѣжала съ молодымъ человѣкомъ....

— Тьфу, тьфу, тьфу, наше мѣсто свято! Вотъ отецъ мой, вотъ видишь—невѣрь бабамъ; а вотъ по бабьему и вышло. Ужъ я говорила, что долженъ быть на міру антихристъ, и вотъ оно такъ и есть; онъ-то это и былъ, который увезъ у тебя жену.

— Нѣтъ, матушка, онъ былъ не антихристъ; вѣдь антихристъ—это нѣкій духъ....

— Съ семью печатями, батюшка, а изъ устъ его полымя пышетъ.

— Да,—вотъ видите ли, нѣкій духъ, съ семью печатями и пламенемъ во рту. А это былъ просто человѣкъ, такъ сказать, плоть человѣческая съ ехиднымъ сердцемъ.

— Ну, такъ вѣрно онъ, отецъ ты мой, жидъ или цыганъ какой; ужъ вѣрно жидъ или цыганъ.

— И не жидъ, матушка, потому что во Христа вѣровалъ и не молился по жидовски; да и не цыганъ, ужъ вѣрно не цыганъ....

— Я навѣрное знаю, что онъ былъ не цыганъ-съ добавилъ Сливкинъ. Ужъ цыгана сейчасъ узнаешь. Цыгану ужь никогда не пройти мимо хорошаго коня, чтобы не вздохнуть да еще не посмотрѣть въ зубы. А этотъ бывало проходитъ и вниманія никакого не обращаетъ.

— Ну такъ ужъ я и не знаю, кто бы это былъ такой; ужъ не французъ ли, отцы мои?

— Нѣтъ, матушка, просто русскій человѣкъ, въ брычкѣ и на тройкѣ коней. Вотъ вы лучше скажите, не видали ли примѣрно на этихъ дняхъ мимо васъ проѣзжающаго экипажа съ тремя пассажирами: одинъ женскаго пола и два мужскаго?

— Нѣтъ, я такихъ не видала; оно правда третьяго дня проѣзжали мимо, такъ то не тѣ; у этихъ была одна кобыленка, и двѣ особы женскаго пола, да одна мужскаго, а и та была мертвецки пьяна.

— Плохое же дѣло, матушка; пропала, именно какъ въ воду канула—и не слѣда. Вотъ куда не ѣзжу, гдѣ ни развѣдываю—а хоть бы вѣсточку.

— А ты бы погадалъ, батюшка.

— А гадать-то грѣхъ, матушка.

— Да и то, отецъ мой, правда, что грѣхъ-то грѣхъ. Ну, а вотъ на этакую фигуру не попробовалъ ли бы ты....

— На какую это, матушка, фигуру?

— А взялъ бы, отецъ мой, пастушій рогъ; взялъ бы и пошелъ бы въ муромскіе лѣса; протрубилъ бы тамъ и прокричалъ бы три раза во все свое горло: жена моя возлюбленная я здѣсь! А можетъ и откликнулась бы?...

— Да вѣдь муромскіе лѣса-то далеко, матушка.

— И ужасные эти лѣса, добавилъ Алексѣй Терентьевичъ. Тамъ, нѣкоторымъ образомъ, живутъ на деревьяхъ этакіе соловьи разбойники, что примѣрно сказать, единымъ свистомъ оглушаютъ насъ простыхъ людей.

— Ну вотъ видите ли, матушка, какія страсти. Нѣтъ, ужъ туда она никакъ не поѣдетъ; еще въ какое другое мѣсто пожалуй; а туда вѣрно не поѣдетъ; она вѣдь у меня богобоязненная и робкая такая была.

— А можетъ быть гдѣ въ монастырѣ, отецъ мой?

— Нѣтъ и въ монастырѣ ей быть не зачѣмъ; не за тѣмъ уѣхала, чтобы отъ міра отречься.

— Ну такъ, отецъ мой, я и не знаю гдѣ же ей быть; развѣ на луну не попала ли. Вѣдь вотъ сказываютъ, что теперь выдуманы и такія машины, что по воздуху летаютъ: такъ вотъ пожалуй сѣла туда, да и покатила на луну.

— Отъ этого сохрани Богъ, матушка, крестясь говорилъ Иванъ Ивановичъ.

— Ну, а теперь, отцы родные, перекустите, что Богъ послалъ, да засните; а можетъ завтра не захотите ли бани? Баня

у меня славная, только что вотъ парильщикъ-то послѣ сегодняшняго дня будетъ пьянъ. Ужъ такая у него привычка: передъ праздникомъ, въ праздникъ и послѣ праздника — всегда пьянъ.

Гости отказались отъ бани, говоря, что завтра чуть свѣтъ выѣдутъ въ дорогу; а за ужинъ поблагодарили. Хозяйка повела ихъ въ другую комнату, называемую столовою. Дѣйствительно она была совершенно столовая. Въ ней стояло до дюжины столовъ и столиковъ о трехъ и четырехъ ногахъ различной формы. Всѣ промежутки между столами были заняты шкафами, камодцами, туалетами и этажерками. Все это было уставлено разнокалиберною посудою; тутъ были и фарфоръ, и фаянсъ, и глина, и стекло, и хрусталь, и олово, и серебро, и дерево. Всѣ туалеты были покрыты, какъ пылью, различными бездѣлицами: щеточками, гребеночками, баночками, сткляночками, коробочками, футлярчиками, ракушками, желудями и тому подобнымъ дрязгомъ. На стѣнахъ тоже было огромное разнообразіе. Отъ исполинскихъ листовъ съ изображеніемъ войнъ, страшныхъ судовъ и лѣшихъ, до мельчайшихъ картиночекъ, обитавшихъ прежде на конфектахъ, здѣсь можно было встрѣтить всевозможные форматы и всевозможныя изображенія. Но болѣе всего пестротою бросался въ глаза уставленный яствами столъ. Боже праведный! чего не было только на этомъ столѣ: и соленые огурчики, и вареныя яички, и маринованные грибы, и пареный горошекъ, и соусъ, и цыплята съ кашею, и варенуха красная, какъ солдатскій воротникъ, и какія-то румянныя пампушки, и толоконце и много еще такого, чего и назвать не съумѣешь. Графинчики съ пробками и безъ пробокъ, розовыя, зеленоватыя и прозрачныя масляницы, перечницы, горчичницы, солоночки, рюмочки, стаканчики, какъ пчелы къ улью, лѣпились отовсюду къ блюдамъ и своимъ содержимымъ распространяли до того сложный запахъ, что его не разобралъ бы ни одинъ греческій кухмистеръ. Гости однако озирали такое разнообразіе съ удовольствіемъ; но еще съ большимъ удовольствіемъ начали они

истреблять это разнообразіе, и до того занялись истребленіемъ, что даже не замѣтили, какъ вышла изъ комнаты хозяйка. Хозяйка же, между прочимъ ложилась уже въ сосѣдней горницѣ спать, и оттуда подзадоривала аппетитъ гостей, прося отвѣдать того, что стоитъ и направо отъ соуса и налѣво. Я бы и сама, говорила она, отцы мои, составила бы вамъ компанію, да пощусь сегодня; а то вѣдь и я, и я охотница до цыплятокъ!

— А почему же вы поститесь сегодня, матушка? Вѣдь сегодня воскресеніе, день скоромный кажется?

— Эхъ, батюшка, гдѣ тутъ скоромный! Нѣтъ, отецъ мой, когда хочешь знать, такъ у меня только одинъ понедѣльникъ скоромный, а всѣ остальные дни я постничаю.

— Такъ какъ же это такъ, по обѣщанію что ли вы, матушка, или такъ, для здоровья?

— По обѣщанію, отцы мои. Въ воскресеніе пощусь въ память своего выздоровленія. Была, лѣтъ пятнадцать тому назадъ, больна не на животъ, а на смерть, ну и дала обѣщаніе, коли если буду жива, чтобъ поститься по воскресеньямъ. Во вторникъ, батюшка, пощусь въ честь святителя Николая. Въ четвергъ въ воспоминаніе счастливаго избавленія отъ пчелъ: разъ напали окаянныя въ пчельникѣ и чуть незаѣли; только тѣмъ и спаслась, что нырнула въ прудъ; тогда дала обѣщаніе поститься по четвергамъ. А въ субботы пощусь, что грѣхъ совершила: соблазнилась и оскоромилась въ одну субботу великаго поста, съ тѣхъ поръ и пощу по субботамъ.

— А вы навѣрное въ рай попадете, матушка, замѣтилъ Иванъ Ивановичъ, утирая салфеткою губы.

— Дай Богъ, хотѣлось бы конечно этого, да вѣдь на все святая Его воля.

Послѣ этихъ словъ слышно было, какъ Курочкина начала за что-то шумѣть съ горничною дѣвчонкою; потомъ раздался звукъ, похожій на пощечину башмакомъ по лицу; потомъ слышно было,

какъ хныкала дѣвчонка и похрапывала сладко заснувшая помѣщица.

— Послушай, милая, спросилъ у дѣвчонки сквозь замочную скважину Иванъ Ивановичъ, зачѣмъ это у васъ вездѣ такія крѣпкія ворота?

— Отъ воровъ; барыня воровъ боится.

— Умница, душенька, ободрялъ дѣвчонку Кулебякинъ; а покажи теперь намъ, душенька, гдѣ бы прилечь на ночь.

— А вотъ направо, вамъ обоимъ тамъ постлано, отвѣчала дѣвчонка, показывая пальцемъ въ комнату направо. Тамъ дѣйствительно были нарыты двѣ горы перинъ: въ одной изъ нихъ утонулъ Иванъ Ивановичъ, а въ другой Алексѣй Терентьичъ. Оба мужи заснули очень скоро, потому что были сильно утомлены путешествіемъ и обременены ужиномъ. Позже всѣхъ въ цѣломъ Лепешкинѣ заснула хныкавшая дѣвочка.

Къ чести нашихъ героевъ слѣдуетъ замѣтить, что они не засыпались и съ первыми лучами солнца были уже въ дорогѣ. Неутомимо подвигаясь впередъ, они уже проложили около двухсотъ верстъ; но степь все оказывалась степью, говорящею голосами тварей, непонятными для человѣческаго уха. Нашимъ путешественникамъ наконецъ стало въ тягость окружавшее ихъ молчаливое пространство. Они вообще любили поговорить съ человѣкомъ въ пріятной бесѣдѣ, подъ уютною кровлею, а здѣсь одна пустая тишь да гладь. Наконецъ, послѣ трехъ, четырехъ дней безплодныхъ поисковъ, они рѣшили, что слѣдуетъ загнуть дугу, и поворотили коней полукругомъ назадъ. Новый теперешній ихъ путь лежалъ ближе къ окраинѣ степи. Кое-гдѣ мелькали даже деревца, и одинъ за другимъ перестали показываться различные степные звѣрки. Иванъ Ивановичъ съ радостью замѣтилъ это обстоятельство Алексѣю Терентьичу; Алексѣй Терентьичъ въ свою очередь подтвердилъ предположеніе о концѣ степи Ивана Ивановича собственнымъ окомъ; «ибо я вижу, говорилъ онъ, впе-

реди насъ уже не степное помѣстье, а настоящее, нашинское, барское село.» Положено было заѣхать въ это село. Село, въ которое теперь направили свой путь путешественники, казалось чрезвычайно большимъ; но въ сущности въ немъ постройки было мало, только она была чрезвычайно разбросана. Нѣкоторыя строенія были элегантныя, новыя; другія же, обокъ съ ними, вѣтхія и развалившіяся; но за то на всѣхъ ихъ были утверждены или шпицы, или флюгера. На неогороженномъ дворѣ красовались гигантскіе шаги и кругъ для набѣганія лошадей; тутъ же обокъ на фундаментѣ воздвигалась вѣтреная мельница, выкрашенная голубою краскою, которою былъ выкрашенъ и барскій домъ, чрезвычайно узенькій и чрезвычайно высокій, чуть-ли не въ три этажа. Оконъ и балконовъ въ немъ было больше, чѣмъ дырокъ въ плетяной корзинѣ; но еще болѣе, чѣмъ оконъ, было на этомъ домѣ шпилей съ флюгерами. Эти шпили, казалось, были сдѣланы изъ самыхъ различныхъ матеріаловъ и окрашены въ различные цвѣта. Флюгера же до того пестрѣли издалека, что весь барскій домъ можно было бы принять ни за что иное, какъ за балаганъ, особливо, если бы онъ еще стоялъ на Адмиралтейской, въ Питерѣ. Вся картина оживлялась только визгомъ и лаемъ гончихъ и борзыхъ щенковъ, которыхъ на дворѣ можно было насчитать до полусотни. Село это прозывалось *Сизый Воронъ* и принадлежало Ѳеофилу Павловичу Брандохлыстову.

Ѳеофилъ Павловичъ Брандохлыстовъ былъ юноша двадцати шести лѣтъ, съ такими длинными усами, что идя въ лѣсъ, каждый разъ онъ принужденъ былъ ихъ завязывать шнурками за ухо, а то навѣрняка они повисли бы гдѣ нибудь на осинѣ. Большую часть своей жизни, проведенной въ Питерѣ, Брандохлыстовъ посвящалъ своимъ усамъ. Бывало, когда товарищи гимназисты водили носомъ по книгѣ, Брандохлыстовъ водилъ своимъ по зеркалу, когда тѣ водили рукою съ перомъ по бумагѣ, Брандохлыстовъ водилъ рукою по усамъ. Поэтому немуд-

рено, что изъ всего гимназическаго курса онъ вынесъ одни только усы и приличную такимъ усамъ удаль. Съ такими усами и отправился онъ, послѣ смерти своего батюшки, въ малороссійское имѣніе, гдѣ часть своего времени началъ посвящать уже не исключительно усамъ, а также дрессированію лошадей и собакъ. Остальную же часть времени гладилъ усы, ѣлъ и спалъ.

Когда наши герои подъѣзжали къ селу, Брандохлыстовъ схватилъ подзорную трубу и, не смотря на то, что всадники были очень недалеко, разсматривалъ ихъ съ астрономическимъ вниманіемъ. Потомъ созвалъ въ комнату съ полдюжину щенковъ, разложилъ ихъ по разнымъ угламъ и велѣвъ лежать смирно, самъ закурилъ сигару, растянулся на софѣ и сталъ поджидать гостей. Между тѣмъ Иванъ Ивановичъ, неизвѣстно по какой причинѣ (а можетъ быть по инстинктивному предчувствію), когда они спѣшились, посовѣтовалъ Алексѣю Терентьичу отыскать людскую и не показываться въ барскіе покои. Должно быть по наружному виду затѣйливаго барскаго дома онъ сообразилъ, что и самъ баринъ далеко не чета какой нибудь Курочкиной или Ступовалову. Отряхнувшись отъ пыли, Иванъ Ивановичъ пошелъ въ покои.

— Ѳеофилъ Павловичъ, помѣщикъ Брандохлыстовъ! привставъ и приглаживая усы, отрекомендовалъ себя Брандохлыстовъ.

— Иванъ Ивановичъ Кулебякинъ, тоже-съ помѣщикъ, кланяясь отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ и почесалъ при этомъ ту часть тѣла, которая болѣе всего страдала отъ верховой ѣзды.

— Сдѣлайте одолженіе садитесь, Иванъ Ивановичъ; у меня знаете, безъ церемоніи. Я и самъ не люблю стѣсняться. Вотъ и теперь, какъ видите, я еще въ утреннемъ неглиже; да, знаете, при моемъ родѣ занятій и нельзя иначе одѣваться — сейчасъ выпачкаешься.

— А позвольте узнать, какія это такія занятія у васъ, — многотрудныя?

— Гумъ-да! Я, знаете, изучаю науку дрессированія собакъ.

Вотъ вся это дрянь, что вы здѣсь видите (при этомъ Брандохлыстовъ поглядѣлъ на щенковъ и показывая, махнулъ на нихъ рукою. Нѣкоторые изъ щенятъ взвизгнули при этомъ отъ страха), вотъ вся эта дрянь, какъ видите, гроша не стоитъ въ сущности. Но повѣрите-ли, что эта дрянь половину здоровья моего отняла. Не могу побороть себя; просто любовь къ наукѣ одолѣла; характеръ такой, знаете, скверный, что ежели чего не кончу, то и не спится мнѣ и не ѣстся.

Проговоривъ это Брандохлыстовъ началъ крутить усы.

— А позвольте узнать куда, примѣрно, вы намѣрены сихъ щенковъ опредѣлить, когда они кончутъ курсъ своего образованія? Или можетъ быть въ продажу пустите?

— Да половину въ продажу, а половину опредѣлю на службу, съ самодовольствомъ произнесъ Брандохлыстовъ и началъ зачесывать усы за ухо. Между тѣмъ Ивану Ивановичу не пришло въ голову спросить, на какого рода службу опредѣлитъ Ѳеофилъ Павловичъ своихъ воспитанниковъ и разговоръ на нѣсколько минутъ прервался.

— А у меня къ вамъ, добрѣйшій Ѳеофилъ Павловичъ, въ нѣкоторомъ родѣ есть просьба. Вотъ видите-ли, нѣсколько дней тому назадъ пропала у меня жена....

— Да вѣдь я ее не зналъ, прервалъ Брондохлыстовъ, думая, что не хочетъ-ли гость уличать его въ покражѣ жены. За Брандохлыстовымъ важивались эти грѣшки и онъ въ каждую пріятную минуту могъ ожидать оскорбленнаго имъ какого нибудь мужа.

— Вы конечно ее не знали; но я очень коротко ее знаю; и ея характеръ тоже знаю; она у меня была такая робкая и тихая, но не смотря на все это вдругъ пропала.

— Вѣрно гусаръ какой нибудь, этакой трехаршинный молодчина, укралъ, восхищался вслухъ своимъ предположеніямъ Брандохлыстовъ, накручивая усы на пальцы.

— Нѣтъ-съ не гусаръ, а просто студентъ университета Шалтаевъ.

— А рослый былъ онъ дѣтина, и съ усами?

— Безъ особенныхъ усовъ и не особеннаго роста.

— А такъ вѣрно скотина какая нибудь. Ну такъ значитъ вы теперь и розыскиваете свою женку. Ха, ха, ха — а вѣдь право веселое занятіе. Я бы хотѣлъ быть на вашемъ мѣстѣ.

— Нѣтъ, добрѣйшій Ѳеофилъ Павловичъ; это было бы для васъ слишкомъ обременительно; а я, признаться, просто хотѣлъ побезпокоить васъ однимъ вопросомъ.

— А я такъ съ удовольствіемъ готовъ даже и помочь вамъ, даже — знаете что? Стоитъ только мнѣ подъучить молодыхъ борзыхъ и дѣло будетъ въ шляпѣ. Вы то время у меня погостите, а я соберу знаете хорошую стаю. Потомъ вмѣстѣ съ вами и со стаею, знаете, этакъ трахъ тарахъ, по лѣсу.... ату его, ату! — и жена ваша, представьте себѣ, поймана.

Но Иванъ Ивановичъ, какъ не заманчивъ былъ успѣхъ предпріятія, не соглашался остаться у Брандохлыстова. Онъ смѣкнулъ, что этотъ человѣкъ былъ больно храбръ и что въ его сообществѣ не только что можно совершать различные великіе подвиги, но даже можно свернуть себѣ собственную шею.

— А вѣдь собаки-то будутъ какія! бѣга легка, — уловъ проворный. Этакъ, знаете, только ату, ату по лѣсамъ пойдетъ, какъ мы двинемся въ поиски. Вся окрестность замретъ отъ страха!

«Каково же будетъ женѣ-то», подумалъ про себя Иванъ Ивановичъ.

— Нѣтъ ужъ я очень вамъ благодаренъ Ѳеофилъ Павловичъ, а ждать все-таки не могу; во-первыхъ время уйдетъ, а во-вторыхъ опасаюсь, чтобы ваши псы, по свойственному ихъ псиному характеру нахальству, не разорвали бы часомъ ее.

— То есть, кого это ее?

— Да жену мою.

— Э! — да мы вѣдь сзади наскочимъ, ужъ объ этомъ-то не безпокойтесь! Я только, знаете, этакъ гайкну, да арапникомъ царапну землю — всѣ какъ громомъ пораженные станутъ; хвосты даже этакъ знаете, подожмутъ....

— А все-таки опасно, Ѳеофилъ Павловичъ.

— Нисколько, знаете, не опасно; въ этомъ могу я васъ увѣрить. Лишь бы только лошади наши не споткнулись. Ваша верховая, напримѣръ, не споткнется?

— Да, если шагомъ ѣдешь и по ровному мѣсту, никогда не споткнется.

— Ну и отлично! Значитъ вы у меня остаетесь; я дрессирую собакъ, кончаю имъ курсъ и мы ѣдемъ.

— Нѣтъ, ужъ позвольте мнѣ, Ѳеофилъ Павловичъ, извиниться передъ вами; я искренно благодаренъ вамъ за участіе, а ждать не могу. Я даже сегодня же долженъ выѣхать.

— Ну, такъ по крайней мѣрѣ вы у меня дня три пробудьте. Я, знаете, поучу васъ дрессировать собакъ, а вы меня поучите играть на скрыпкѣ.

— Да я не играю на скрыпкѣ.

— Ну такъ на флейтѣ; а я вамъ еще къ тому же покажу, какъ выѣзжать рысаковъ.

— Я и на флейтѣ не играю, Ѳеофилъ Павловичъ.

— Ну такъ все равно, на какомъ бы инструментѣ вы ни играли — на немъ меня и выучите. А мы съ вами зайцовъ, знаете, потравимъ тѣмъ временемъ.

— Да я то и ни на какомъ инструментѣ не играю.

— Такъ можетъ быть то чучело, что съ вами пріѣхало, играетъ?

— Нѣтъ и *то* ни на чемъ не играетъ, упорно отнѣкивался Иванъ Ивановичъ. При этомъ случаѣ однако онъ покривилъ душею. Алексѣй Терентьичъ преизрядно игралъ на балалайкѣ.

— Эхъ, скверное дѣло! Ну такъ скажите по крайней мѣрѣ,

нѣтъ-ли у васъ съ собою запасныхъ перчатокъ. У меня, знаете, послѣднія изорвались, а безъ перчатокъ ходить не могу. Привычка такая, можно сказать, барская сдѣлана. Говоря эти слова, Брандохлыстовъ крутилъ усъ.

— Нѣтъ, я и съ роду перчатокъ не нашивалъ, отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ.

— Да я бы съ вами, знаете, помѣнялъ; или впрочемъ подарите мнѣ лучше банку помады. Я, знаете, привыкъ, а тутъ отъ города далеконько; волоса, знаете, высохли совершенно и я начинаю бояться, чтобы они окончатсльно не вылезли вонъ.

Кулебякинъ извинился, что теперь у него помады нѣтъ, но что когда поѣдетъ другой разъ мимо Брандохлыстова, то завезетъ ему цѣлую дюжину банокъ помады и при этомъ самой доброкачественной.

— А вотъ за это большое спасибо, благодарилъ Брандохлыстовъ Кулебякина и искренно при этомъ пожалъ ему руку. Вотъ это чисто по дружески Иванъ Ивановичъ, по товарищецки. Я никогда не забуду этого благородства въ вашемъ характерѣ. И знаете-ли — всегда буду готовъ всѣмъ, чѣмъ могу, услужить вамъ. Надо-ли, напримѣръ, вамъ берейтора—смѣло присылайте въ Сизый Воронъ. Надобно-ли вамъ жеребца на подержаніе или пару борзыхъ — смѣло посылайте въ Сизый Воронъ. Вамъ никогда ни въ чемъ не откажутъ. Кому другому еще быть можетъ, а вамъ никогда — именно никогда!

Кулебякинъ искренно поблагодарилъ Брандохлыстова за такое благорасположеніе.

Въ это время мальчишка доложилъ, что подано обѣдать и хозяинъ съ гостемъ пошли въ сосѣднюю комнату.

Покамѣстъ хозяинъ занимался откупориваніемъ бутылокъ, гость бросилъ мелькомъ взглядъ на комнату. Этимъ взглядомъ Иванъ Ивановичъ успѣлъ разглядѣть только, что всѣ стѣны столовой были увѣшаны арапниками, кнутами, псиными сворами,

охотничьими картузами и собачьими ошейниками. Замѣтилъ еще, что всѣ стулья и остальная мебель была поломана и что нѣсколько стеколъ въ окнѣ заклеены бычачьимъ пузыремъ. Не смотря однако на безпорядокъ въ комнатѣ, обѣденный столъ былъ довольно приличенъ и покрытъ совершенно новою скатертью; на немъ было наставлено множество блюдъ съ явствами, но еще болѣе бутылокъ. Откуда-то проносился запахъ жаренной утки и весело щекоталъ въ ноздряхъ.

— Милости просимъ покушать, сказалъ хозяинъ. У меня, знаете, не длинный обѣдъ, но за то поварски состряпанъ. Трюфели, какъ и сами увидите, будутъ превосходные.

Но трюфели показались такими противными Ивану Ивановичу, что, взявъ ихъ въ ротъ, онъ выплюнулъ снова въ рукавъ и отправилъ подъ столъ. Остальныя кушанья были то слишкомъ жирныя, то пересолены, то переперчены (выраженіе самаго Ивана Ивановича) и почти всѣ отдавались дымкомъ. Не смотря на это, хозяинъ ѣлъ ихъ съ аппетитомъ, въ каждое почти блюдо подливалъ рейнскаго и подхваливалъ. Иванъ Ивановичъ удивлялся такому обычаю—лить вино въ кушанье на мѣсто того, чтобы сыпать въ него соли, но тоже ѣлъ, и похваливалъ. Особенно трудно, между прочимъ, было съѣсть ему картофельный соусъ. Поваръ, какъ видно, подъ осень линялъ и въ этомъ соусѣ очутилось такое множество волосъ, что каждый глотокъ дралъ горло. Однако Иванъ Ивановичъ съѣлъ цѣлую тарелку.

— Я, знаете, началъ Брандохлыстовъ, живу хотя и на дачѣ, но совершенно придерживаюсь петербургскихъ обычаевъ. Встаю знаете, часовъ въ десять, сажусь за туалетъ и пью кофе. Потомъ до обѣда все время провожу въ ученыхъ занятіяхъ. Обѣдаю, какъ сами видите, часа въ четыре. Послѣ обѣда отправляюсь гулять. Сдѣлавши моціонъ, пью чай: потомъ снова занимаюсь наукою и, наконецъ, ложусь спать.

— Какая собственно изъ наукъ болѣе васъ интересуетъ? спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— Я вѣдь спеціалистъ; меня интересуетъ только одна наука,— наука дрессированія; ну и философія отчасти, только въ меньшей степени. А въ Петербургѣ, знаете, меня болѣе всего интересовали рысаки и актрисы. Знаете, бывалс, послѣдній грошъ отдашь, а ужъ сходишь на бѣгъ, либо въ театръ. Бывало, знаете, въ желудкѣ совершенно пусто, даже подводитъ; но какъ сидишь этакъ въ театрѣ, и если вокругъ тебя все, такъ сказать, въ радостномъ движеніи и ликованіи, то и самъ начинаешь сочувствовать, и самъ рукоплещешь.

— А позвольте узнать, дорого ли это стоитъ, сходить въ театръ?

— А это смотря по средствамъ. Когда у меня бывали деньги, то я, знаете, бралъ ложу въ бельэтажѣ. Ну это удовольствіе, съ буфетомъ, рублей въ двадцать пять обходилось. А если же случалось, что въ карманѣ пусто, то, знаете, туда, туда подъ небеса, въ парадисъ заберешься. Тамъ всего четвертачекъ удовольствіе стоитъ.

— И весело сидѣть въ театрѣ?

— Да, конечно весело. Но на Невскомъ, знаете, особливо въ хорошую погоду, вечеромъ, гораздо веселѣе. Бывало, этакъ, закрутишь усы кренделемъ, шляпу набекрень, трость, цѣпочка это все на виду, бонъ-тонъ этакій элегантъ-омъ, такой себѣ.... ну и идешь. И всѣ на тебя съ удивленіемъ смотрятъ, а ты и въ усъ не дуешь. Идешь себѣ, и развѣ только на хорошенькихъ взглянешь, да и то искоса....

— А сколько теперь можетъ быть часовъ, перебилъ только что вдохновившагося Брандохлыстова Иванъ Ивановичъ?

— Пять часовъ вечера. Ну, да и въ пять часовъ вечера, знаете, въ Петербургѣ можно весело проводить время. У Бореля, на-

примѣръ, сидишь и кричишь: «Ей человѣкъ — супу изъ черепахъ, чортъ возми»!...

— А позвольте мнѣ засвидѣтельствовать вамъ мое почтеніе, снова перервалъ Иванъ Ивановичъ хозяина, берясь за свою шляпу.

— Какъ развѣ вы уже ѣдете? вскричалъ тотъ изумленный.

— Да, ѣду уже, батюшка.

— А купаться-то послѣ обѣда. Оставайтесь-ка лучше! Покупаемся! У меня, знаете, есть прекрасный колодезь; вода престуденая, пречистая; я каждый день послѣ обѣда приказываю себя окачивать холодною водою.

— Нѣтъ, благодарю васъ, я вовсе не купаюсь.

— Какая это у васъ право оригинальная шляпа, замѣтилъ Брандохлыстовъ, обративъ вниманіе на шляпу Ивана Ивановича. А вѣдь для дачи на лѣто она должно быть очень выгодна.

— Да, это выгодная шляпа, поддакнулъ Иванъ Ивановичъ, откланиваясь Брандохлыстову.

— А знаете что? Вѣдь вамъ не ловко верхомъ въ ней ѣздить. Я думаю, что ее сдуваетъ вѣтромъ. Вы бы ее оставили у меня, а я бы вамъ далъ пикейную бѣлую, продолжалъ Брандохлыстовъ, примѣряя передъ зеркаломъ шляпу Ивана Ивановича.

— Нѣтъ ужъ я привыкъ къ ней, отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ. А за тѣмъ позвольте пожелать вамъ всякаго благополучія, почтеннѣйшій Өеофилъ Павловичъ!

— Прощайте, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ! Только не забудьте же на счетъ помады-то! А я, съ своей стороны, если понадобится берейторъ, жеребецъ или собаки на подержаніе—тоже съ удовольствіемъ одолжу.

— Хорошо, хорошо, очень вамъ благодаренъ за расположеніе, говорилъ Иванъ Ивановичъ, приловчаясь къ своей Пѣганкѣ.

— А право слѣдовало бы намъ помѣняться шляпами, кричалъ вслѣдъ уѣзжающимъ всадникамъ Брандохлыстовъ.

На эти слова Иванъ Ивановичъ уже ничего не отвѣчалъ, а только обернулся лицемъ къ Сизому Ворону и снявъ свою замѣчательную шляпу, раскланялся съ Брандохлыстовымъ.

— А вѣдь хорошо сдѣлалъ ты, Алексѣй Терентьичъ (съ нѣкотораго времени Иванъ Ивановичъ началъ говорить Алексѣю Терентьевичу постоянно ты), что отправился въ людскую. Этотъ помѣщикъ, хотя и живетъ въ Сизомъ Воронѣ — самъ вовсе не ворона; а онъ, онъ ой-ой какой человѣкъ!

— Я думаю что онъ человѣкъ бранчиваго характера; даже всѣ его люди, съ позволенія сказать, ругаются между собою чортомъ; этакіе не политиканты!

— Нѣтъ, самъ-то онъ знаетъ хорошое обращеніе; но признаться сказать, за обѣдомъ было очень не прилично.

— А что, развѣ за обѣдомъ онъ *чертыхалъ?*

— Нѣтъ, не чертыхалъ, а такъ, въ нѣкоторомъ родѣ, обѣдъ-то былъ неприличенъ. Волосьевъ столько было въ соусѣ, что какъ будто въ него съ цѣлаго барана оскоблили шерсть.

— Это еще ничего, Иванъ Ивановичъ, когда одни волосья, а вотъ касательно нашего обѣда, такъ изъ рукъ вонъ. Разъ то уже противно, что всѣ наибольшіе псы были къ ряду съ нами за столъ посажены; а другое то скверно, что явства были чрезвычайно горячи и съ премножествомъ таракановъ.

— Фи, какая гадость!

— А они, доложу я вамъ, т. е. люди-то и псы ѣли, ничего не выбираючи даже-съ. Такіе ужъ въ нѣкоторомъ родѣ невѣжи, не политичные.

Разговоръ прервался и герои наши, углубленные сами въ себя, ѣхали понуривъ голову все далѣе, далѣе и далѣе.

ГЛАВА VIII.

Lasciate ogni speranza voi ch'entrate!
Div. Com. Dante.

Въ синевѣ дали обрисовалась на горизонтѣ сѣренькая полоса, очень похожая на группу строеній. Иванъ Ивановичъ не обратилъ на это особеннаго вниманія, но Алексѣй Терентьичъ становился все безпокойнѣе и безпокойнѣе. Ежеминутно приподнимался онъ на сѣдлѣ и прикладывалъ руку ко лбу въ видѣ зонтика, а иногда даже съ желчью подшпоривалъ своего Савраску и съ большимъ трудомъ обгоняя Ивана Ивановича, заѣзжалъ нѣсколько впередъ и снова приподнимался на сѣдлѣ и прищуривалъ глаза. Наконецъ ужъ и Иванъ Ивановичъ замѣтилъ ажитацію своего спутника и предположивъ, что тотъ вѣроятно болѣнъ на животъ, предложилъ ему остановиться на нѣсколько минутъ. Но Алексѣй Терентьичъ объявилъ, что желудокъ у него въ вожделенномъ здравіи и порядкѣ и что въ настоящую минуту его занимаетъ отнюдь не желудокъ, а совершенно иное важное обстоятельство.

— И важное говоришь ты, Алексѣй Терентьичъ? спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— Да, но не столь важное сколь интересное.

— Да вѣдь ты выглядываешь что-то впереди?

— Да, я выглядываю, нѣкое что-то.

— А что же именно это такое?

— А что такое?... Погодите маленько, проѣдемте впередъ немножко — тогда и скажу.

— А отчего же теперь-то нельзя?

— Да такъ; важное дѣло, боюсь ошибиться.

Проѣхавъ нѣсколько впередъ, Иванъ Ивановичъ снова началъ осаждать Алексѣя Терентьича вопросами.

— Ну, ужъ развѣ по короткому знакомству и въ нѣкоторомъ родѣ по дружбѣ могу теперь сказать я вамъ, Иванъ Ивановичъ; только вы ничего того, не удивитесь гораздъ, не перепугайтесь.

— Да ничего, ничего; я вотъ и крестъ положу на себя заранѣе. И Иванъ Ивановичъ дѣйствительно перекрестился.

— И такъ Иванъ Ивановичъ, и такъ.... говорилъ Алексѣй Терентьичъ дрожащимъ голосомъ.

— Да что же такое? съ удивленіемъ спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— И такъ, мы уже въ Петербургѣ.... Вонъ вдалекѣ сіяютъ Божьи храмы! Я долго созерцалъ ихъ съ молчаніемъ; долго созерцалъ съ умиленіемъ и ужъ теперь признаюсь вамъ. Я догадался — это впереди насъ Санктпетербургъ.

— Не ошибаешься-ли ты, Алексѣй Терентьичъ? Оно конечно, зрѣніе твое прекрасное; но все-таки Петербургъ долженъ лежать какъ кажется, ближе къ сѣверу: вѣдь это еще все Кіевская губернія.

— Ничего я этого не знаю, Иванъ Ивановичъ; но знаю только, что впереди — вонъ тамъ — сіяютъ намъ храмы Петербургскіе.

— А много ли, ихъ — сочти ка, Алексѣй Терентьичъ!

— Тринадцать каменныхъ и два деревянныхъ, черезъ нѣсколько минутъ отвѣчалъ Сливкинъ.

— Ну а посмотри, есть-ли тамъ, примѣрно, великолѣпный царскій дворецъ, Исакіевскій соборъ и рѣка Нева?

— А вотъ что-то въ самомъ дѣлѣ синѣетъ: это она-то и должно быть Нева. А дворцевъ, дворцовъ-то здѣсь такъ много, что и не перечтешь.

— Коли Питеръ, такъ и слава Богу; перекрестимся, Алексѣй Терентьичъ, и поѣдемъ.

Городъ, къ которому приближались теперь наши герои, хотя былъ не Питеръ, но все-таки былъ замѣчательный городъ. Назывался онъ Вертиградомъ. Вертиградъ былъ расположенъ по обѣимъ сторонамъ одного быстро-текущаго притока Днѣпра, на волнообразной возвышенности, весь въ садахъ и съ прекрасными окрестностями. Иванъ Ивановичъ слышавъ, что Петербургъ выстроенъ на болотахъ, не мало удивлялся искусству рукъ человѣческихъ, съумѣвшихъ превратить болота въ такіе живописные холмы. По мѣрѣ приближенія ихъ къ городу, по дорогѣ все чаще и чаще начали попадаться пѣшеходы и ѣздоки. Нѣсколько прекрасныхъ экипажей проскользнуло уже мимо нашихъ всадниковъ и вскорѣ сквозь шумъ отъ колесъ они начали осязательно разбирать благовѣстъ церковнаго колокола. Еще издалека городъ жужжалъ въ ихъ ушахъ, какъ улей пчелъ, но когда они вступили въ предмѣстье, то ихъ поразилъ такой зычный гулъ, происходившій отъ всеобщаго движенія всѣхъ живыхъ твореній Вертиграда, что Савраска даже захлопалъ ушами отъ удовольствія. За тѣмъ Иванъ Ивановичъ, подъѣхалъ къ одной лавочкѣ, наклонился къ навѣсу и, желая убѣдиться дѣйствительно-ли это Петербургъ, спросилъ у прикащика съ нѣкоторою таинственностью и полушепотомъ, «какъ-де прозывается этотъ прекрасный городъ»?

— Вертиградъ, отвѣчалъ ему прикащикъ, поклонившись и болтнувъ руками.

— Какъ Вертиградъ? Вѣдь это можетъ быть только одно предмѣстье такъ называется, а самый-то городъ не Петербургъ-ли? въ недоумѣніи и удивленный, повторилъ вопросъ Иванъ Ивановичъ.

— Петербургъ-съ, отвѣчалъ съ усмѣшкою приказчикъ.

— А скажите, мой милый, гдѣ бы здѣсь, въ Петербургѣ, гостинницу отыскать, поближе и по дешевле?

— А вотъ-съ, на Невскомъ проспектѣ, на углу-съ;—надпись есть «трактирное заведеніе а'ля Парижъ», вонъ тамъ-съ—и прикащикъ показалъ на одну улицу.

— Благодарю, мой милый, отвѣчалъ на это Иванъ Ивановичъ и отправился на мнимый Невскій проспектъ. Онъ слышалъ, какъ вдругъ послѣ него въ лавочныхъ рядахъ распространился громоподобный хохотъ, но, ни чуть не смущаясь этимъ, продолжалъ свой путь далѣе. Въ это время Алексѣй Терентьевичъ успѣлъ уже у рыночныхъ бабъ развѣдать истинное названіе города и въ галопъ догонялъ своего рыцаря съ цѣлью разрѣшить ихъ общую ошибку.

— Иванъ Ивановичъ, многопочтеннѣйшій! А вѣдь этотъ-то городъ не Петербургъ! кричалъ онъ, галопируя сзади.

— Какъ не Петербургъ: а ктожъ онъ такой?

— А Вертиградъ городъ.

— Эхъ, нѣтъ братъ, Питеръ; я самъ спрашивалъ у купца; ужь купецъ навѣрное знаетъ, какъ называется свой городъ.

— Да купецъ совралъ вамъ, Иванъ Ивановичъ.

— А кто его знаетъ, въ раздумьи замѣтилъ Иванъ Ивановичъ; а если себѣ и не Питеръ, то все-таки славный городъ — не мудрено ошибиться. Однако поѣдемъ отыскивать гостинницу; ужъ и темно становится, пора на ночлегъ.

И Алексѣй Терентьичъ въ одну минуту своими глазами выглядѣлъ гостинницу а-ля Парижъ.

А-ля-парижъ и на видъ казался несравненно пригляднѣе Спигородскаго Парижа, такъ что *а-ля* онъ къ себѣ присоединилъ совершенно справедливо. Не смотря на темноту, Иванъ Ивановичъ успѣлъ замѣтить, что буквы вывѣски были вымазаны самымъ яркимъ сусальнымъ золотомъ; въ окнахъ виднѣлись шторы, а у дверей

существовала даже вызолоченная ручка для колокольчика. Не успѣлъ Иванъ Ивановичъ позвонить, какъ уже выскочилъ изъ своей конуры половой и отнюдь не такой зловонный и бранчивый, какъ въ Спигородѣ, а напротивъ, усердно распомаженный и хотя въ сильно дырявыхъ сапогахъ, но за то въ бѣлыхъ перчаткахъ, въ такого же цвѣта жилетѣ и зеленомъ фракѣ. На полу, въ сѣняхъ, было разослано множество войлоковъ и разставлено скребалокъ для очищенія ногъ; ибо полы въ а-ля-Парижѣ держались всегда въ примѣрной чистотѣ. Номеръ, въ который ввели Ивана Ивановича, былъ хоть, правда, очень холоденъ, но чрезвычайно изящно меблированъ, такъ что въ глаза бросалась даже кое гдѣ позолота, сильно впрочемъ запачканная мухами. Воздухъ былъ легкій, неудушливый и только слегка, слегка отзывался виннымъ спиртомъ, да жженымъ вересомъ. Всѣ матрасы были покрыты тонкими холщовыми чехлами, на стѣнахъ висѣли различныя картины съ чрезвычайно поджарыми и все скачущими во весь опоръ рыцарями. На окнахъ стояли горшки съ цвѣтами, а на столѣ была положена даже газета, не болѣе какъ десятилѣтней древности. Не успѣлъ Иванъ Ивановичъ заказать себѣ чаю, какъ на столѣ уже появился самоваръ, да еще и не одинъ самоваръ, а и ромъ, и сливки, и лимонъ, и варенье, и булки, и сухари, чего вовсе еще и не требовалъ Иванъ Ивановичъ. Но на такую предупредительную услужливость онъ смотрѣлъ однако дружелюбно, тѣмъ болѣе, что половой, отъ излишняго усердія, таская всѣ эти снадобья въ номеръ Ивана Ивановича, отхватывалъ все галопомъ, чуть ли еще не скорѣе тѣхъ героевъ, которые галопировали на картинкахъ. «Экій прыткій народъ въ Вертиградѣ,» подумалъ Иванъ Ивановичъ и принялся за чай. Въ это время пришолъ Алексѣй Терентьичъ, чрезвычайно довольный, и доложилъ, что стойла въ *а-ля-Парижѣ* удобны до чрезвычайности, чисты, опрятны, теплы, съ особенно ароматнымъ запахомъ, такъ что ежели бы негдѣ ему было помѣститься въ номерѣ, то онъ охотно бы переночевалъ даже

въ стойлѣ, рядомъ съ Савраскою. Кромѣ этого Алексѣй Терентьичъ доложилъ еще, что весь дворъ гостинницы выстланъ камнемъ, что ни куръ, ни поросятъ нигдѣ не замѣтилъ, что на дверяхъ всякаго стойла изъ сусальнаго золота прибиты нумера и что нумеръ его стойла именно двадцать шестой. Иванъ Ивановичъ, слушалъ внимательно, и самъ дѣлалъ свои замѣчанія относительно достоинствъ а-ля-Парижа и прыткости половаго. Напившись чаю, герои наши такъ плотно перекусили совершенно кстати принесенными половымъ яствами, что тотчасъ же почувствовали наклонность ко сну. Имъ послали пушистыя перины, въ которыхъ было такъ уютно и пріятно, что какъ Иванъ Ивановичъ, такъ и Алексѣй Терентьичъ, не повернувшись даже на другой бокъ, проспали въ нихъ сряду двѣнадцать часовъ, то есть до девяти слѣдующаго утра. Поспалось, значитъ, имъ въ Вертиградѣ на славу.

На другой день Иванъ Ивановичъ приготовилъ три бумажки: красненькую, синенькую и зелененькую, и отправился посѣщать власти. Теперь только, при дневномъ свѣтѣ, явился предъ нимъ городъ Вертиградъ во всей своей красотѣ. Улицы Вертиградскія были прямы, какъ струны, съ красивымъ видомъ перспективы вдали и пересѣкались подъ прямыми углами переулками, такъ что каждый кварталъ, если бы глядѣть на Вертиградъ съ высоты птичьяго полета, представился въ формѣ правильнаго квадрата. Улицы были вымощены камнемъ, тротуары плитою. Тротуары держались въ такой чистотѣ, что хоть цѣлуй себѣ любое въ нихъ мѣсто, совершенно несморщившись. Да это и не мудрено. Въ Вертиградѣ существовало столько водосточныхъ трубъ, что они подъ землею переплетались между собою совершенно на подобіе сѣтки. Но еще болѣе, чѣмъ водосточныхъ, трубъ существовало въ Вертиградѣ метелъ; у каждаго столба воротъ, въ каждомъ почти домѣ можно было видѣть по метлѣ; въ углахъ между строеніями ихъ стояли цѣлые пуки. Каждаго дворника иначе и нельзя было

встрѣтить, какъ съ метлою; тогда только развѣ онъ былъ безъ этого орудія, когда путешествовалъ домой на четверенькахъ. Но подобные пассажи на вертиградскихъ улицахъ вообще случались очень рѣдко, потому что существовала цѣлая рота полицейскихъ, которымъ настрого было приказано подбирать собственноручно нетолько пьяныхъ дворниковъ, но даже и всякія соринки, попадающіяся на улицѣ и даже, въ случаѣ нужды, собственноустно сдувать съ нѣкоторыхъ пунктовъ, какъ напримѣръ съ ручекъ у дверей, пыль. Кромѣ этого, по четвергамъ, на рынкѣ всегда можно было встрѣтить такое множество возовъ съ метлами, что если бы ихъ сжечь всѣхъ, то, пожалуй, натопилъ бы полнеба. Одинъ развѣ только Вертиградъ въ цѣломъ мірѣ могъ поглощать подобное количество метелъ. По сторонамъ тротуаровъ были прорыты канавки, наполненныя студеною водою; въ этихъ канавкахъ ни гуси, ни утки, ни лягушки не купались; а пробовали однажды вертиградскіе аристократы разводить въ нихъ лебедей. Лебеди дѣйствительно цѣлое лѣто кое-какъ прозябали, но къ осени околѣли и были искренно оплакиваемы всѣмъ городскимъ народонаселеніемъ. Какой-то городской витій даже сочинилъ на ихъ смерть оду, и эта ода у нѣкоторыхъ изъ мѣстныхъ читателей вызвала непритворныя слезы. Улицы вертиградскія всегда густо бывали наполнены народомъ: ѣдущимъ и идущимъ; но и ѣдущіе и идущіе были здѣсь какъ-то особенно щеголеваты. Такъ, напримѣръ, не только экипажи, но даже и копыта у всѣхъ лошадей были покрыты чернымъ лакомъ. У всѣхъ господъ были безукоризненно бѣлыя лайковыя перчатки; у всѣхъ кучеровъ также безукоризненно бѣлыя, хотя иногда и портяныя перчатки. У всѣхъ господъ усы были закручены кренделемъ и такъ сильно напомажены, что надъ цѣлымъ Вертиградомъ, отъ совокупности раздушенныхъ усовъ постоянно въ атмосферѣ носилась ароматичная струя. Сапоги этихъ господъ такъ блестѣли, что вѣроятно въ Спигородѣ изъ каждаго сапога сдѣлали бы себѣ зеркало и безъ церемоніи

повѣсили въ гостинную. Кучеръ и лошади были тоже, въ своемъ родѣ прохвачены элегантностью. У всѣхъ кучеровъ бороды были сильно вымазаны фикстуаромъ и чернѣли, какъ уголь; къ нѣкоторымъ изъ нихъ это чрезвычайно шло, а къ тѣмъ, у которыхъ были фіолетовые носы — нисколько. У всѣхъ лошадей гривы были въ локонахъ или въ косичкахъ. Пристяжныя завивались такимъ крутымъ кольцомъ, что въ порывахъ конской ревности иногда даже совершенно переворачивались головою къ экипажу, а задомъ къ дугѣ, запутывались и падали. Но за то въ оглобляхъ у всѣхъ ѣдущихъ были такіе рысаки, что они даже не прикасались къ землѣ; даже кажется и не хотѣли смотрѣть на бренную землю, а гордо, вперя глаза въ небеса, съ гривою на отлетъ, неслись, очертя голову, впередъ и впередъ, и хотя спотыкались, но всетаки неслись. Вообще даже и на лицахъ всего движущагося въ Вертиградѣ люда было написано какое-то тревожное выраженіе и какое-то необузданное стремленіе летѣть или шагать впередъ все быстрѣе и быстрѣе. Такъ, напримѣръ, часто случалось, что кумушка, захотѣвъ снести своей кумушкѣ въ рукахъ сливочникъ сливочекъ, идетъ сначала тихо и бережно. Но мало по малу, увлекаясь всеобщею быстротою движеній и вполнѣ сочувствуя ей, начинаетъ прибавлять шагу и уже вскорѣ притрюхиваетъ; а тамъ, черезъ нѣсколько минутъ, глядишь—кумушка забираетъ галопомъ, точь въ точь почти такъ, какъ половой въ а-ля-Парижѣ. Понятно, что молоко прольется, причинивъ досаду обоимъ кумушкамъ, но еще большую блюстителямъ городскаго благочинія, которые, боясь выговора своего начальника, тотчасъ своими полами затираютъ пятна отъ расплескавшагося по тротуару молока. Всѣ встрѣчавшіеся Ивану Ивановичу по дорогѣ франты, хотя не галопировали окончательно, но всетаки, задравши носъ кверху, задавали такимъ маршъ-маршемъ, что бѣжавшіе за ними въ вышивныхъ бисеромъ ошейникахъ бульдоги растягивались во весь опоръ. Но Ивана Ивановича не столько поразила такая всеобщая быстрота,

сколько элегантность нарядовъ. Ужъ помимо всѣхъ этихъ франтовъ, у которыхъ у каждаго почти была пуховая шляпа набекрень, раздушонные усы, бѣлая жилетка, такія же перчатки, и цвѣтокъ розы въ петличкѣ сюртука, трость и откормленный мопсъ сзади на шелковой или бархатной лентѣ — ужъ помимо этихъ франтовъ, даже простѣйшія, съ позволенія сказать, городскія сплетницы, и тѣ даже были въ шляпкахъ съ огромными букетами цвѣтовъ, съ зонтиками, съ ридикюлями, въ перчаткахъ, и въ башмакахъ съ бантиками. Вообще же на нарядахъ и лицахъ замѣчалась разительная пестрота и радужная игра цвѣтовъ и глянцевитость. То, напримѣръ, попадались бѣлые, какъ вотъ эта бумага, лица, съ чорными, какъ смоль, усами, то съ розовыми, какъ губы, пятнами на щекахъ. Подкрашиваніе замѣчалось не только на лицахъ, что теперь уже всюду въ модѣ, но даже и въ нарядахъ: такъ, напримѣръ, у многихъ франтовъ по бѣлымъ перчаткамъ берлинскою лазурью были намалеваны амуры, стрѣлы и розы, а у нѣкоторыхъ кумушекъ были нарисованы на мантиліяхъ даже цѣлыя историческія сцены.

Всѣ пешеходы, идя по улицѣ, какъ-то особенно искусно прищолкивали каблуками, посвистывали или говорили между собою на звонкомъ французскомъ жаргонѣ. Кумушки тоже, если гдѣ можно было, тотчасъ же вклеивали hélas, merci, ma chère и такъ далѣе. Отъ такой всеобщей говорливости, отъ стука сапоговъ, треска колесъ отъ экипажей, отъ шарманокъ и вѣтряныхъ мельницъ которыхъ около города торчало чуть не съ полсотни—въ Вертиградѣ былъ постоянно такой ломящій голову шумъ, такой музыкальный хаосъ, что непривыкшему человѣку непремѣнно, въѣзжая въ него, слѣдуетъ всегда законопатить уши хлопчатою бумагою, а не предпринявъ этой предосторожности, можно иначе рисковать лишиться даже слуха.

Образъ жизни вертиградскихъ обитателей былъ очень веселъ. Они почти что совершенно не спали по ночамъ и такъ привык-

ли къ постоянному бодрствованію, что проспать для нихъ пять часовъ сряду было въ тягость. Аристократія по ночамъ играла въ карты дома; бюрократія для этой же цѣли собиралась въ клубѣ, а демократія всецѣло переселялась и проводила ночи въ кабакахъ Изъ этого видно, что Вертиградъ жилъ прогрессивно. Каждое воскресенье были семейные вечера или загородныя гулянья для простолюдиновъ—и здѣсь-то начиналось свирѣпствованіе вальса или трепака во всю ширину вертиградской души. Во всякій изъ этихъ вечеровъ столько бывало поотпадетъ каблуковъ отъ кавалерскихъ сапогъ, что выносятъ ихъ потомъ корзинами; а выносить ихъ городничимъ было приказано непремѣнно за городъ. Иначе въ городѣ отъ нихъ гдѣ нибудь, по близости клуба, вѣроятно, образовалась бы цѣлая гора. Спали же вертиградскіе жители только немножко на зарѣ, но все-таки пробуждались вмѣстѣ съ пробужденіемъ пѣтуховъ—единственныхъ птицъ, которыхъ держали вертиградскіе домохозяева. На голубей же и галокъ, равно какъ и на нюхательный табакъ, они смотрѣли съ презрѣніемъ. Любили вообще всѣ поѣсть сладко, но умѣренно, и болѣе всего уплетали хворосту (сухаго пирожнаго) и трюфелей. Нѣкоторые же изъ аристократовъ исключительно питались устрицами и Поль-де-Кокомъ.

Дома вертиградскихъ обитателей показались Ивану Ивановичу чрезвычайно красивыми. Они дѣйствительно были красивы если разбирать ихъ со стороны окраски. Большинство изъ нихъ было выкрашено голубою, синею, палевою, свѣтлорозовою, травянозеленою красками, или вообще тому подобными нѣжными цвѣтами. Окна во всѣхъ были огромныя, расположенныя даже въ нѣсколько этажей и занимающія почти всю стѣну. Извнутри они были убраны различными зубчатыми гардинами бантиками, косточками и тому подобными красивыми бездѣлицами. Комнаты всѣ отзывались роскошью. На полу было всюду что нибудь постлано: у богатыхъ ковры, а у бѣдныхъ хотя рогожки, но все таки постланы. Мебель вся была граціозная, на тончайшихъ ножкахъ и

даже число ножекъ было умѣренное, такъ что гдѣ можно было только уменьшить хоть одною, тамъ это тотчасъ же дѣлалось. Поэтому почти вся мебель въ Вертиградѣ была о трехъ ножкахъ. Печки въ комнатахъ ставились чугунныя и такія обыкновенно маленькія, что даже, прищуривши глаза, трудно было ихъ замѣтить. На картинахъ, украшавшихъ стѣны, видны были: ночи, луны, изображенія баловъ, рысаковъ, различныхъ насѣкомыхъ, амуровъ, катанье на конькахъ и такъ далѣе; но чаще всего попадались изображенія паяцовъ въ всевозможныхъ позахъ. Снаружи всѣ дома имѣли видъ вѣтрянныхъ мельницъ: они всѣ были узки, высоки, на поджарыхъ фундаментахъ, съ конусообразными крышами, со шпилями и флюгерами и множествомъ остроконечій, обращенныхъ къ небу, такъ, что глядя на эти дома, непремѣнно подумаешь: а вѣрно имъ хочется подпрыгнуть вверхъ или, покрайней мѣрѣ, пройти одинъ туръ-вальса. На дверяхъ каждаго были надписи фамилій владѣльцевъ на мѣдныхъ и деревянныхъ дощечкахъ или просто на бумажкахъ. Фамиліи обитателей были также иногда очень причудливыя. Такъ Иванъ Ивановичъ, идя по тротуару, успѣлъ прочесть слѣдующее: просто напросто И. Вертиградъ, Крутиголовъ, Вертиголовъ, Поплясайко, Залихватскій, Разкудряшинъ, Рысаковъ, Скакуновъ, Голопировъ, Пилюля, Одеколонова, Шпоночка, Манжетова, и такъ далѣе и такъ далѣе. Наконецъ, Иванъ Ивановичъ на одномъ изъ домовъ прочиталъ надпись: В. Побѣгаловъ. Тутъ тотчасъ припомнилъ, что онъ идетъ къ городничему, котораго зовутъ Викентіемъ Викентіевичемъ Побѣгаловымъ; а замѣтивъ, что и здѣсь на надписи стоитъ *вѣди* впереди Побѣгалова, рѣшилъ, что это и должна быть городническая квартира. Не думая долго, рѣшился завернуть къ дверямъ и позвонить. По физіономіи отворившаго солдата, Иванъ Ивановичъ тотчасъ узналъ въ немъ полицейскаго и очень обрадовался, потому что сразу попалъ, куда слѣдовало.

Городничаго Иванъ Ивановичъ засталъ за бритьемъ бороды.

Этотъ градоначальникъ былъ сухощавый, отставной герой, съ такою длинною шеею, что отъ нея не отказался бы ни одинъ аистъ. Сидѣлъ городничій въ элегантныхъ креслахъ; на плечахъ у него было накинуто тончайшее полотенце; передъ нимъ на столѣ стояло зеркало и множество къ бритью бороды относящихся бездѣлицъ: однѣхъ мыльницъ можно было насчитать до полдюжины. Иванъ Ивановичъ вошелъ именно въ ту пору, когда городничій, подпирая языкомъ, подбривалъ себѣ щеку.

— Эй вы, милостивый государь, утирайте почище ноги! Я врагъ пыли и нечистоты. Прошу покорнѣйше утирать почище! кричалъ Ивану Ивановичу изъ другой комнаты городничій, увидѣвши его по отраженію въ зеркалѣ.

Иванъ Ивановичъ, кряхтя, согнулся и пристально началъ вытирать ноги.

— Эй, Рылобой! крикнулъ снова городничій одному изъ полицейскихъ, посмотри, чистою ли осталась послѣ этого (тутъ онъ указалъ на Ивана Ивановича) замочная ручка у дверей; съ тряпкою погляди!

Рылобой тотчасъ же пошолъ отыскивать тряпку.

— А вы, милостивый государь, погодите немножко; вотъ я сейчасъ, только тирольскимъ мыломъ и англійскою бритвой щеку пройду немножечко, и потомъ сейчасъ явлюсь къ вамъ.

Иванъ Ивановичъ присѣлъ въ передней и началъ ожидать. Минутъ черезъ десять явился городничій въ совершенно приличномъ видѣ: съ чистѣйшимъ подбородкомъ и въ новѣйшемъ мундирѣ.

— Ну вотъ-съ, теперь я готовъ, къ вашимъ услугамъ-съ, проговорилъ городничій, ставъ въ горделивую позу и потряхивая ногой. При этомъ чубъ его потряхивался гораздо сильнѣе еще ноги. Иванъ Ивановичъ то же всталъ и началъ:

— Въ нѣкоторомъ, родѣ, съ одной стороны, примѣрно этакъ,

относительно того, какъ напримѣръ у меня случилась въ нѣкоторомъ родѣ потеря....

— А такъ извольте подать объявленіе; только пожалуйста на доброкачественной бумагѣ. Иная бумага руки, знаете, пачкаетъ.

— Да въ нѣкоторомъ родѣ щекотливо-съ для меня это объявленіе: то есть я насчетъ побѣга жены хлопочу.

— А какъ она убѣжала, сама по себѣ или съ какимъ нибудь кавалеромъ?

— Съ кавалеромъ, ваше высокопревосходительство.

— Я, милостивый государь, еще только высокоблагородіе. Вы злоупотребляете титуломъ и за насмѣшку вмѣстѣ съ тѣмъ подвергаетесь штрафу.

— Виноватъ, ваше высокоблагородіе; ей-ей не зналъ твердо титуляціи; никогда не зналъ ее отъ роду; а теперь вотъ вамъ честное слово — впередъ никогда не ошибусь.

— Я вѣрю вамъ; а на счетъ вашей супруги вы подайте жалобу туда, откуда родомъ похититель; а до насъ это совсѣмъ не гасается.

— Я собственно вѣдь не на счетъ того....

— Эй, Зубочистка! крикнулъ въ это время городничій другому полицейскому. У насъ на улицѣ свинья Севастьяна Гаврилова; арестовать ее! Да скажи, чтобы ребра на рулядку — слышишъ!

— Я собственно на счетъ того, чтобы совѣтъ отъ васъ получить и вспоможеніе, продолжалъ Иванъ Ивановичъ, уже держа совершенно на виду красненькую.

— Это все съ удовольствіемъ готовъ я вамъ оказать, вѣжливо отвѣтилъ городничій; ловко взялъ красненькую, повернулся на одномъ каблукѣ и вышелъ въ другую комнату.

— Такъ ужъ позвольте мнѣ надѣяться, началъ было снова Иванъ Ивановичъ.

— Вполнѣ, милостивый государь, можете надѣяться. Дня черезъ три я приму мѣры, а вы можете даже и не безпокоиться;

можете даже, знаете, и не приходить ко мнѣ, особливо въ дурную погоду; а дня черезъ три все, что отъ меня будетъ зависѣть, я предприму съ удовольствіемъ.

— Позвольте однако мнѣ....

— Эй, Рылабой! закричалъ, явно не слушая Ивана Ивановича, городничій. Поди арестуй скорѣй вонъ того мужичину. Дегтярные сапоги подлецъ носитъ—ишь, даже запахомъ въ комнату прохватило!

Иванъ Ивановичъ счелъ лучшимъ тотчасъ же отправиться къ исправнику.

— Эй Зубочистка! Вытри слѣды этого медвѣдя! кричалъ городничій Зубочисткѣ послѣ ухода Ивана Ивановича.

Покамѣстъ Зубочистка чистилъ слѣды, Иванъ Ивановичъ уже отыскалъ квартиру исправника и велѣлъ доложить о себѣ.

— А что онъ, барышникъ? спрашивалъ исправникъ у лакея, докладывавшаго о приходѣ Кулебякина.

— Кто его знаетъ?—толстъ какъ слонъ, а можетъ и барышникъ при этомъ, проговорилъ лакей:

— Такъ позвать его! крикнулъ исправникъ и снова началъ заниматься передъ зеркаломъ своими усами.

— Я на счетъ того, чтобы въ нѣкоторомъ родѣ.... началъ было Иванъ Ивановичъ.

— Сивую или каурую, милостивый государь:—сивую или каурую, кобылицу пяти лѣтъ подберите мнѣ; у меня всегда кобылицы на пристяжи ходятъ, говорилъ исправникъ, намазывая фикстуаромъ усы.

— Нѣтъ, у меня т. е. относительно пропажи....

— А какая у васъ пропала, рыжая или гнѣдая? Если гнѣдая кобылица, съ бѣлою лѣвою ногою, то мигомъ розыщу! И при этомъ исправникъ самодовольно прищелкнулъ губами.

— Нѣтъ, ваше благородіе, у меня не кобылица, а жена въ нѣкоторомъ родѣ пропала.

— Вы, милостивый государь, съ своимъ «благородіемъ» забываетесь! Вы неприлично выражаетесь, милостивый государь! Развѣ вы не понимаете, кто я? Развѣ вы не понимаете, чѣмъ пахнетъ оскорбленіе такой особы, какъ я? Вы развѣ не понимаете, что здѣсь, чортъ возьми, и такимъ жеребцомъ, какъ у почтмейстера, не отдѣлаешься! Вы это понимаете, сударь!?

— Виноватъ, ваше превосходительство. Отъ роду титуляціи не знавалъ, а теперь выучу; ей-ей выучу и готовъ даже дать вамъ честное слово, что выучу. Говоря эти слова, Иванъ Ивановичъ счелъ за самое лучшее сразу вытянуть синенькую.

Замѣтивъ это, исправникъ сейчасъ возъимѣлъ желаніе закурить сигару и, ища бумажки для закурки, какъ будто нечаянно, для этой цѣли взялъ бумажку у Ивана Ивановича. Но ловко отправивъ ее въ карманъ, перемѣнилъ тонъ разговора и обѣщалъ Кулебякину сегодня же розыскать его жену.

— Мнѣ бы только, знаете, пристяжную каурой масти. Только бы одну пристяжную — и тогда я фю и.... и.... и.... словно вѣтеръ понесся бы! Ужъ тогда бы я полсвѣта въ часъ изъѣздилъ бы, ей-ей изъѣздилъ бы! А если еще при этомъ перековать рысака — у! Тогда.... тогда, знаете, ни одна птица по быстротѣ со мною не справится!

— А мнѣ вы ужъ позвольте отправиться, сказалъ Иванъ Ивановичъ.

— Эхъ, за чѣмъ вы такъ спѣшите, милостивый государь! Вы постойте маленько; вотъ я сейчасъ тутъ лѣвой усъ только немножко подфибрую. Знаете, у меня вотъ этотъ лѣвой усъ, не дать не взять лѣвая пристяжная у засѣдателя; оба большія канальи. Сколько ни раскрашивай обоихъ, а все послѣ дождя сивыми дѣлаются; ужъ такіе ехидныя канальи! И исправникъ яростно началъ лѣпить на свой лѣвый усъ куски фикстуара.

— А мнѣ вы ужъ позвольте засвидѣтельствовать вамъ мое

почтеніе, снова произнесъ Иванъ Ивановичъ, попячиваясь къ дверямъ.

— Э! да вы кажется хотите улизнуть? Ей, Пентефрій, притвори тамъ дверь поплотнѣй. А вы, почтеннѣйшій, погодите немножечко. Не будете пѣнять; я, знаете, сейчасъ покончу съ усомъ; потомъ только немножечко почешусь и велю заложить свою тройку. Эхъ, знатно прокачу я васъ, чортъ возьми! И знаете прямо туда—къ виноградной кисти, чортъ возьми! А залихватски прокачу я васъ! Вѣдь у меня пристяжныя-то поперегъ дороги....

Но Иванъ Ивановичъ, прежде, чѣмъ Пентефрій успѣлъ подняться съ своей скамьи, былъ уже за дверями и исправникъ, договаривая послѣднія слова свои, увидѣлъ его уже въ окно на улицѣ. Тотчасъ же онъ отворилъ форточку и началъ кричать Кулебякину во все горло:

— Да останьтесь же, милостивый государь! Останьтесь, или хоть остановитесь на минуточку и выслушайте! Вѣдь пристяжныя-то, знаете, поперегъ дороги, а у кореннаго дьявола грива на отлетъ, пасть какъ у льва, а въ ногахъ черти. Настоящіе черти, милостивый государь! — Колѣна выкидываетъ выше груди!

Но Иванъ Ивановичъ перетрусилъ; предположивъ, что исправникъ его публично ругаетъ, и боясь чтобы еще не было за нимъ вдобавокъ погони, онъ проворно юркнулъ въ сосѣдній закоулокъ и какъ разъ наткнулся на почтовую контору.

Почтмейстеръ былъ тогда въ канцеляріи, печаталъ письма и пилъ кофе. Передъ нимъ лежала куча перчатокъ, до того пропитанныхъ одеколономъ, что лошади вѣроятно зачихались бы, если бы эти перчатки, вмѣстѣ съ письмами, почтмейстеръ пересылалъ по почтѣ. Но эти перчатки совершенно никуда не посылались, а лежали передъ почтмейстеромъ для ежеминутнаго употребленія. Этотъ почтмейстеръ ни одного письма, а особливо если оно было изъ сѣрой бумаги, не бралъ никогда голыми руками. У этого почтмейстера и печать и сюргучъ были въ чехлахъ и самъ онъ,

какъ въ чехлѣ, сидѣлъ въ безукоризненномъ, чистой лазури, халатѣ, и съ безукоризненно послушнымъ, поднятымъ вверхъ, чубомъ. Усовъ у него къ сожалѣнію не было, но за то было такъ много колецъ, что, снявъ ихъ всѣ съ своихъ пальцевъ, почтмейстеръ смѣло могъ бы открыть магазинъ золотыхъ вещей.

Иванъ Ивановичъ, при входѣ въ канцелярію, тотчасъ же началъ свою предварительную легенду, на которую почтмейстеръ важно улыбнулся, поправилъ чубъ, сказалъ нѣсколько разъ носомъ гму, гму, гму, потомъ сказалъ ртомъ «мнѣ не досугъ» и, отвернувшись въ сторону, принялся за свой кофе. Пилъ его и, блуждая по потолку глазами, барабанилъ пальцами по столу. Между тѣмъ Иванъ Ивановичъ, пользуясь этимъ временемъ, вытащилъ зелененькую и въ то самое время, когда взоръ почтмейстеръ чрезъ замочную скважину проникалъ даже въ другую комнату, гдѣ красивая дѣвка въ негликѣ мыла полы, вдругъ подсунулъ зелененькую подъ барабанящіе пальцы почтмейстера. Почтмейстеръ скосилъ лѣвой глазъ и въ одно мгновеніе ока рука и пальцы съ бумажкою очутились подъ столомъ, а покамѣстъ бумажка отправлялась, куда слѣдуетъ, почтмейстеръ повернулъ свой корпусъ къ Ивану Ивановичу.

— А что вамъ угодно-съ? спросилъ онъ его чиновничьимъ тономъ.

Иванъ Ивановичъ повторилъ ему то же, самое что и спигородскому почтмейстеру. Въ отвѣтъ на это почтмейстеръ снова повернулся корпусомъ въ другую сторону, и проговоривъ носомъ нѣсколько разъ гму, сказалъ наконецъ ртомъ: «можно-съ»!

— Я вотъ видите ли, продолжалъ Иванъ Ивановичъ, болѣе всего надѣюсь на подобнаго рода мѣры. Здѣсь по крайней мѣрѣ обширное сообщеніе и все такое.

— Такъ-съ, сказалъ смотря въ потолокъ почтмейстеръ.

— Такъ ужъ вы будете такъ добры, позаботьтесь!

— Да-съ, сказалъ почтмейстеръ и прибавилъ носомъ—гму.

— А что такое? спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— А я-съ ничего-съ, только такъ-съ носомъ-съ, сказалъ немножно гму; и почтмейстеръ, для примѣра снова сказалъ носомъ гму.

— Такъ обѣщаете, значитъ, исполнить батюшка?

— Непремѣнно-съ, отвѣчалъ почтмейстеръ и повернулся задомъ къ Ивану Ивановичу.

— И такъ прощайте, батюшка, проговорилъ Иванъ Ивановичъ.

Почтмейстеръ сказалъ носомъ гму, съ особенною ловкостью поклонясь затылкомъ Ивану Ивановичу. Когда этотъ вышелъ, то почтмейстеръ снова повернулся лицомъ къ столу и, во ожиданіи служебныхъ занятій, надѣлъ перчатки; потомъ онъ снова сѣлъ къ столу нѣсколько бокомъ и началъ барабанить пальцами, и снова, вѣдя глазами по потолку, устремилъ ихъ въ знакомую уже намъ скважину. Такимъ образомъ покамѣстъ почтмейстеръ упражнялся въ поворачиваніи себя съ мѣста на мѣсто, Иванъ Ивановичъ очутился уже въ а-ля Парижѣ и тотчасъ же настоятельно потребовалъ себѣ обѣдать. Онъ чрезвычайно сильно проголодался, прогуливаясь по Вертиграду. Половой снова заголопировалъ по корридору и черезъ нѣсколько минутъ передъ Иванымъ Ивановичемъ явился столъ, полный различныхъ явствъ и почти столько же разнообразный, какъ и ужинный столъ у Курочкиной; вся разница была только въ томъ, что посуда казалась элегантнѣе и самихъ явствъ было положено несравненно меньшая доза. Будь еще Иванъ Ивановичъ и Алексѣй Терентьевичъ воробьи—имъ бы достало двухъ порцій. Но какъ, извѣстно, оба они были люди здоровые, съ малороссійскимъ аппетитомъ, то разнообразіе блюдъ на этотъ разъ, для утоленія ихъ голода, было необходимо. Послѣ обѣда Иванъ Ивановичъ и Алексѣй Теретьевичъ легли всхрапнуть и по сумеркамъ начали собираться въ дорогу. Алексѣй Терентьевичъ пошелъ собирать коней, а Иванъ Ивановичъ крикнулъ для разсчета половаго.

— Сколько тебя слѣдуетъ, мой милый?

— Общій счетъ-съ восемнадцать рублей-съ, а помелочно, если угодно.... (при этихъ словахъ половой полезъ въ карманъ жилета и вытащилъ оттуда преизрядныя счеты).

— Послушай, милый, да читъ ли ты сегодня? Аль это мнѣ послышалось такъ? спросилъ изумленный восемнадцатью рублями Иванъ Ивановичъ.

— Лошадямъ два стойла по рублю—два рубля-съ; за ночь вотъ тоже номеръ—рубль—три рубля-съ; за лимончики по полтинѣ; въ плевательницу изволили нахаркать—за это шесть гривенъ....

— Постой, постой мой милый, за что же тутъ шесть гривенъ! Вѣдь плевательница на то и подана, чтобы въ нее харкать.

Но половой по прежнему не обратилъ вниманія на жалобы Ивана Ивановича; слышать ихъ отъ пріѣзжающихъ онъ привыкъ чуть еще не болѣе, чѣмъ слышать стукъ часоваго маятника и потому, не внимая словамъ Ивана Ивановича, съ удовольствіемъ выкладывалъ на счетахъ слѣдующія суммы:

— За чай и сахаръ—рубль, за самоваръ—десять копѣекъ, за прочее иное три рубля и вообще за чаепитіе все—еще три рубля; за утреннее чаепитіе тоже да за обѣдъ примѣрно теперь хоть четыре рубля.

— Постой, постой голубчикъ! Ты веди ка меня къ хозяину; я съ нимъ разсчитаюсь, а ты—ты.... больно востеръ, голубчикъ, говорилъ съ умѣренною запальчивостью Иванъ Ивановичъ.

— Подождите-съ до субботы. Хозяинъ тогда прибудитъ изъ деревни; а теперь-то хозяинъ здѣсь я-съ.

Иванъ Ивановичъ разсчиталъ, что если пробудетъ въ Вертиградѣ до субботы, то у него ничего не останется для дальнѣйшаго путешествія. Нечего дѣлать—нужно было платить.

— Ну такъ сколько тебѣ тамъ слѣдуетъ? спросилъ онъ полезая въ свой бумажникъ.

— Девятнадцать рублей-съ.

— Да какъ же ты сказалъ, что восемнадцать всего; откуда-жъ это лишній рубль.

— А я-съ обложился. Васъ двое было въ нумерѣ; а у насъ съ каждой персоны особенно: будь-то напримѣръ два коня у одного барина или два барина съ однимъ конемъ, все платятъ за троихъ; за каждую т. е. персону особито.

Иванъ Ивановичъ со вздохомъ подалъ половому отсчитаныя деньги, и, боясь чтобы какъ нибудь позабывшись не нахаркать еще въ плевальницу, покорѣе выбрался на дворъ. Кони были уже готовы и герои наши немедленно отправились.

— Такъ вотъ какой городъ-то, замѣтилъ уже за заставою Алексѣю Терентьевичу Иванъ Ивановичъ. Треску и шуму много, толку и добра мало; а деньги-то, деньги — какъ любятъ всѣ они негодные! Вѣдь шутка ли это—девятнадцать рублей одинъ ночлегъ! Вотъ тебѣ и Вертиградъ!

ГЛАВА IX.

One prospect lost, another still we gain —
And not a vanity is given in vain.

Цѣлыхъ пять дней герои наши ѣхали все какими-то низменными долинами, поросшими приземистыми деревьицами и щедушнымъ кустарникомъ. Чѣмъ далѣе они подвигались, тѣмъ замѣтнѣе и замѣтнѣе оскудѣвала малороссійская природа и вотъ уже синею полосою мелькнулъ вдали еловый лѣсъ, ракита, лоза и иные аттрибуты влажной Бѣлоруссіи. Хотя здѣсь дороги были значительно торнѣе и понятнѣе, чѣмъ въ степяхъ, однако нашимъ героямъ, вообще не придерживавшимся большака и заѣзжающимъ во всѣ видимыя по сторонамъ усадьбы, приходилось нерѣдко и блуждать. Нѣсколько разъ между Иваномъ Ивановичемъ и Алексѣемъ Терентьевичемъ происходили на счетъ этого предмета совѣщанія, но какъ ни одинъ изъ нихъ ни астрономіи, ни географіи не зналъ, то они порѣшили, что негодовать и раздражать себя подобными случаями не слѣдуетъ. Поэтому блудили они безъ особенной досады, съ полнымъ убѣжденіемъ, что все таки когда либо пріѣдутъ же они наконецъ въ Питеръ. А чтобы не подавать при этомъ повода къ спору между собою, они положили, что во всѣхъ сомнительныхъ пунктахъ дороги, Алексѣй Терентьевичъ тотчасъ же долженъ выѣзжать впередъ; потомъ оба они

должны опустить поводья и обязанность выбирать одинъ изъ путей возлагали такимъ образомъ на Савраску. Герои наши рѣдко впрочемъ ошибались, примѣняя этотъ способъ въ выборѣ дороги. Благодаря чутью Савраски, они правда, хотя иногда и совращались съ истиннаго направленія, но за то ниразу не ночевали въ лѣсу или гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ подъ открытымъ небомъ, ибо Савраска всегда приводилъ ихъ къ ближайшему заслышенному имъ въ сторонѣ хутору. Однако, случалось иногда такъ, что Савраска вмѣсто выбора пути упорно стоялъ на мѣстѣ или пятился задомъ; тогда герои наши приходили въ замѣшательство, и выѣзжалъ впередъ уже Иванъ Ивановичъ. Но обыкновенно Пѣганка въ этомъ случаѣ разигрывала роль свою дурно. Она отправлялась обыкновенно по той дорогѣ, которая вела въ болѣе красивую мѣстоположеніемъ сторону окрестности и нерѣдко такимъ образомъ заводила обоихъ всадниковъ или въ какую нибудь рощицу надъ рѣкою, или на какую нибудь пологую горку съ живописными покатостями. Вообще она, какъ и весь женскій родъ, не отличалась серьезною дальновидностью.

Вечеромъ, на пятый день, герои наши въѣхали на разстани, изъ которыхъ въ различныя стороны совершенно звѣздообразно расходилось до десяти дорогъ. Савраска тотчасъ былъ вызванъ на сцену. На этотъ разъ онъ однимъ мигомъ смѣкнулъ въ чемъ дѣло; потянулъ немножно ноздрями воздухъ и, не думая долго, съ нахальною упрямостью повернулъ на одну изъ дорогъ на право. Всадниковъ нашихъ поразила такая быстрая сообразительность Савраски, тѣмъ болѣе, что онъ, свернувъ на избранную имъ дорогу, удвоилъ свой шагъ и казался осень веселымъ. Каково же было изумленіе и удовольствіе Ивана Ивановича и Алексѣя Терентьевича, когда черезъ нѣсколько минутъ пути они увидѣли вдалекѣ огромныя поля съ тучными засѣвами и за полями обширную помѣщичью усадьбу. Эта усадьба прозывалась Хлѣбородиловкою и принадлежала Родіону Прокофьевичу Лопатѣ.

Село Хлѣбородиловка еще издалека имѣло довольно приличный видъ. Но еще далеко до въѣзда въ самую усадьбу глазамъ путниковъ начинали попадаться на поляхъ уже довольно замѣчательные предметы. Такъ напримѣръ, всѣ почти канавы были правильной желобовидной формы, съ дномъ, вымощеннымъ какимъ-то камнемъ и со столбиками около каждой канавы; на этихъ столбикахъ были написаны названія канавъ въ родѣ Васюхинской, Хромоломки, Зловонки, Быстротечки, Безпардонной, Лягушницы и нарисованы стрѣлки, показывающія, какъ видно, стокъ воды. Кромѣ этого, на поляхъ торчало еще множество другихъ столбиковъ разнаго колибра, съ чрезвычайно разнообразными надписями. На нѣкоторыхъ просто было написано: такой-то годъ жито—самъ другъ; или: гречиха здѣсь—совершенная дура; или: а овесъ—едва сѣмена увезъ. На другихъ же были написаны цѣлые стихи со вставкою латинскихъ словъ; такъ Алексѣй Терентьеничъ, знавшій латинскую абвегію, прочиталъ на одномъ изъ столбиковъ слѣдующую надпись:

Jnter quercus et betula
Полбу сѣяла Федула
А на слѣдующій годъ
Былъ прекрасный умолотъ.

Дорогою они переѣзжали чрезвычайно часто мосты. Всѣ мосты были явственно понумерованы и при каждомъ изъ нихъ тоже стоялъ столбъ съ надписью о годѣ, числѣ и мѣсяцѣ окончанія постройки моста и о суммѣ, которую онъ стоилъ. Наконецъ, наибольшее число столбиковъ можно было встрѣтить ближе къ усадьбѣ, гдѣ уже начинались огороды. Тамъ этихъ столбиковъ было такое множество, что близорукій вѣроятно принялъ бы ихъ за стволы какого нибудь растенія, обильно родившагося въ это лѣто; тѣмъ болѣе, что всѣ эти столбики, словно листьями, были покрыты съ разныхъ сторонъ зелеными дощечками, усѣянными, какъ цвѣтами, разноцвѣтными надписями. Наконецъ, когда еще

ближе пододвинулись они къ Хлѣбородиловкѣ, то вниманіе остановилось на Хлѣбородиловскомъ садѣ. Всѣ деревья этого сада были облизаны, обстрижены по одному грибообразному типу, съ множествомъ надписей на каждомъ и даже съ деревянною моделью плода, повѣшанною на цѣпочкѣ на одной изъ самыхъ замѣтныхъ вѣтвей. Корни деревьевъ упирались не въ землю, а въ какіе-то террасообразные фундаменты; а промежъ этихъ фундаментовъ по цѣлому саду были вырыты каналы, съ цѣлою тысячею висячихъ мостовъ. На мостахъ, въ видѣ вѣтрянныхъ мельницъ, возвышались сушильни и хранилища плодовъ съ различными флюгерами и флагами наверху. Впрочемъ, если бы кто эти сушильни принялъ за мельницы, тотъ бы конечно ошибся, ибо Хлѣбородиловскія мельницы помѣщались совершенно съ другой стороны, чѣмъ садъ. Ихъ было пять: три вѣтряныхъ, изъ которыхъ одна стояла на одной ногѣ и поворачивалась противъ вѣтра всѣмъ своимъ корпусомъ; на ней стоялъ знакъ № 1; другая была на двухъ ногахъ и у нея поворачивалась верхняя половина; на ней виденъ былъ знакъ № 2 и наконецъ третья кургузая и безногая мельница; у нея поворачивалась одна только голова и стоялъ знакъ № 3 — Optima. Промежъ этихъ трехъ мельницъ возвышался высочайшій шесть съ флюгеромъ на верху. Рядомъ съ вѣтряными мельницами помѣщались водяная и воловая—приземистыя, въ видѣ опрокинутыхъ вверхъ днемъ чайныхъ чашекъ. За мельницами вдали виднѣлись стога съ хлѣбами до того затѣйливыхъ фигуръ, что безъ ироніи по нимъ можно бы было составить понятіе о любыхъ балетныхъ знаменитостяхъ. Дѣйствительно: у иного стога была какъ будто всего одна ножка, а другую онъ какъ будто подобралъ подъ юбку; другая же скирда совершенно какъ будто бы падала — между прочимъ все еще довольно крѣпко стояла; а иная скирда была до того поджара, остроконечна и полувоздушна, что такъ и думалось, что въ одно прекрасное утро она вмѣстѣ

съ вертиградскими домами отправится танцовать въ поднебесное пространство. При въѣздѣ въ село на право, вдоль дороги, была выстроена цѣлая шеренька собачьихъ будокъ, въ которыхъ между прочимъ обитали не псы, но какъ это было видно по надписямъ—цѣлыя коллекціи земледѣльческихъ орудій. И англійскіе плуги, и наши патріархальные малороссійскіе — въ двѣнадцать валовъ и такой допотопной древности, что ихъ даже нѣкогда воспѣвалъ самъ Гезіодъ. Тутъ же была и молотилка съ «зѣло отличнымъ барабаномъ» и зерносушилка, и зерновѣялка, и круподерня, и сѣялка, и экстерпаторъ, и сѣнограбилка и т. д. и т. д. Параллельно этой шереньги будокъ, съ другой стороны дороги, возвышался скотный дворъ, съ такимъ множествомъ оконъ и дверей, что въ Спигородѣ его непремѣнно приняли бы за дворецъ. Надъ дверями висѣли черныя доски съ изображеніемъ племенныхъ быковъ хлѣбородиловской породы. Тамъ были и холмогорскіе михѣи, и высокрестцовые тирольскіе быки и голландскіе и много очень иныхъ породъ быковъ, съ исполиными рогами и безъ оныхъ. Всѣ другія строенія, а въ особенности амбары, отличились пестротою вывѣсокъ и замѣтокъ. Всѣ были построены по какому-то граціозному типу, такъ чтобъ снизу ихъ прохватывалъ вѣтеръ, а сверху насквозь пронизывали всякое строеніе солнечные лучи. Тамъ, гдѣ только были трубы, всѣ они безъ исключенія замыкались жестянымъ фонаремъ вмѣстѣ съ флюгеромъ или по крайней мѣрѣ съ жестяннымъ пѣтухомъ. Весь дворъ былъ подѣленъ столбиками на квадраты и каждый квадратъ питалъ собою какое нибудь замѣчательное дерево. Около каждаго дерева были такія же декораціи, какъ и въ саду, а около одного возвышался даже цѣликомъ стеклянный колпакъ. По двору ходило нѣсколько кохинкинскихъ куръ, ростомъ чуть не съ журавлей и нѣсколько откормленныхъ свиней, до того тяжелыхъ отъ жира, что онѣ скорѣе ползли, чѣмъ шли, потому что буквально, переступая перднимп ногами, задъ волокили по землѣ. На свиньяхъ были надѣты ошей-

ники тоже съ надписью. На одной изъ нихъ Алексѣй Терентьевичъ прочелъ ужъ было: sus scrofa domestica и хотѣлъ было прочитать другой ошейникъ, какъ вдругъ Савраска сильно началъ поворачивать въ лѣвую сторону, гдѣ помѣщался сарай, полный душистаго клевернаго сѣна. Алексѣй Терентьевичъ ударилъ по бокамъ своего буцефала и заставилъ его снова идти, куда слѣдовало; тогда Савраска вдругъ повернулъ въ правую сторону и остановился какъ вкопанный. Алексѣй Терентьевичъ хотѣлъ наградить уже своего коня ударомъ той бутылки съ табакомъ, которая висѣла на бедрѣ его, какъ въ это же самое время онъ замѣтилъ, что Савраска подвезъ его къ крыльцу барскаго дома, гдѣ какъ и слѣдовало умному коню, остановился. Барскій домъ былъ довольно высокъ, съ большими окнами, съ огромными трубами и съ такимъ множествомъ термометровъ и барометровъ, лѣпившихся ко всѣмъ его сторонамъ и выступамъ, что этотъ домъ можно бы было сравнить съ ульемъ, осыпаннымъ пчелами. Однако нашимъ героямъ нѣкогда было разсматривать всѣ эти подробности и они не мѣшкая, привязали своихъ коней и отправились въ покои. Въ передней ихъ встрѣтилъ самъ помѣщикъ Радіонъ Прокофьевичъ Лопата.

Лопата былъ толстенькій баринъ, съ клочковатыми бакенбардами и съ блистательною лысиною. Въ молодости, конечно, у него ни того, ни другаго не было. Въ молодости у Родіона Прокофьевича были только вертиградскіе усы, которые онъ тщательно началъ воспитывать еще будучи риторомъ кіевской бурсы. Но по окончаніи курса, съ болью въ сердцѣ, ему пришлось разстаться съ усами, ибо, избравъ себѣ гражданскую перспективу, онъ долженъ былъ обрить усы и запустить бакенбарды. Вмѣстѣ съ сбритіемъ усовъ онъ перемѣнилъ образъ жизни и нѣкоторыя привычки. Такъ, съ усами онъ ложился не ранѣе двѣнадцати часовъ ночи и вставалъ не ранѣе двѣнадцати дня, а въ бакахъ пришлось вставать въ восемь и ложиться въ десять. Съ усами

онъ имѣлъ непреодолимую привычку крутить усы или грызть ногти, а съ бакенбардами усвоилъ себѣ привычку грызть перо, особливо когда сильно задумывался надъ какимъ нибудь отношеніемъ. Но такъ какъ Родіонъ Прокофьевичъ искони отличался трудолюбіемъ и экономіею, то, не смотря на десятилѣтній срокъ своей службы, вышелъ онъ въ отставку въ чинѣ регистратора и съ капитальцемъ. На этотъ капиталецъ онъ тотчасъ же купилъ себѣ Хлѣбородиловку и хотя ему сначала сильно хотѣлось опять запустить усы, но, не извѣстно по какой причинѣ, онъ не сдѣлалъ этого. Но во все время его жизни одна только привычка не измѣняла ему, а именно читать безъ разбора всякій вздоръ и все, что прочтется, тотчасъ же повѣрять, буде возможно, на практикѣ. Съ нѣкотораго же времени, именно послѣ того, какъ Родіонъ Прокофьевичъ сдѣлался помѣщикомъ, все его вниманіе обратилось на агрономію. У него завелась огромная агрономическая библіотека, въ которой всѣ книги Родіонъ Прокофьевичъ зналъ почти наизусть. Часто даже случалось, что онъ спалъ и видѣлъ во снѣ пшеницу о десяти строкахъ, или какую нибудь вѣтряную мельницу, совершенно почти безъ крыльевъ, новаго устройства. Манія его въ этой спеціальности дошла до того, что всѣ доходы съ его Хлѣбородиловки уходили на новыя преобразованія и пріобрѣтенія различныхъ машинъ, а самъ хозяинъ бывалъ иногда безъ хлѣба. Тѣмъ не менѣе хозяйство его шло стройно и было, если угодно, образцовымъ въ цѣлой губерніи.

— Сегодня, говорилъ послѣ взаимныхъ привѣтствій хозяинъ, сегодня вы, господа, у меня будете самыми пріятными гостями. Сегодня, знаете, у меня сельскій праздникъ. Уборка хлѣба, съ одной стороны, приходитъ къ концу, съ другой стороны, собираюсь молотить хлѣба и только за одной молотильною машиной дѣло; а, впрочемъ, милости прошу, господа, садиться.

Гости сѣли.

— Недавно какъ-то, продолжалъ хозяинъ, обращаясь къ Ива-

ну Ивановичу,—недавно какъ-то, знаете, я былъ тутъ неподалеку въ одномъ мѣстѣ. Иду, этакъ себѣ, по улицѣ — вдругъ вижу лоскутокъ бумажки лежитъ на дорогѣ. Я думаю себѣ: дай поднять и прочесть. Вотъ я и поднялъ и читаю: «Зѣло удобно есть молотити машиною, коя имѣетъ вертящійся требухъ съ желѣзными кулаками; а трескъ ея паче водяной мельницы; а пыль отъ нея паче всего въ мірѣ». Я, знаете, тотчасъ же догадался, что здѣсь говорится о молотильной машинѣ новаго устройства. А такъ какъ моя немножко попорчена, то я послалъ въ Петербургъ за машиною съ желѣзными кулаками. Отличная должна быть машина.

— А вотъ-съ тѣ машины, что у васъ въ будкахъ стоятъ, тоже новаго устройства? спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— Всѣ совершенно новаго-съ. Мастера ихъ всѣ безъ исключенія получили преміи. Да и было за что! Вы представьте себѣ что отвратитель въ плугѣ вылитъ въ математическую формулу! Беретъ на шесть дюймовъ-съ глубины, а это вѣдь не шутка. Другія орудія почти всѣ патентованныя и, дѣйствительно, — всѣ прекрасныя орудія.

— А успѣшно ими работать? спросилъ Иванъ Ивановичъ.

— О, да еще какъ! Знаете, если бы мнѣ только искусныхъ людей, то я бы цѣлый западный край Россіи взялся бы обработывать съ совершенно агрономическою аккуратностью. Жаль только, что всѣ мои машины поломаны, а то я показалъ бы вамъ, какъ онѣ работаютъ.

— А отчего же машины ваши поломаны?

— А Господь ихъ вѣдаетъ; вотъ, видите ли: мнѣ ни одной еще книжки, признаться сказать, не попалось, въ которой были бы наставленія, какъ обращаться съ этими орудіями. Ну вотъ и произошелъ, знаете, случай. Въ плугъ по ошибкѣ впрягли лошадей совершенно не въ то мѣсто, куда слѣдовало, а, примѣрно, въ то мѣсто, гдѣ долженъ держать орудіе пахарь; ну, такимъ образомъ и сломался съ перваго же раза. Молотилка тоже не выстояла,

потому что вязаныхъ кулей нападало подъ барабанъ. А сѣнограбилка сломалась сама собою. Просто стояла себѣ да стояла, и сломалась.

— Это должно быть очень досадно, замѣтилъ Иванъ Ивановичъ; вотъ, напримѣръ, хоть зубочистка—ужъ какое простое и дешевое орудіе, а когда сломается невпору, чрезвычайно досадно.

— Нѣтъ-съ, Иванъ Ивановичъ, это еще вовсе не такъ досадно, какъ, напримѣръ, подобный случай. Вычитываю я, знаете, въ какой-то книгѣ, что съ помощью тимоѳеевой травы совершенно легко болото превратить въ луга, въ отличные зеленые луга. Какъ это дѣлать — признаться я не освѣдомился, а думаю себѣ: посѣю тимоѳеевку на авось; на авось ростетъ овесъ, почему же не вырости и тимоѳеевкѣ. Вотъ я и выписалъ рублей на двѣсти сѣмянъ, да съ легкой руки и посѣялъ по болоту. Только представьте себѣ: на слѣдующій годъ не только тимоѳеевки, но даже прежняго болотнаго растенія sphagnus communis, то есть мха, и того даже не стало. Изъ моховаго болота вдругъ сдѣлалась гнилая зыбель. Такъ вотъ вамъ гдѣ досада-то истинная: вѣдь двѣсти рублей не шутка!

— А вы бы попробовали удобрить навозомъ землю; можетъ быть и родилась бы трава.

— Эхъ, Иванъ Ивановичъ, я бы непремѣнно сдѣлалъ это; я не только, знаете, навозомъ, а костянымъ бы порошкомъ, гуанно, гипсомъ и сѣрною кислотою удобрилъ бы почву, если бы было возможно; да вѣдь возможности-то нѣтъ никакой. Вязость такая, что даже сѣяльщики, съ позволенія сказать, безъ нижнихъ, утопая выше колѣна, ходили.

— Ну, такъ Богъ дастъ, что нибудь другое уродится, утѣшалъ Иванъ Ивановичъ.

— А вотъ именно у меня теперь вся надежда на рожь. Все поле, знаете, удобрилъ я гуано; на шестьсотъ рублей одного

удобренія пошло. Посѣялъ, знаете, рожь; ну, всходы-то, по озими судя, незавидны, то есть нельзя и примѣтить, чтобы тутъ было что нибудь посѣяно. Но за то на будущій годъ, вотъ на будущій-то годъ эта же самая непримѣтная озимь засвидѣтельствуетъ намъ свое почтеніе. Я, знаете, не льстя себя, надѣюсь отпустить на будущій годъ въ продажу хлѣба, по крайнѣй мѣрѣ, на цѣлую Англію.

— А не лучше ли бы вамъ, имѣя пять мельницъ, перемолоть въ муку, и уже мукою сбывать заграницу. Это бы, кажется, сходнѣе было.

— Оно конечно такъ, да вотъ видите ли: изъ моихъ мельницъ почти четыре уже давно отъ засоренія стоятъ, а пятая, признаюсь, стала по моей оплошности. Вотъ видите ли: прочелъ я въ одной книжкѣ, что въ Лондонѣ на всемірной выставкѣ была модель вѣтряной мельницы, въ которой кулаки на ходовомъ колесѣ сдѣланы, для меньшаго тренія изъ стекляной массы. Вотъ я тотчасъ же и велѣлъ выломать дубовые кулаки изъ моего колеса и заказалъ загнать туда на первый случай бутылки. Представьте себѣ: при малѣйшемъ струеніи вѣтра, чуть только тронулись крылья, всѣ бутылки раскрошились въ мелкія дребезги! Теперь думаю послать въ Англію за мастеромъ, который бы сдѣлалъ прочнѣе эти самые кулаки.

Въ это время лакей доложилъ, что подано обѣдать и Лопата повелъ своихъ гостей въ столовую. Здѣсь Ивана Ивановича сильно поразилъ какой-то неопредѣленный шумъ въ комнатѣ и онъ, окинувши ее взглядомъ, догадался, что этотъ шумъ происходитъ отъ вентиляторовъ. А вентиляторовъ было въ каждомъ окнѣ, по числу звеньевъ, до шести.

Этотъ шумъ—замѣтилъ хозяинъ—немножко непріятенъ, но что же дѣлать, когда чистота воздуха есть самое необходимое условіе здоровья. У меня, знаете, даже и въ конюшняхъ подѣланы вентиляторы; сначала, разумѣется, лошади дрожали, боялись этого

шума, а теперь какъ привыкли, такъ знаете и ничего. Но за то ужъ воздухъ какой чистый; не смотря, что это конюшня, при содѣйствіи этихъ вентиляторовъ въ ней чувствуется совершенно весенній ароматъ; запахъ самый нѣжный и пріятный.

— Скажите, какое милое изобрѣтеніе, покачавъ головою, замѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

— Но вотъ еще болѣе милое изобрѣтеніе! продолжалъ хозяинъ. Въ одной книгѣ я вычиталъ, что стоитъ только очищать мохъ съ плодовыхъ деревьевъ и поливать корни ихъ какою либо неприличною жижею, то плоды на нихъ станутъ рости съ человѣческую, знаете, голову. Вы только представьте себѣ, съ человѣческую голову! Вотъ я тотчасъ же и началъ поступать такимъ образомъ. На первый же годъ, конечно, неудача, такъ что вотъ эти яблоки (яблоками былъ начиненъ жареный гусь), эти мелкія яблоки не изъ моего сада, а тутъ, по сосѣдству куплены. За то въ моемъ саду на будущій годъ выростутъ яблоки, смѣю надѣяться, съ человѣческую голову. Тогда ужъ вы мнѣ позвольте, Иванъ Ивановичъ вамъ прислать съ десяточекъ въ ваше имѣніе на пробу; да позвольте мнѣ хорошенько узнать: гдѣ именно, въ какихъ хлѣбородныхъ, или съ умѣреннымъ урожаемъ, губерніяхъ находится ваше имѣніе?

Иванъ Ивановичъ нашелъ здѣсь удобнѣе всего распространиться на счетъ причины своего заѣзда и вообще путешествія. Онъ уже и давно хотѣлъ завести объ этомъ рѣчь, но говорливый хозяинъ ежеминутно разсказывалъ свои агрономическіе опыты. Теперь же, когда нѣкоторымъ образомъ въ обѣщаніи прислать ему на пробу плодовъ выразилось сочувствіе хозяина къ гостю, то Иванъ Ивановичъ, напирая на это сочувствіе, объявилъ, что онъ вполнѣ вѣря расположенію Родіона Прокофьевича, надѣется услышать отъ него самыя нелицемѣрныя свѣдѣнія, или совѣты относительно пропавшей жены и поисковъ за нею.

— Свѣдѣній я вамъ никакихъ, добрѣйшій Иванъ Ивановичъ, дать не могу, ибо въ агрономической газетѣ, которую я читаю

подобныхъ извѣстій не сообщается. А совѣтъ дамъ вамъ съ удовольствіемъ. Вы вотъ какъ поступите: объявите публично, гласно и официально, что въ такой-то день, въ такой-то мѣсяцъ посѣяли на сыпучемъ бѣломъ пескѣ ленъ, и что ленъ выросъ на этомъ сыпучемъ пескѣ такого прекраснаго качества, что волокно послѣ обработки было съ сажень длиною и бѣлѣе, чѣмъ самый бѣлый песокъ; именно такъ напишите, что бѣлѣе самого песка. Это, знаете, будетъ такою чудовищною новостью, что всѣ образованные люди непремѣнно, прочтя ее, пріѣдутъ къ вамъ лично удостовѣриться въ качествахъ почвы и льна. А вы то имъ всѣмъ въ отвѣтъ, что ленъ продали. Спросятъ кому? — Смѣло говорите, что мнѣ. А я, знаете, вывернусь и даже образчики, если угодно, покажу имъ. Но только и вы не зѣвайте; знаете, какъ только въ числѣ любопытныхъ зрителей покажется Шалтаевъ—такъ сейчасъ же арестуйте его. А что онъ пріѣдетъ, услышавъ такую новость о льнѣ цвѣтомъ бѣлѣе песка, такъ это гораздо вѣрнѣе того, что съ будущею кометою будутъ великолѣпные урожаи грибовъ и клюквы.

— Скажите — скоро будетъ эта комета? спросилъ съ удивленіемъ и любопытствомъ Иванъ Ивановичъ.

— А я навѣрное вамъ сказать этого не могу, потому что эту новость слышалъ отъ нашей попадьи. Впрочемъ я сообщу вамъ это письменно. Я, знаете, сильно задумываю одинъ планъ, а именно: передъ появленіемъ кометы хочу развести плантацію съ боровиками и иными благородными грибами; а по тому болоту, гдѣ не родилась тимоѳѣевка, посѣю, знаете, клюкву. Клюква-то тамъ родится буруномъ. А я ее, знаете, соберу, да въ бочки, да въ Италію. Тамъ, я читалъ, она дороже винограда.

— Ишь, честь какая почтительная нашему злаку! таинственно замѣтилъ, показывая пальцемъ вверхъ Алексѣй Терентьевичъ Ивану Ивановичу.

— Да, именно дороже винограда. Вотъ я и думаю просто на

просто обмѣнять ее на доброкачественный виноградъ; перевезу ягоды въ Россію, нажму изъ нихъ вина въ родѣ шампанскаго, а сѣмячко думаю посѣять въ оранжереи. У меня теперь еще нѣтъ настоящей оранжереи, а тогда я заведу ее непремѣнно. Стоитъ только мнѣ узнать отъ матушки, родится-ли и произрастаетъ-ли послѣ кометы виноградъ — и я непремѣнно выстрою оранжерею.

— А эти арбузы гдѣ же вы выростили? спросилъ Иванъ Ивановичъ, принимаясь за арбузы.

— Это я здѣсь купилъ по сосѣдству. У меня самаго хотя и есть отличные парники, совершенно, знаете новаго устройства— да что-то сѣмя не взошло — повыгнило. Должно быть отъ того, что солнечные лучи падаютъ косвенно, а не перпендикулярно. Впрочемъ на будущій годъ я думаю выписать изъ Венеціи особеннаго устройства отражающее зеркало. Тогда я, знаете, лучи направлю прямо на парники и вѣрно вырощу арбузы вотъ съ этотъ комодъ ростомъ.

— А позвольте узнать, не будетъ-ли это грѣховнымъ поступкомъ противъ воли Провидѣнія? замѣтилъ довольно робко и учтиво Алексѣй Терентьичъ.

— Да вѣдь я могу объ этомъ спросить разрѣшенія даже и у высшаго духовенства — отвѣтилъ Лопата.

— А я такъ изъ всего вижу, что вы прекрасный хозяинъ, замѣтилъ Иванъ Ивановичъ. У васъ все идетъ съ религіознымъ благонравіемъ и съ истинно примѣрнымъ благоразуміемъ. Вотъ напримѣръ хоть бы эти комоды съ стеклянными досками впереди такъ что при самомъ бѣгломъ взглядѣ видно, что въ нихъ положено — вѣдь это прекрасное изобрѣтеніе — вѣрно ваше собственное?

— Отчасти мое, а отчасти заимствованное. Да я, знаете, не въ одной лишь мебели, а и во всемъ, совершенно во всемъ поступаю по внушенію печатныхъ книгъ ученыхъ авторовъ, соглашая ихъ съ собственною своею предусмотрительностію. Я, напримѣръ, никог-

да не сѣку мужика за лѣность, ибо это развиваетъ въ его душѣ злобу и своенравіе; а я его оставляю безъ обѣда. Тутъ двойная вотъ видите-ли польза: и экономія и назидательность. Да не только что людей, я даже рабочихъ лошадей запрещаю сѣчь кнутомъ; я все приказываю влiять на нихъ болѣе ласковыми словами, что конечно не дѣйствуетъ, какъ умно выражено въ одной книгѣ, въ ущербъ ихъ здоровью. Вотъ напримѣръ теперь вы видите меня, что я послѣ обѣда хожу по комнатѣ довольно равномѣрно. Вѣдь это вовсе не безсознательное дѣйствіе мое, — а осмысленное при содѣйствіи множества книгъ. Этотъ маціонъ чрезвычайно, знаете, содѣйствуетъ пищеваренію; я бы и вамъ даже господа совѣтовалъ бы теперь не сидѣть послѣ обѣда, а полегоньку встать и похаживать со мною.

Алексѣй Терентьичъ уже хотѣлъ было встать и буквально исполнить совѣтъ Лопаты, но услышавъ, что Иванъ Ивановичъ началъ благодарить хозяина за угощеніе и говорилъ, что все равно — они сейчасъ же поѣдутъ и что имъ поэтому маціонъ предстоитъ преизрядный — снова усѣлся.

— Съ одной стороны конечно это совершенно справедливо, отвѣтилъ хозяинъ, и я не смѣю препятствовать вамъ воспользоваться такимъ прекраснымъ послѣ обѣда маціономъ для здоровья, какъ верховая ѣзда; но съ другой стороны право, господа, было бы не хуже, если бы вы теперь не много походили бы со мною, а потомъ остались пить чай — да еще какъ пить: изъ самовара самаго причудливаго, новаго устройства!

— Нѣтъ ужъ позвольте мнѣ поблагодарить васъ, говорилъ Иванъ Ивановичъ. Я спѣшу, знаете, въ Петербургъ — такъ ужъ мнѣ необходимо поторопиться.

— Ахъ, добрѣйшій Иванъ Ивановичъ — вы ѣдете въ Петербургъ! Вотъ вамъ, дорогой мой, шестьдесятъ цѣлковыхъ. Пожалуйста, голубчикъ, купите мнѣ разныхъ агрономическихъ книгъ, и перешлите по почтѣ. Ужъ постарайтесь для друга; а я съ

своей стороны тоже обѣщаніе свое исполню. Цѣликомъ возъ плодовъ пришлю на будущій годъ въ ваше имѣніе.

Иванъ Ивановичъ поблагодарилъ Родіона Прокофьевича за обѣщаніе и взялся не только что купить ему на шестьдесятъ рублей книгъ, но сулилъ еще при случаѣ переслать ему всѣ агрономическія книги, какія только онъ отыщетъ въ Каганцахъ, совершенно безвозмездно, въ видѣ подарка. Хозяинъ былъ такъ тронутъ добротою Ивана Ивановича, что даже разцѣловалъ его при прощаньи.

— И такъ не позабудьте на счетъ книжечекъ-то, а я тоже на счетъ плодовъ уже никогда не забуду по взаимности нашей дружбы, равно какъ и на счетъ образчиковъ льна, говорилъ Лопата, провожая гостей. А вы, знаете, добрѣйшій другъ Иванъ Ивановичъ, смѣло печатайте, что де—уродился у васъ на пескѣ—ленъ какъ слонъ, бѣлѣе самаго песка, — такъ таки и пишите; а что отыщите жену вашу этимъ способомъ, за это я вамъ порука. Главное дѣло, чтобы большими буквами было выставлено *Ленъ какъ Слонъ*. Послѣднія слова Лопатѣ пришлось уже сильно кричать, потому что Иванъ Ивановичъ отъѣхалъ довольно далеко отъ господскаго дома.

— А вѣдь обѣдъ былъ довольно вкусенъ, замѣтилъ Алексѣй Терентьичъ, когда уже замерли звуки кричащаго Лопаты; одно только дурно, что зелень была все какой-то заморской породы; можетъ быть она была даже поганая, такъ что, вкусивъ ее я осквернился немного, но за то на вкусъ преизряднаго качества.

Иванъ Ивановичъ на это ничего не отвѣчалъ и ѣхалъ впереди, повидимому очень задумчивъ.

Вечеромъ герои наши въѣхали въ обширный лѣсъ. Синимъ крыломъ далеко растягивался онъ по горизонту; былъ густъ, высокъ и не проницаемъ; даже и та дорожка, по которой они ѣхали была такъ глуха и тѣсна, что какъ будто только и ѣздили по ней верхомъ или много, много въ одну лошадь. Вѣтви исполинскихъ

темныхъ елей безцеремонно перепутывались между собою именно въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ приходилось прорѣзывать воздухъ лицу всадника. Поэтому онѣ не милосердно стегали и Ивана Ивановича и Алексѣя Терентьевича, несмотря даже на то, что оба сіи мужи ѣхали на коняхъ медленно. Снизу отъ земли вѣяло такою сыростью, что путешествующихъ прохватывала дрожь. А сверху была точно такая же темень, какъ и внизу у корней деревьевъ; изрѣдка развѣ мелькало клочьями туманное небо, а въ большинствѣ случаевъ оно совершенно было занавѣшено отъ глазъ всадниковъ распростертыми вверху вѣтвями. Порою попадались свѣтлыя болотистыя прогалины, гдѣ дорожка становилась вязкою, и поэтому герои, не смотря на пріятный свѣтъ, дававшій имъ возможность видѣть вокругъ себя все, торопились все-таки какъ можно скорѣе въѣхать снова въ густой лѣсъ; тамъ хотя было темно, но дорога сухая и лошади шли довольно бодро.

— Постойте, постойте Иванъ Ивановичъ, постойте! вдругъ полушопотомъ вскрикнулъ Алексѣй Терентьичъ. Лице Алексѣя Терентьича выражало сильный испугъ и было блѣдно, какъ полотно.

Иванъ Ивановичъ остановился и оглянулся на Алексѣя Терентьича.

— Развѣ вы не видите — вонъ тамъ на лѣво, поглядите-ка Иванъ Ивановичъ? шопотомъ говорилъ Алексѣй Терентьичъ, показывая перстомъ на лѣво.

У Ивана Ивановича тотчасъ же раскрылся ротъ, лице поблѣднѣло и поводья выпали изъ рукъ.

— Господи Боже мой! Что же это такое? спросилъ онъ дрожащимъ голосомъ у Алексѣя Терентьевича.

— Господь вѣдаетъ, Иванъ Ивановичъ.... ужасное что-то; это должно быть или медвѣдь или сѣверное сіяніе.

— Да, да, именно медвѣдь. Ухъ, да какой же еще медвѣжица! Погляди-ка, Алексѣй Терентьичъ, вѣдь онъ на дыбахъ стоитъ?

— Да, на дыбахъ и ротъ разинутъ. А вѣдь не сдобровать намъ, Иванъ Ивановичъ.

— А отчего же это онъ такъ свѣтится? Погляди-ка, Алексѣй Терентьичъ, самъ ли медвѣдь это свѣтится, или это за нимъ свѣтъ, — погляди-ка, твои глаза получше.

— Самъ, ей, ей самъ, Иванъ Ивановичъ; свѣтъ такъ и валитъ изъ-подъ брюха....

— Господи! Съ нами крестная сила! Вѣдь это дурнымъ пахнетъ; вѣдь это, Алексѣй Терентьевичъ, чудо.

— А можетъ это видѣніе, Иванъ Ивановичъ. А вотъ погодите-ка, я его сейчасъ попотчую молитвою; молитва сильная и живо пропадетъ онъ, коли онъ не есть медвѣдь, а видѣніе. И съ этими словами Алексѣй Терентьичъ началъ, дрожа всѣмъ тѣломъ, шептать молитву.

— Нѣтъ, Алексѣй Терентьичъ, оставь молиться, это не видѣніе; это, братецъ, медвѣдь.... Ухъ! Господи — никакъ поглядѣлъ сюда?...

— Такъ что же намъ дѣлать-то, Иванъ Ивановичъ, когда не молиться въ такія минуты; вѣдь смерть почти на носу. А дома жена и дѣтишки.... И Алексѣй Терентьичъ началъ горько плакать.

— Не плачь, Алексѣй Терентьичъ; никто какъ Богъ; да къ тому же у меня и мечъ есть; вона, видишь какой мечъ! Вѣдь этакимъ съ разу голову отрубишь, да не то что медвѣдю, а если захочешь, такъ и слону.

— Развѣ только что на мечъ теперь и вся надежда; а все-таки лучше, Иванъ Ивановичъ, если бы мы вернулись.

— Куда же вернуться намъ?

— А хоть себѣ домой, въ Каганцы.

— Да, вѣдь Каганцы далеконько отселѣ.

— Но, вѣдь все равно когда нибудь придется же вернуться; ужъ видно изъ всего, вотъ и изъ теперяшняго чуда, что счастье

не везетъ намъ. Ѣздили, ѣздили и пріѣхали наконецъ медвѣдю въ зубы.

— Роптать грѣхъ, Алексѣй Терентьичъ. А я такъ напротивъ, нисколько не отчаиваюсь. У меня есть твердая надежда, что я отыщу Дуню. Да и какъ же это въ самомъ дѣлѣ, можетъ быть, чтобы мужъ не отыскалъ жены? Ужъ это просто обида Божія!

— Такъ вернемтесь хоть къ Лопатѣ; вѣдь ей-ей съѣстъ насъ медвѣдь. Вотъ онъ только теперь такъ стоитъ спокойно, и къ свѣту начнетъ рыскать и съѣстъ; и съ лошадьми съѣстъ — потому что не медвѣдь простой какой нибудь, а вона какой медвѣдища!

Дрожь пробѣжала по тѣлу обоихъ всадниковъ.

— Нѣтъ, я думаю, что намъ надо стоять на мѣстѣ до самаго свѣта и не гугу. А тронься мы теперь — такъ онъ разомъ кинется на насъ. Будемъ лучше стоять до свѣту.

Сливкинъ кивнулъ въ знакъ согласія головою, и герои наши, прильнувъ другъ къ другу, остановились какъ муміи. На лицахъ обоихъ выражался ужасъ; глаза ежеминутно перебѣгали отъ востока къ медвѣдю и на оборотъ. А лошади стояли преспокойно, потряхивая только изрѣдка ушами.

Алексѣй Терентьевичъ не вытерпѣлъ долгаго молчанія и шопотомъ замѣтилъ Ивану Ивановичу.

— А вѣдь медвѣдь-то начинаетъ гаснуть; должно быть онъ только по ночамъ и свѣтитъ себѣ, Иванъ Ивановичъ; а вотъ, небось, какъ начала заниматься заря — онъ и погаснулъ.

Иванъ Ивановичъ кивнулъ въ знакъ одобренія головою, но погрозилъ Алексѣю Терентьевичу пальцемъ и снова воцарилось въ лицѣ полумертвое молчаніе. Только одинъ вѣтеръ храбро разгуливалъ въ вышинѣ и маковки деревьевъ шумно разговаривали между собою.

Стало свѣтать. Глаза героевъ нашихъ уже окончательно отвратились отъ востока и приковались къ медвѣдю. Чѣмъ болѣе

свѣтъ прокрадывался чрезъ маковки на землю, тѣмъ фигура медвѣдя становилась безформеннѣе, а предъ восходомъ солнца чрезвычайно наглядно весь медвѣдь цѣликомъ превратился въ огромный гнилой пень, свѣтившійся уже нѣсколько лѣтъ съ ряду каждую Божію ночь.

— Ну, вотъ тебѣ и глаза твои хваленые, Алексѣй Терентьичъ! Вотъ зачѣмъ простояли мы тутъ цѣлую ночь? За тѣмъ, чтобы продрогнуть отъ страха и холода — именно только за тѣмъ. Грѣхъ тебѣ, Алексѣй Терентьичъ!

Алексѣй Терентьичъ понималъ свою вину и, ничего не отвѣчая, только усердно вздыхалъ.

Послѣ этихъ словъ, герои наши снова тронулись въ дорогу. Ѣхали ѣхали, часовъ пять, кажись, сряду ѣхали, а лѣсъ еще синѣлъ впереди, темный и сырой, какъ осеняя ночь. Наконецъ къ великому ихъ удовольствію съ одной стороны онъ началъ маленько рѣдѣть. Герои прибавили шагу и вскорѣ выѣхали на обширное поле, съ виднѣвшеюся на срединѣ его постройкою, а кругомъ этого поля все таки былъ тотъ же черный лѣсъ. Алексѣй Терентьевичъ, искренно желая поправить свою ошибку и устранить нареканіе на качество своихъ очей, тотчасъ приставилъ руку зонтикомъ, заѣхалъ на нѣсколько шаговъ впередъ и доложилъ, что эта виднѣвшаяся впереди постройка есть не простая деревня, а какое-то сельце, должно быть, небогатаго помѣщика. Положено было заѣхать въ это сельцо; внушительнѣе всего впрочемъ къ этой рѣшимости опредѣлялъ нашихъ всадниковъ довольно краснорѣчивый на этотъ разъ аппетитъ.

Это среди дремучаго лѣса прозябающее селеніе называлось довольно страннымъ прозвищемъ — а именно Кочергою. Ужъ почему оно такъ называлось, этого я не знаю, но помню, что селишко это было не взрачное и щедушное. Всѣ строенія были низкія, вѣтхія, покрытыя соломою, и до того выпачканныя съ лица всякою всячиною, что можно было подумать, какъ будто бы ихъ для прочности

покрыли какою-то затѣйливою щекотуркою. Къ трубамъ многихъ не жилыхъ построекъ лѣпились птичья гнѣзда, витыя здѣсь должно быть чрезвычайно давно, что можно было предполагать по потокамъ бѣлой грязи, лѣпнями лежащей вдоль крыши подъ каждымъ гнѣздомъ. Всѣ рѣшительно окна были такъ же обильно облѣплены гнѣздами и сильно запачканы. Свѣтъ черезъ нихъ поэтому проникалъ только около полудня, а въ остальное время дня почти безпрерывно въ рабочихъ кочергинскихъ избахъ горѣлъ огонь. Все селеніе помѣщалось въ лощинѣ, такъ что всякая грязь и всевозможныя воды, весеннія и дождевыя, со всего поля обыкновенно стекались на самый дворъ имѣнія и тогда приходилось плавать на плотахъ. Впрочемъ, челядинцы кочергинскіе на это явленіе смотрѣли какъ на благодать, потому что, если сказать правду, всѣ страдали ужасною лѣнью и предпочитали совершенно спокойное сидѣніе на плоту — мѣшенію грязи, если бы приходилось имъ передвигаться по образцу пѣшаго хожденія. Это даже и не мудрено, если принять въ сображеніе, что во всѣ остальныя времена года, кромѣ іюля мѣсяца, въ Кочергѣ бывала такая непроходимая и глубокая грязь, что всѣ мужчины, не исключая и самаго барина, ходили по двору не иначе, какъ безъ нижнихъ; женщины же со своими нарядами поступали такъ, что даже и вспомнить совѣстно. Только однѣ свиньи, казалось, нигдѣ не могли быть такъ въ своей сферѣ, какъ въ Кочергѣ. Хлѣвъ у нихъ былъ низкій, теплый и грязный; а высунь рыло изъ хлѣва — тутъ еще болѣе благодати: грязь липкая, жидкая, топкая; знай себѣ только валяйся въ ней во всѣ стороны, или залезши по самыя уши, прорѣзывай прямою линіею весь дворъ, или выписывай какіе нибудь вензеля и фигуры. Всѣ попадавшіяся путешественникамъ нашимъ живыя существа—люди, а также и животныя, отзывались какимъ-то особеннымъ кислымъ запахомъ и поражали зрителя ужасною неопрятностію. Люди всѣ были нечесанные, нестриженные, немытые, такъ что грязь, лежавшая безъ исключенія лѣпнями на всѣхъ

частяхъ ихъ тѣла, дѣлала ихъ совершенными неграми. Костюмы ихъ, хотя были довольно разнообразны по цвѣтамъ и матеріи, но всѣ были сшиты по одному типу рубашки, такъ что по костюму отличить мужчину отъ женщины въ Кочергѣ было труднѣе, чѣмъ выучить на память половину Телемахиды. У тѣхъ челядинцевъ, которые копошились на дворѣ, ничего кромѣ рубашекъ на тѣлѣ не было; у тѣхъ же, которые выходили изъ села подальше, попадались шапки, кушаки и даже изрѣдка штаны и юбки. Казалось бы, что въ осеннее время всѣ они должны бы были окоченѣть отъ холода въ этакой скудной одеждѣ, но или по привычкѣ, или потому, что самыя рубашки заскорузши въ грязи, превратились въ настоящіе войлочные мѣшки, только всѣ кочергинскіе челядинцы были хотя худощавы, но отнюдь не немощны. Животныя: лошади, коровы овцы, особенное множество козъ, куры и утки—всѣ были какихъ-то сѣрыхъ цвѣтовъ и на всѣхъ ихъ въ безчисленномъ количествѣ, въ видѣ сережекъ, висѣли съ разныхъ сторонъ комки засохшей грязи. Когда проходило какое нибудь животное, то эти комки, ударяясь другъ о друга, производили такой шумъ, какой происходитъ, если сильно потрясти сухой, надутый воздухомъ, пузырь, съ горохомъ внутри. Особенно же сильно грохоталъ одинъ козелъ, такъ что Алексѣй Терентьевичъ началъ, было, уже его дразнить, называя Никитою и дуракомъ, какъ въ это же время вдругъ Савраска вскочилъ въ грязь чуть не по самыя уши. Это произошло отъ того, что всадникъ, занявшись козломъ, не управлялъ своею лошадью, и та, желая болѣе прямымъ путемъ догнать Пѣганку, своротила съ истиннаго, болѣе твердаго, пути и попала прямо въ помойную яму. Однако Савраска нисколько не думалъ завязать въ кочергинской грязи, и понатужившись сдѣлалъ нѣсколько усиленныхъ прыжковъ и разомъ очутился возлѣ Пѣганки. А Пѣганка въ это время уже стояла у крыльца господскаго дома.

Барскій домъ былъ такого же сизаго цвѣта, какъ и остальныя

строенія и почти со всѣхъ сторонъ былъ увѣшанъ рогозами и соломенными плетенками. На его крышѣ виднѣлась высочайшая труба, черная, какъ кочерга (быть можетъ поэтому и самое селеніе носило названіе Кочерги), со множествомъ трещинъ, такъ что она отовсюду сквозила и дымъ изъ нея выходилъ мелкими струйками—словно вода изъ рѣшета. Половина стеколъ была выбита и заткана старыми куртками или сабачьими шкурами. Передъ самымъ крыльцомъ на лѣво помѣщалась еще помойная яма, служащая, впрочемъ, вмѣстѣ и для иныхъ назначеній. А дабы въ нее случайно не попалъ кто нибудь, то на самомъ внѣшнемъ берегу была воткнута въ землю предохранительная вѣха. Такихъ вѣхъ много торчало въ различныхъ, болѣе опасныхъ, мѣстахъ кочергинскато двора. Ступени на крыльцѣ сильно изгнили, такъ что для входящихъ и нисходящихъ была повѣшена веревка, чтобы, уцѣпившись за нее, нельзя было свалиться внизъ, или еще хуже на лѣво въ яму. Благодаря этой веревкѣ герои наши взобрались на крыльце благополучно. Долго стучали они въ двери, наконецъ она отворилась Ивану Ивановичу и Алексѣю Терентьевичу какъ будто сама собою и они очутились совершенно въ темныхъ сѣняхъ. Подвигаясь впередъ ползкомъ и ощупью, нашли они какъ-то двери и пробрались чрезъ нихъ въ другую комнату или, если угодно, въ другія сѣни, нѣсколько посвѣтлѣе прежнихъ. Въ этой другой комнатѣ у лежанки пилъ чай самъ помѣщикъ Сидоръ Акакіевичъ, по фамиліи Соплюнъ.

Сидоръ Акакіевичъ Соплюнъ принадлежалъ къ числу тѣхъ помѣщиковъ, которые, надѣвъ на себя халатъ въ двадцать лѣтъ, носятъ тотъ же самый халатъ пожалуй себѣ хоть до сто двадцати лѣтъ, если только протянется, на столько ихъ жизнь. Лѣтъ десять такой халатъ, обыкновенно, носится безъ всякихъ измѣненій; къ концу этого срока онъ сильно линяетъ и бываетъ переворачиваемъ на другую сторону. Проходитъ еще лѣтъ десять и верхняя покрышка совершенно изнашивается; тогда лѣтъ двад-

цать ее лапятъ и починяютъ на счетъ рукавовъ и полъ того же халата. Рукава и полы становятся короче, но за то самъ халатъ пестрѣе, разнообразнѣе и слѣдовательно красивѣе. Проходитъ еще двадцать лѣтъ и уже заплатки всѣ изнашиваются. Тогда халатъ надѣвается изнанкою, т. е. подкладкою вверхъ, и снова подвергается тѣмъ же починкамъ, какъ уже и отжившая теперь свое существованіе бывшая наружная сторона его. Изъ всего этого въ концѣ концовъ халатъ превращается въ засаленный войлокъ, состоящій, подобно нѣкоторымъ одѣяламъ, изъ множества отдѣльныхъ, чрезвычайно разнообразныхъ по формѣ, кусковъ; при этомъ халатъ пріобрѣтаетъ нѣкоторый соленокислый запахъ и мухи начинаютъ льнуть къ нему чрезвычайно. Впослѣдствіи изъ него, въ разныхъ мѣстахъ, въ видѣ украшеній станутъ болтаться клочья ваты, и наконецъ въ одно прекрасное утро, при какомъ нибудь внезапномъ и быстромъ движеніи хозяина, вдругъ пола или рукавъ сами по себѣ отпадутъ, и окажется, что пришто-пать ихъ снова уже нѣтъ никакой возможности. Впрочемъ, подобные туфли и халаты были ужъ нѣсколько разъ описываемы прежде, и, не распространяясь о нихъ болѣе, я теперь, поспѣшу только сказать, что у Сидора Акакіевича именно былъ такой халатъ. А такъ какъ у Сидора Акакіевича подъ халатомъ кажется ничего болѣе на тѣлѣ не было, то мы перейдемъ къ его физіономіи. Лицо у Сидора Акакіевича было длинное и узкое, какъ огурецъ, съ чрезвычайно острымъ подбродкомъ. Лобъ былъ совершенно лысый, а по вискамъ и сзади въ сильнѣйшемъ безпорядкѣ торчали клочья сѣдыхъ волосъ, сильно пахнувшихъ деревяннымъ масломъ. Это происходило отъ того, что всякій разъ, зажигая лампаду, Сидоръ Акакіевичъ имѣлъ привычку утирать замасленные пальцы о свою голову. Далѣе—глаза у Сидора Акакіевича были зеленые и чрезвычайно быстро бѣгающіе. Носъ въ видѣ красной бародавки, а ротъ въ видѣ синей щели. Борода была покрыта такою густою щетиною подстриженыхъ, жесткихъ

волосъ, что бородою Сидора Акакіевича смѣло можно бы боронить легкую почву. Какого цвѣта было его лице—это сказать трудно; на немъ, ровно какъ и на рукахъ Сидора Акакіевича, лежали такіе толстые слои грязи, что ее казалось нельзя было отмыть ни въ одной русской банѣ. Но тѣмъ не менѣе эта грязь тамъ и здѣсь располагалась чрезвычайно фигурально, такъ что Сидоръ Акакіевичъ былъ не дать, не взять татуированный воинъ. Изъ носа у Сидора Акакіевича текъ постоянно кофій. Но Сидоръ Акакіевичъ ни кофея, ни мухъ, цѣлымъ роемъ жужжающихъ возлѣ этого кофея, положительно не примѣчалъ; а бывало онъ только чихнетъ, когда нѣсколько изъ нихъ залезутъ ему въ самый задъ носа, а самого носа—никогда не вытиралъ.

Убранство дома внутри соотвѣтствовало убору самого хозяина. Мебели тутъ не было замѣтно, а кое гдѣ стояли дубовыя скамьи, покрытыя сверху цѣлымъ слоемъ жирной земли. Въ углахъ валялись кучи сору, но на полу его было еще больше, такъ что трудно было пройти черезъ комнату, чтобы не споткнуться или не увязнуть въ грудѣ мусора. По стѣнамъ кое-гдѣ висѣли странные костюмы, блестящіе отъ жиру и служащіе притономъ тараканамъ, клопамъ и инымъ насѣкомымъ, отъ одного передвиженія которыхъ въ комнатахъ Соплюна слышалось шипѣніе. Въ одномъ углу, на землѣ, былъ растянутъ тюфякъ и брошены двѣ подушки, съ закоптѣвшими отъ времени наволочками. Это было ложе помѣщика, гдѣ онъ спалъ уже сряду пятьдесятъ лѣтъ, прикрываясь своимъ халатомъ. Стекла въ окнахъ были такъ позапачканы мухами, что глядя на нихъ думалось, что въ окнахъ находятся отнюдь не стекла, а какіе нибудь куски сѣренькой матеріи. По этой причинѣ въ комнатахъ Сидора Акакіевича царствовалъ полумракъ и чай онъ пилъ въ настоящую минуту при свѣтѣ ночника. Зеленобураго цвѣта самоваръ, стоявшій на лежанкѣ передъ помѣщикомъ, былъ безъ крана и затыкался веретеномъ. Чашка, изъ которой онъ пилъ, не имѣла ручки, но за то имѣла на днѣ до

дюжины таракановъ. Но не смотря на небрезгливость хозяина, поѣдавшаго при случаѣ таракановъ безъ всякаго омерзенія, эти насѣкомыя были на столько безстрашны и дерзки, что тутъ же, подъ руками Сидора Акакіевича, цѣлою шапкою облѣпили его хлѣбъ и сахаръ, такъ что собственно въ ту минуту, когда вошли гости, Сидоръ Акакіевичъ занимался щелчками, которыми онъ раскидывалъ въ разныя стороны этихъ усатыхъ нахаловъ.

Иванъ Ивановичъ, войдя въ комнату, не зналъ сначала, что ему дѣлать: или вернуться скорѣе назадъ, или уже притѣтствовать хозяина. Но покамѣстъ Иванъ Ивановичъ находился въ такой нерѣшимости, Сидоръ Акакіевичъ молча похомылялъ въ уголъ, выкопалъ тамъ изъ кучи мусора два табурета и, притащивъ ихъ къ лежанкѣ, сказалъ сквозь зубы: милости просимъ. Послѣ этого онъ отправился въ другой уголъ комнаты и снова началъ копаться въ мусорѣ. Покопавшись не много, онъ вытащилъ глиняную кружку и большую помадную банку, въ которыя тотчасъ же налилъ чаю гостямъ и снова повторилъ: милости просимъ.

Иванъ Ивановичъ сказалъ что-то довольно вѣжливо въ знакъ благодарности и хотѣлъ было приняться за чай, но увидя, что поверхъ чая плаваютъ различныя насѣкомыя и луковая шелуха, еще разъ поблагодарилъ хозяина и сказалъ ему, что онъ уже чай пилъ и что заѣхалъ къ нему на очень короткое время по одному важному дѣлу.

— А, вѣрно насчетъ дороги пріѣхали? Нѣтъ, благодѣтель мой, не мнѣ съ моими скудными средствами, не мнѣ съ моими слабыми силами поправлять дороги! Нѣтъ, ужъ не мнѣ! Такъ и засѣдателю скажите, что молъ-де старикъ Соплюнъ совершенно умираетъ и не можетъ заняться починкою дорогъ; такъ, благодѣтель, и скажите засѣдателю, говорилъ Сидоръ Акакіевичъ.

— Ахъ нѣтъ, батенька, вы ошиблись, улыбаясь отвѣчалъ Иванъ Ивановичъ, я вовсе не насчетъ дорогъ пріѣхалъ; какое мнѣ

дѣло до вашихъ дорогъ и до вашего засѣдателя; а я пріѣхалъ такъ, по своему особенному дѣлу.

— Ну ладно, ладно; а все-таки, благодѣтель мой, при случаѣ закиньте словечко засѣдателю. И чего эти живодеры отъ меня хотятъ? Вѣдь не камнемъ же мнѣ, въ самомъ дѣлѣ, мостить дорогу! Да и что толку въ камнѣ, спину только отобьешь себѣ. То ли дѣло, когда дорога земляная; она хоть грязна, да мягка; ѣхать и пріятно, и здорово; а камень, камень только спину отобьетъ.

— Да пожалуй себѣ, если встрѣчу, то скажу ему, что вы умираете; но не въ томъ, батенька, у меня дѣло; а вотъ видите: нѣсколько недѣль тому назадъ бѣжала у меня жена....

— Невиноватъ я, благодѣтель мой, ей-ей невиноватъ, перебилъ Соплюнъ. Вотъ хоть сейчасъ повальный обыскъ, такъ не боюсь. Вотъ хоть сейчасъ, благодѣтель мой, погляди либо въ ту, либо въ эту кучу, ей ей ничего не найдешь. Однимъ словомъ, что я невиноватъ.

— Да я и не думалъ винить васъ, добрѣйшій Сидоръ Акакіевичъ; я хочу только въ нѣкоторомъ родѣ освѣдомиться о томъ, что не проѣзжалъ ли здѣсь на дняхъ экипажъ на тройкѣ лошадей съ тремя пассажирами, изъ которыхъ двѣ особы мужескаго и одна женскаго пола?

— И, благодѣтель мой, да я какъ самъ себя помню, такъ никто не проѣзжалъ мимо насъ на тройкѣ. На парѣ даже никто не проѣзжалъ. Вѣдь я и родился и выросъ здѣсь—все бы замѣтилъ; а можетъ если когда кто и проѣхалъ, такъ безъ меня, потому что тридцать лѣтъ тому назадъ я отлучался изъ дому: здѣсь по сосѣдству ѣздилъ сало покупать; — да то вѣдь давно, тридцать лѣтъ будетъ слишкомъ.

— Ну, такъ не проходили ли, быть можетъ, пѣшкомъ тѣ самыя особы мимо имѣнія вашего?

— А кто ихъ знаетъ, можетъ и проходили; вѣдь у насъ не разберешь, кто проходитъ—мужикъ или баба. Можетъ и проходили.

— А нѣтъ ли у васъ въ сосѣдствѣ этакого умнаго человѣка, который бы, примѣрно, могъ понять это дѣло и сообщить о немъ какія нибудь свѣдѣнія?

— Эхъ ва, благодѣтель мой! Да вѣдь умнѣе-то меня, кажись, нѣту, право нѣту.

— Ну, а вы такъ-таки ничего и не скажете мнѣ насчетъ этого, добрѣйшій Сидоръ Акакіевичъ?

— А чтожъ мнѣ сказать вамъ? Вотъ кабы вы мнѣ привезли изъ города очки, такъ я все же получше могъ бы видѣть; тогда бы я сказалъ вамъ что нибудь, право сказалъ бы; а теперь такъ не могу. Вы сами видите слабость мою и нездоровье; а если привезете очки, тогда я ужъ всю подноготную вамъ, благодѣтель, открою. Я ужъ такой, что если захочу, то непремѣнно сдѣлаю; это ужъ такой у меня настойчивый характеръ.

Иванъ Ивановичъ обѣщалъ привезти Соплюну очки, но смѣкнувъ, что отъ него ничего на счетъ побѣга жены не вывѣдаешь, перевелъ разговоръ на другую тему, а именно: задалъ вопросъ Сидору Акакіевичу, почему это въ его Кочергѣ такая непроходимая грязь?

— А это благодать божія, отвѣчалъ Соплюнъ; Господь Богъ не захотѣлъ изнурять меня при старости лѣтъ лишними трудами, такъ вотъ и направилъ всю водицу къ моему жилищу. Ленъ ли мочить, просто ли напиться захочется — все знаете, тутъ же подъ руками: это именно божія благодать!

— Но не лучше ли бы было вамъ мочило вырыть гдѣ нибудь подальше, а здѣсь прорыть бы канаву и осушить немного; все бы было пріятнѣе; покрайней мѣрѣ скоту было бы лучше, не тонулъ бы онъ въ грязи на улицѣ.

— Нѣтъ, ужъ мой скотъ привыкъ, такъ знаете, самъ и лезетъ въ грязь: должно быть теплѣе въ грязи. Вотъ хотя бы я самъ, ужъ человѣкъ, а не скотъ, а и то ужасно не люблю чистаго бѣлья. Холодъ, знаете, такой охватитъ, какъ надѣнешь чистую рубаш-

ку, что зубъ на зубъ не попадетъ. А вотъ та же самая рубашка черезъ мѣсяцъ другой какъ пообносится, да позаносится, — и мягче и теплѣе становится.

— Но вѣдь скоту, знаете, вредна неопрятность такая.

— А хоть бы что: если мнѣ не вредна, такъ почему же скоту-то вредна. Атожъ вонъ, поглядите-ка на борова, ишь, какъ негодяй залезъ въ грязь, по самыя уши! Вотъ онъ тамъ по цѣлымъ днямъ пропадаетъ, а небось жиренъ, именно какъ свинья; да знаете ли, что я самъ хотѣлъ бы быть на его мѣстѣ. Вѣдь здоровье, благодѣтель мой, не послѣдняя штука.

Иванъ Ивановичъ, увидя, что и здѣсь взгляды ихъ расходятся, снова перемѣнилъ нить разговора и затронулъ нѣкоторымъ образомъ ученые предметы.

— А вотъ вѣдь въ послѣдніе годы англичане, знаете, изобрѣли такія эхидныя зелья, что всѣхъ рѣшительно насѣкомыхъ можно отравлять ими: и блохъ, знаете, и клоповъ, и даже тараканов. Должно быть хитрый народъ эти англичане.

— А они, благодѣтель мой, собаки—если они выдумали эхидныя зелья на тварь божію. Вотъ я такъ совсѣмъ не таковъ. Я человѣкъ добродѣтельный и покровительствую всѣмъ тварямъ. Вотъ прислушайтесь, какъ жужжатъ тамъ въ углу, прислушайтесь,—это все мои питомцы, наперстники мои жужжатъ тамъ, благодѣтель мой.

— Но все-таки, если бы этакъ, поуменьшить нѣкоторыхъ изъ нихъ—хоть бы, напримѣръ, клоповъ, все-таки было бы лучше. Вѣдь они кусаютъ же васъ?

— Такъ чтожъ, что кусаютъ? За то и я ихъ подчасъ кусаю; иной разъ нечаянно, знаете, и проглотишь даже; а чаще, такъ, для забавы, возьму раскушу и сплюну. Тараканы, знаете, особливо тѣ, которые посивѣе, даже довольно вкусны.

Алексѣй Терентьичъ, услышавъ эти слова, поморщился и плюнулъ, а Иванъ Ивановичъ, не найдя болѣе матеріи для разговора, началъ откланиваться Сидору Акакіевичу.

— А я, знаете, только что хотѣлъ попотчивать васъ кашкою. Преславная, знаете, кашка: вкусна и сытна, только что тварей вѣрно много понабралось туда; я ихъ каналей выберу и кашку мы все-таки съѣдимъ съ вами. И, говоря эти слова, Сидоръ Акакіевичъ нагнулся и вытащилъ рукою изъ печки черепокъ съ кашею. Но въ черепкѣ кашки не оказалось, а вмѣсто кашки изъ него выскочили три крысы и мигомъ скрылись въ одной изъ кучъ мусора.

— Эхъ канальи длиннохвостыя! проворчалъ сердито Сидоръ Акакіевичъ, — а вотъ уже я васъ котомъ попотчую — уже я васъ мурлыкою! И, бранясь на крысъ, Сидоръ Акакіевичъ совершенно позабылъ о гостяхъ. Онъ кричалъ дискантомъ кисъ, кисъ, кисъ и весь былъ погруженъ мыслію въ предстоящую травлю, гдѣ долгохвостыя канальи навѣрно будутъ истреблены мурлыкою.

— И такъ до свиданія, почтеннѣйшій Сидоръ Акакіевичъ! произнесъ Иванъ Ивановичъ, надѣвая свою соломенную шляпу.

— Прощайте, благодѣтель, прощайте! Да не забудьте насчетъ дороги-то сказать засѣдателю. Скажите, молъ, что старикъ Соплюнъ почти что умеръ; да растолкуйте ему, благодѣтель мой, что грязная дорога невпримѣръ лучше мощеной: она и мягче, и спины не ломаетъ; ибо камень не чета грязи. Камень тварь твердая и злая, а грязь — тварь мягкая и пріятная.

Иванъ Ивановичъ обѣщалъ непремѣнно передать это прислучаѣ засѣдателю, а самъ болѣе всего старался покрѣпче уцѣпиться за веревку, чтобы спуститься благополучнѣе съ крыльца соплюновскаго на землю и не оступиться бы внизъ на лѣво.

Пѣганка и Савраска, увидѣвъ своихъ господъ, заржали отъ удовольствія, потому, что стоя по колѣно въ грязи, сильно продрогли. Впрочемъ, покамѣстъ они вынесли своихъ всадниковъ изъ грязей кочергинскаго двора, — успѣли уже порядочно согрѣться: Савраска вспотѣлъ, а Пѣганка, какъ существо менѣе сильное, даже взмылилась. Герои наши очень были довольны, когда

выбрались изъ села на твердую почву, гдѣ и ѣхать и дышать было несравненно пріятнѣе.

Прошло еще нѣсколько дней въ пути и они уже въѣхали въ петербургскую губернію. Наступилъ и октябрь мѣсяцъ. Дорога обильно была усыпана листомъ и морозъ пощипывалъ за носъ. Герои наши увидѣли, что если они будутъ слишкомъ долго пробавляться дорогою, то запоздаютъ и на пути ихъ подхватитъ сильный морозъ; а верхомъ въ соломянной шляпѣ или въ какомъ нибудь зеленомъ подрясникѣ, даже и безъ мороза, бывало, прохладно. И вотъ, вслѣдствіе страха наступающей зимы, Пѣганка съ Савраскою должны были прибавить шагу и вкусить рыси, а иногда даже и галопу. Сначала они оба, какъ непривычные къ скорой ѣздѣ, спотыкались, но потомъ пообошлись, и дѣло пошло наладъ. Каждый божій день давали верстъ шестьдесятъ и болѣе; заѣзжали въ окрестныя селенія для сбора свѣдѣній о потерянной Дунѣ не надолго и потому вообще подвигались впередъ скоро. Наконецъ заслышали они, что и Питеръ уже не далеко—какихъ нибудь верстъ восемьдесятъ, не болѣе. Потолковавъ между собою, Иванъ Ивановичъ и Алексѣй Терентьевичъ рѣшили, что теперь уже спѣшить слишкомъ не къ чему и что даже можно заѣхать опять къ какому нибудя помѣщику на обѣдъ и похлебать тамъ теплаго варева. Имъ чрезвычайно хотѣлось теплаго варева, потому что уже нѣсколько дней сряду они пребывали на одномъ сухоядепіи.

Сказано—сдѣлано. Первое попавшее имъ послѣ этого совѣщанія имѣніе лежало по правую сторону отъ шоссе и на взглядъ было чрезвычайно обширно. Но болѣе всего нашихъ героевъ поразило именно то, что это селеніе было обнесено вокругъ крѣпчайшимъ заборомъ, а въ нѣкоторыхъ мѣстахъ даже каменною стѣною. Тамъ, гдѣ въ оградѣ попадались куски каменные, можно было видѣть тутъ же пристроенную каменную вышку, что то въ родѣ бойницы съ амбразурами, каланчею или обсерваторіею. Въ сторонѣ, обращенной прямо къ шоссе, находились огромныя

тріумфальныя ворота, съ такимъ исполинскимъ гербомъ, что этотъ гербъ совершенно ясно можно было разсматривать верстъ за десять до самаго имѣнія. Въ вышеупомянутыхъ бойницахъ, кое гдѣ дѣйствительно мелькали прозоры, а на вершинѣ каждая почти имѣла по стекляной бесѣдкѣ, или по крайней мѣрѣ по высочайшему шпилю. Кругомъ всей ограды была выкопана глубочайшая, въ родѣ рва, канава и нарытъ насыпной валъ. Со стороны болѣе ничего нельзя было разсмотрѣть во всемъ селеніи; но когда Иванъ Ивановичъ съ Алексѣемъ Терентьевичемъ въѣхали за стѣну на дворъ, то они увидѣли по правую руку садъ, а по лѣвую постройку. Садъ этотъ состоялъ по большинству изъ какихъ-то заморскихъ растеній, былъ довольно обширенъ, имѣлъ огромную оранжерею, множество прудовъ и бесѣдокъ, а по срединѣ его находилось огромное рѣшетчатое, въ родѣ клѣтки строеніе, наполненное зайцами, кроликами, гусями, утками, воронами, бѣлками и тому подобными мелкими животными. Подъ крышею висѣла надпись: «зоологическій садъ» на четырехъ языкахъ: русскомъ, французскомъ, нѣмецкомъ и англійскомъ. Дорожки извивались по саду довольно затѣйливо и выписывали какіе-то вензеля. Какіе именно—этого Иванъ Ивановичъ не разобралъ, потому что ему захотѣлось также обозрѣть и постройку. Постройка тоже отличалась причудливостью формъ. Попадались такія строенія, какимъ Иванъ Ивановичъ даже не умѣлъ дать и названія. Одно, напримѣръ, было каменное съ множествомъ окошечекъ и безъ крыши, а другое напротивъ совершенно не имѣло оконъ и все состояло изъ одной крыши, поставленной на землю. Скотные дворы всѣ укрѣплялись въ красныхъ кирпичныхъ столбахъ, и что всего страннѣе—были двухъэтажные. Въ нижнихъ этажахъ по раздававшемуся мычанію можно было заключить, что тамъ помѣщался крупный рогатый скотъ, а на верхнихъ этажахъ блеяли овцы и козы. Лѣстница на верхній этажъ вела амфитеатромъ и была довольно затѣйливо выстроена. Самый же барскій

домъ имѣлъ V—образную форму и навѣрное бы упалъ при первомъ вѣтрѣ, если бы его не подпирали съ четырехъ угловъ крѣпкіе столбы. Будь этотъ домъ Ивана Ивановича, онъ бы его сейчасъ перевернулъ вверхъ дномъ и жилъ бы несравнено покойнѣе, чѣмъ въ домѣ V—образной формы. Но владѣлецъ этого имѣнія должно быть любилъ вычурность и мало того, что выстроилъ себѣ для жилья такой домъ, но даже и конюшни, и псарни, и кухня у него были такой же V—ной формы. Ижица барскаго дома однако отличалась отъ ижицъ конюшни, псарни и кухни. Во первыхъ она была больше и выше, во вторыхъ, подобно фонарю, вся была въ окнахъ, въ третьихъ имѣла множество балконовъ, и въ четвертыхъ — на верху ея былъ разведенъ маленькій цвѣтникъ въ которомъ росли довольно роскошные смородовые кусты Ни одной изъ этихъ декорацій на прочихъ ижицахъ не было. Дворъ во всемъ имѣніи оказался убитымъ плитою и держался въ чистотѣ. Никакихъ животныхъ, кромѣ пары кохинкинскихъ пѣтуховъ и ярославской борзой собаки, по немъ не разгуливало. Но у этихъ трехъ животныхъ—у каждаго было на шеѣ по ожерелью. Впослѣдствіи Иванъ Ивановичъ узналъ, что и всѣ остальные скоты этого владѣльца были украшены такими же ожерельями.

А кто же былъ самъ владѣлецъ?—Это былъ молодой господинъ, лѣтъ двадцати пяти, Александръ Антоновичъ Разкудряшинъ. Александръ Антоновичъ Разкудряшинъ еще ребенкомъ проявилъ въ себѣ способность къ математикѣ и различнымъ ремесламъ и потому былъ, послѣ окончанія гимназическаго курса, опредѣленъ въ технологическій институтъ. Но вскорѣ его обуяла страсть къ астрономіи и онъ перешелъ въ университетъ, гдѣ три цѣлыхъ мѣсяца посѣщалъ лекціи математическаго факультата. Въ это время онъ какъ-то познакомился съ молодымъ докторомъ, который увлекъ кудряваго юношу Разкудряшина своими разсказами о пріятной практикѣ—врачевать душевныя болѣзни хорошенькихъ дѣвушекъ паціентокъ, и Разкудряшинъ нашъ, не долго думая, пере-

шелъ на медицинскій факультетъ. Однако ему не суждено было сдѣлаться и медикомъ. Клиника надоѣла ему еще болѣе, чѣмъ пулковская обсерваторія и вотъ онъ, послѣ нѣкотораго размышленія, пришелъ къ тому заключенію, что благоразумнѣе всего въ нашъ практическій вѣкъ—ему, какъ помѣщику, сдѣлаться агрономомъ. Сдѣлался онъ и агрономомъ. Но призваніе къ хозяйству разомъ было подкошено въ немъ стремленіемъ къ искусствамъ живописи и музыки. Разкудряшинъ бросилъ книги и битыхъ три года просидѣлъ съ кистью въ пальцахъ и со смычкомъ въ рукѣ. Когда же онъ замѣтилъ, что ни живопись, ни музыка не поддаются ему, то рѣшился попробовать развить въ себѣ иныя способности, а именно аккробатическія; и съ этою цѣлію пристально началъ заниматься гимнастикою. Но этомъ поприцѣ дѣятельности Разкудряшинъ обнаружилъ, къ чести его, большіе таланты и успѣхи, но къ несчастію сломалъ себѣ ногу. Сломавши ногу, онъ переѣхалъ въ свое имѣніе (родители его умерли еще прежде) и, обуяемый славолюбіемъ, началъ подготовлять себя въ министры и всею своею душею погрузился съ одной стороны въ политику, а съ другой стороны въ псовую охоту. Этихъ двухъ спеціальностей Александръ Антоновичъ, придерживался именно въ то время, когда посѣтилъ его Иванъ Ивановичъ. А чтобы ужъ знали читатели и конецъ жизни Александра Антоновича Разкудряшина, то я скажу вамъ, что я его недавно встрѣтилъ монахомъ монастыря. По его словамъ — *духовною жаждою онъ взалкалъ* болѣе, нежели всѣми прежними жаждами къ наукамъ и искусствамъ и что только въ одномъ монастырѣ онъ нашелъ именно успокоеніе для своего выспренняго духа!...

Иванъ Ивановичъ, подъѣхавъ къ барскому дому, и соображаясь съ обстановкою Таратаращина-села Александра Антоныча, заключилъ, что самъ помѣщикъ должно быть человѣкъ *ходкій* и поэтому посовѣтовалъ опять Алексѣю Терентьичу не показываться въ барскіе покои. Самъ же, стряхнувъ съ себя пыль, от-

правился розыскивать помѣщика. Но помѣщикъ самъ предупредилъ его. Онъ вышелъ на встрѣчу къ Ивану Ивановичу и привѣтливо пригласилъ его войти въ комнату, гдѣ совершенно кстати уже былъ накрытъ обѣденный столъ и паръ валилъ столбомъ изъ суповой вазы. Хозяинъ тотчасъ же попросилъ гостя отобѣдать съ нимъ. Гость съ удовольствіемъ согласился и оба они по пріятельски сѣли за столъ.

— Вотъ не угодно-ли будетъ вамъ Иванъ Ивановичъ лыточку отъ кохинкинскаго пѣтуха! У меня эти кохинкинскіе пѣтухи прекрасно ведутся и превкусные; стоитъ только, знаете, покармливать ихъ на зарѣ пшеницею, смоченною медовою сытою и пѣтухи жирѣютъ съ необыкновенною быстротою. Этими словами Александръ Антонычъ началъ разговоръ.

— Покорнѣйше благодарю Александръ Антонычъ! Но вмѣсто лыточки ужъ побезпокойтесь мнѣ положить лучше вонъ ту часть, что въ родѣ пуговочки.... она пожирнѣе. А я вѣдь малороссъ — люблю сальце.

— Да я и самъ люблю малороссійское сало; я даже прошлаго года выписалъ изъ Малороссіи дюжину свиней съ цѣлію откормить ихъ у себя въ Таратаращинѣ на малороссійскій ладъ; — да немножко, знаете, не удалось. Гнали свиней не вѣжливые погонщики и попробили нѣкоторымъ изъ нихъ насквозь бока. Я тутъ сейчасъ же послалъ, знаете, за ветеринаромъ, въ аптеку, туда-сюда, — консиліумъ изъ врачей устроилъ даже по этому предмету и все ни къ чему не повело. Свиньи все-таки переоколѣли.

— А вы бы, Александръ Антонычъ, помазали бы раны маслицомъ. Отъ маслица какъ рукою сняло бы.

— Да вѣдь масло-то у меня сбивается въ особенной новоустроенной американской маслобойкѣ; всегда выходитъ на видъ прекрасное, но отзывается нѣсколько кислотами; поэтому я и поостерегся употребить его. А что касается самой идеи—то идея эта родилась тогда въ моей головѣ тотчасъ же.

— А позвольте узнать, какъ въ вашихъ странахъ дороги эти кохинкинскія куры?

— У меня, Иванъ Ивановичъ, онп искони вѣковъ разводятся въ зоологическомъ саду моемъ. Я, знаете, въ нѣкоторомъ родѣ зоотехникъ и люблю заниматься разведеніемъ домашнихъ животныхъ. Вотъ напримѣръ.... — Эхъ жаль, что вы не заѣхали днемъ раньше. Вчера, напримѣръ, у меня околѣла доморощенная овца. Что за овца была! Шерсть, знаете, нѣжнѣе пуха, а длиною въ цѣлую четверть была. Во всей Петербургской губерніи навѣрное не было ни у кого такого мериноса.

— Такъ значитъ и овцу вы воспитывали въ томъ, вашемъ зоологическомъ саду?

— Да, частью тамъ, а частью въ своемъ кабинетѣ. Славное было животное!

— Ну, а быки у васъ хороши?

— Холмогорскіе все; быки славные, да впрочемъ и не мудрено. Я вѣдь кормлю свой скотъ по новой методѣ. Кормлю я его яблоками и отваренным картофелемъ. А сѣна, либо соломы даю изрѣдка только. Пою же постоянно костянымъ отваромъ, или, такъ сказать, въ нѣкоторомъ родѣ, вотъ такимъ же какъ этотъ, супомъ.

— А супъ этотъ, доложу я вамъ, Александръ Антонычъ, чрезвычайно вкусенъ, — супъ этотъ необычайно вкусенъ.

— У меня стряпаетъ греческій поваръ; но вѣдь я и самъ кухмистеръ; въ особенности жженку или что либо подобное великолѣпно приготовляю.

Въ это время принесли гороховый соусъ.

— Вотъ не правда ли, началъ хозяинъ, что знать агрономію — это необходимое дѣло для сельскаго хозяина. Вотъ не будь я агрономъ (а я, Иванъ Ивановичъ, между прочимъ, отличный агрономъ) — этакихъ стручковъ никогда не выросло бы въ Таратаращинѣ. Сѣмена этого гороха, знаете, я выписывалъ изъ Москвы.

Самъ сѣялъ, самъ и поливалъ по правиламъ науки — особенною химическою жидкостью. За то ужъ и горошекъ вышелъ — мое почтеніе! На зубъ, знаете, такой жесткій, зерно полное и стручекъ исполинъ. Вотъ не хотите-ли я вамъ еще положу стручечекъ?

Но у Ивана Ивановича на тарелкѣ уже лежало пять стручковъ, а шестаго положительно помѣстить было не куда. Поэтому онъ поблагодарилъ хозяина и отказался.

— У меня, знаете, всѣ культурныя растенія — всѣ они, такъ сказать, не вульгарныя, а породистыя. Рожь я сѣю арнаутку, пшеницу тяжеловѣску, овесъ одногривый, ячмень, горохъ, чечевицу, картофель, клеверъ, вику и все это остальное — тоже у меня породистое, а особенно картофель. Картофель мой даже достигаетъ иногда пятивершковаго размѣра. Ну и при этомъ бываетъ отличнаго вкуса и весьма различныхъ цвѣтовъ: розовый, палевой и просто картофельнаго цвѣта.

— А вика — вы изволили упомянуть, что это за растеніе — вика?

— А это, знаете, такой мышиный горошекъ, изъ одного семейства съ клеверомъ и люцерною — отличнѣйшая кормовая трава для овецъ.

— И хорошо она произрастаетъ у васъ?

— О, преотлично! Впрочемъ, признаться, я еще ее и не сѣялъ, но намѣреваюсь непремѣнно посѣять. Вотъ стоитъ только мнѣ сдѣлать нѣсколько метереологическихъ и астрономическихъ наблюденій — опредѣлить предстоящія погоды, составить нѣкоторыя соображенія и я непремѣнно посѣю вику.

— А вы и астрономіею занимаетесь, Александръ Антонычъ?

— Да, я знаете-ли — Иванъ Ивановичъ — второй Ньютонъ! Вы не смотрите, что я живу здѣсь въ захолустьѣ и высматриваю медвѣдемъ, а въ сущности-то дѣло совсѣмъ иначе. Вотъ взойдите-ка только на мою обсерваторію — вонъ видите ту башню, что

налѣво, вотъ взойдите-ка только на обсерваторію и взгляните на мой телескопъ и тѣ астрономическія карты, которыя недавно самъ я составилъ—такъ вы поймете, что умъ мой далеко не коснѣетъ здѣсь въ захолустьѣ, а такъ сказать — тамъ (при этомъ Александръ Антонычъ указалъ пальцемъ вверхъ) — тамъ въ поднебесномъ пространствѣ витаетъ....

— Ну и поэтому значитъ, вы всѣ свѣтила и планеты и кометы знаете, Александръ Антоновичъ?

— Всѣ до одной; да мало этого: ужъ такъ и быть я открою вамъ по секрету, почтеннѣйшій Иванъ Ивановичъ, только чуръ-прежде дайте честное слово, что никому ни слова до поры до времени о моей тайнѣ.

Иванъ Ивановичъ тотчасъ же далъ честное слово, а Александръ Антонычъ началъ полушепотомъ:

— До сихъ поръ, знаете, воображали, что въ созвѣздіи медвѣдицы всѣ звѣзды извѣстны. А я, знаете, просто съ помощью своего телескопа самымъ осязательнымъ образомъ открылъ цѣлыхъ пять планетъ; вѣдь подумайте, открылъ пять планетъ — я самъ и совершенно новыхъ...

Иванъ Ивановичъ сильно изумился и разкрылъ даже уста.

— Кромѣ этого, я совершенно точно высчиталъ пертурбаціи спутниковъ Юпитера и опредѣлилъ пути трехъ кометъ, — одна изъ нихъ будетъ даже съ двумя хвостами.

— Фу, какіе страсти говорите вы, Александръ Антонычъ! произнесъ Иванъ Ивановичъ.

— И одна изъ кометъ пройдетъ воздушную сферу земли.

— Ахъ ты, Господи!... А когда-же это будетъ, Александръ Антонычъ? Если очень станетъ опасно, такъ ужъ я, знаете, въ погребъ залезу; все думается, что оттуда она не вымететъ меня хвостомъ своимъ.

— О, не безпокойтесь, съ самодовольною улыбкою, говорилъ

Разкудряшинъ; у этой кометы даже и хвоста не будетъ, а если и будетъ, то навѣрное будетъ обращенъ къ зениту, а не къ землѣ.

Иванъ Ивановичъ ободрился послѣ этихъ словъ и, подстрекаемый любопытствомъ, сдѣлалъ еще нѣсколько вопросовъ Разкудряшину о томъ, что обитаютъ ли какія либо существа на тѣхъ кометахъ и планетахъ, которыя открылъ онъ или нѣтъ, и если обитаютъ, то такія-ли, какъ у насъ землѣ, или совершенно иныя и что не замѣтилъ-ли онъ на которой нибудь изъ нихъ экипажа съ тремя пассажирами: двумя мужскаго и однимъ женскаго пола.

— Чтобы отвѣтить на все это, сказалъ Разкудряшинъ, слѣдуетъ еще сдѣлать нѣсколько наблюденій. А позвольте же узнать, Иванъ Ивановичъ, почему это собственно вы сдѣлали предположеніе о существованіи на мною вновь открытыхъ планетахъ экипажа съ тремя пассажирами?

— А у меня, Александръ Антонычъ, сказать вамъ по правдѣ, недавно бѣжала жена — съ однимъ молодымъ человѣкомъ; и такъ какъ уже, послѣ цѣлаго мѣсяца моихъ личныхъ поисковъ и полицейскихъ публикацій по своей Россійской имперіи и инымъ многимъ землямъ (о чемъ я просилъ двухъ почтенныхъ почмейстеровъ), ея не оказалось, то я и принужденъ предполагать, что она находится гдѣ нибудь внѣ земли.

Александръ Антонычъ снова самодовольно улыбнулся и отвѣтилъ Ивану Ивановичу такъ:

— Нѣтъ вы ошибаетесь, Иванъ Ивановичъ, предполагая жену вашу внѣ земли; она непремѣнно на землѣ, и знаете что я думаю? Вѣдь въ настоящее время Россія чрезвычайно быстро усиливается; Французская имперія да Британское королевство — сказать между ними — совершенно отощали; Отоманскую-же порту просто однимъ щелчкомъ можно выбить изъ Европы и отправить куда нибудь, хоть себѣ на незаселенные острова Тихаго океана. Вотъ вслѣдствіе такого положенія дѣлъ Западная Европа, знаете, при сознаніи своего безсилія и предчувствуя, что исполинъ-Россія однимъ пер-

стомъ своимъ разомъ можетъ нарушить политическое равновѣсіе, очень можетъ быть возъимѣла намѣреніе подорвать Россію въ финансовомъ отношеніи. Вотъ съ этою цѣлью, знаете, она и могла подослать въ Россію тайныхъ агентовъ, которымъ вѣроятно дано порученіе похищать женъ у богатыхъ русскихъ помѣщиковъ. Западная Европа при этомъ, очень быть можетъ, имѣетъ въ виду, что наша государственная казна—предложитъ огромную сумму за выкупъ похищенныхъ женъ и тѣмъ подорветъ свой кредитъ. Но западная Европа ошибется. Я первый войду по этому дѣлу въ министерство финансовъ съ проэктомъ и ясно разкрою эту тупоумную хитрость враговъ нашихъ!

— Изъ вашего разговора заключаю я, что вы весьма тонкій полотикъ, замѣтилъ Иванъ Ивановичъ.

— Да вѣдь я готовлю себя въ министр.... въ гражданскую службу: при посольствѣ думаю служить. Мнѣ вѣдь и необходимо знать политику и поэтому-то я ею въ настоящее время такъ и занимаюсь. У меня, скажу между нами, есть уже нѣсколько совершено новыхъ проэктовъ на счетъ нѣкоторыхъ преобразованій внутри самаго государства. Я, знаете, преобразовываю всѣ рѣшительно наши министерства и если дѣло преообразованія пойдетъ успѣшно, то я предложу мои проэкты и другимъ государствамъ?

— И скоро начнется такое преобразованіе.

— А вотъ только дожидаю, чтобы поправиться немного здоровьемъ; выздоровлю и сряду-же поѣду въ Питеръ — подамъ на службу и проэкты представлю.

— А позвольте узнать, какою болью всего болѣе страдаете вы, Александръ Антоновичъ? Судя по вашему лицу вѣдь желудокъ у васъ, мнѣ кажется, въ порядкѣ; я такъ, напримѣръ, все болѣе на желудокъ жалуюсь.

— Нѣтъ, у меня, Иванъ Ивановичъ, вовсе не желудокъ болитъ. А у меня постоянный шумъ въ ушахъ, должно быть воспаленіе барабанной перепонки. Я, знаете, постоянно занимаюсь музыкою.

Недавно я окончилъ изучать скрыпку; сдѣлавшись на ней почти что артистомъ теперь я стану изучать флейту. Ну, а вѣдь звуки скрыпки, особенно если аккордъ струнъ не хорошъ, если напримѣръ струны не итальянскія и квинта будетъ нѣсколько разтрепана — эти звуки ужасно рѣжутъ ухо. Къ тому-же нѣкоторые пьэсы, въ родѣ напр. Роберта-дьявола, имѣютъ, въ иныхъ мѣстахъ, ужасно быстрыя варіяціи, трудныя даже для выполненія.

— Какъ это позвольте узнать—я немножко глухъ на ухо; мнѣ послышалось, что вы сказали что-то о дьяволѣ.

— Да піеса Робертъ-дьяволъ: я сказалъ, что это чрезвычайно трудная піеса....

— А дьяволовъ, Александръ Антонычъ я думаю вовсе нѣтъ на свѣтѣ? спросилъ съ любопытствомъ Иванъ Ивановичъ.

— Да дѣйствительно ихъ совершенно нѣтъ; но вотъ Моцардъ, Бетховенъ—великій Бетховенъ тоже довольно трудноисполнимы. Впрочемъ моя скрыпка чрезвычайно отчетлива. Ей уже около полутораста лѣтъ даже будетъ.

— Удивительно, замѣтилъ Иванъ Ивановичъ, какъ это она не изгнила. Вѣдь вотъ кусокъ дерева, тотъ напримѣръ въ лѣтъ десять можетъ изгнить.

— А скрыпка, Иванъ Ивановичъ, совершенно иначе. Скрыпка чѣмъ старѣе, тѣмъ становится лучше; моя напримѣръ имѣла самый чистый тонъ; жаль что недавно треснула и начала дребезжать. Вотъ послѣ этого и заболѣло у меня правое ухо.

— А вы бы доктора попросили.

— Да вѣдь я самъ отличный докторъ. По крайней мѣрѣ изъ тѣхъ врачей, которыхъ я только знаю, я самый лучшій; я самъ понимаю, что совѣтоваться съ ними мнѣ будетъ совершенно излишне; я знаю, что здоровье можетъ поправить только итальянскій климатъ. Вотъ я и думаю отправиться въ Италію по веснѣ. Полечусь, знаете, немного да въ искусствѣ живописи поусовершенствуюсь.

— А вы и живописью занимаетесь?

— Да, я порядочный живописецъ. Вотъ на слѣдующій годъ пошлю на выставку въ Академію Художествъ свою картину:—отличная будетъ картина, это вы сами увидите; съ завтрашняго-же дня примусь за нее.

— А что будетъ изображено на этой картинѣ?

— Объ этомъ я еще подумаю. Впрочемъ мнѣ кажется, что я напишу охоту. Пару борзыхъ—мои собственные будутъ служить моделью, въ преспективѣ—заяцъ вода, луна и т. д. Вообще я особенно хорошо подвожу колоритъ тѣней. Вотъ напримѣръ этотъ англійскій лордъ, что вы видите тамъ на стѣнѣ;—онъ еще безъ головы, потому что я его не окончилъ; но замѣтьте, какъ хорошо расположены тѣни! Или вотъ этотъ ландшафтикъ, писанный акварелью, не правда-ли, какъ естественна тамъ заря?

Иванъ Ивановичъ похвалилъ картины, хотя собственно не могъ различить, которая изъ нихъ изображала безголоваго англійскаго лорда и которая изображала ландшафтъ. Дѣйствительно и лордъ и ландшафтъ, были очень похожи другъ на друга.

— Вотъ я и думаю провести въ Италіи одно лѣто. Излѣчу тамъ воспаленіе барабанной перепонки въ ухѣ, побесѣдую съ опытнѣйшими докторами и поусосершенствуюсь въ живописи.

— Ну, а въ государственную службу значитъ ужъ послѣ возвращенія вступите?

— Да, ужъ это тогда, потомъ. А теперь не хотите-ли, Иванъ Ивановичъ, для моціона послѣ обѣда потравить зайцевъ. Борзыя у меня вострыя, кони легкіе, погарцуемъ немножко!

— Эхъ, Александръ Антонычъ, гдѣ мнѣ гарцовать! Я и такъ отбилъ уже себѣ.... Знаете почти все распухло:—боль смертельная.

— А я, погарцовавши, дамъ вамъ такой мази, что какъ рукою все сниметъ. Вѣдь я докторъ, обманывать васъ не стану.

— Нѣтъ ужъ благодарю васъ за приглашеніе; вы себѣ отправляйтесь травить зайцевъ, а мнѣ позвольте тоже отправить-

ся по своему пути. Хотѣлось-бы завтра къ вечеру въ Питеръ.

— Да поспѣете, еще поспѣете, не торопитесь Иванъ Ивановичъ; а лучше останьтесь у меня денька на два. Денекъ мы погарцуемъ, а другой я васъ полѣчу.

— Нѣтъ, благодарю, душевно благодарю васъ, Александръ Антонычъ, и если вы позволите мнѣ воспользоваться въ нѣкоторомъ родѣ вашимъ ко мнѣ благорасположеніемъ, то это ужъ тогда, когда будете находиться въ государственной службѣ. Тогда я надѣюсь, что, преобразовывая государство Россійское, вы вѣроятно улучшите организацію полиціи и вообще будете содѣйствовать мнѣ въ отысканіи супруги.

— О, будьте увѣрены въ этомъ; организація полиціи по моему проекту будетъ организація самая строгая и раціональная; ужъ будьте увѣрены, что тогда супруга ваша розыщется въ самомъ короткомъ времени.

— А за тѣмъ позвольте мнѣ заявить вамъ мое почтеніе, сказалъ раскланиваясь Иванъ Ивановичъ.

— Прощайте, прощайте, любезный Иванъ Ивановичъ, говорилъ обнимая Ивана Ивановича, Александръ Антоновичъ. Впередъ не забывайте меня. Въ другой разъ, какъ заѣдете ко мнѣ, я сведу васъ на обсерваторію, сведу васъ въ оранжерею, покажу вамъ мою аптеку, мой агрономическій кабинетъ, прочту вамъ мои проекты, покажу картины, поиграю вамъ на скрипкѣ.... о, тогда вѣрно мы еще болѣе подружимся съ вами!

— Непремѣнно, непремѣнно заѣду, говорилъ Иванъ Ивановичъ, взбираясь на Пѣганку.

— Да погостите у меня цѣлую недѣльку,—цѣлую недѣльку погостите у меня; я вамъ очень много сообщу интереснаго и изъ политики, знаете, и изъ астрономіи.

— И погощу, непремѣнно погощу, говорилъ Иванъ Ивановичъ, раскланиваясь и выѣзжая на дорогу.

Александръ Антоновичъ еще подчивалъ Ивана Ивановича тому подобными обѣщаніями и тогда даже, когда этотъ уже довольно далеко отъѣхалъ отъ дома. Иванъ Иановичъ хотя не разслышалъ ниодного изъ нихъ, но въ отвѣтъ снялъ свою шляпу и крикнулъ нѣсколько разъ «благодаренъ—и съ удовольствіемъ». Потомъ онъ обратился частью самъ къ себѣ, а частію къ Алексѣю Терентьевичу, съ слѣдующими словами:

— Соплюнъ хотя и говорилъ, что умнѣе его во всемъ околодкѣ нѣтъ человѣка; но хотя бы это было и справедливо то все таки, что касается до Разкудряшина, то этотъ во сто разъ умнѣе самого Соплюна; и если въ Питерѣ всѣ люди такъ умны, какъ этотъ Разкудряшинъ, то навѣрное въ очень скоромъ времени Россія завоюетъ цѣлый свѣтъ и Авдотья Парамоновна моя будетъ непремѣнно розыскана.

На другой день утромъ герои наши пріѣхали въ Петербургъ.

ГЛАВА X.

To be, or not to be?

Пока Иванъ Ивановичъ ознакомляется съ Питеромъ, мы оглянемся назадъ и скажемъ нѣсколько словъ о его Дунѣ. Мы разстались съ нею въ то утро, когда Шалтаевъ на тройкѣ, въ кибиткѣ, выѣхалъ изъ Каганцевъ и поѣхалъ не на югъ и отнюдь не въ Австралію, какъ это полагалъ Иванъ Ивановичъ, но, перемѣнивъ свое намѣреніе пошататься по Малороссіи, поѣхалъ и повезъ Дуню прямехонько въ Петербургъ. Здѣсь онъ надѣялся еще скорѣе, чѣмъ гдѣ либо въ другомъ мѣстѣ, съискать себѣ доходныя занятія и хотя Малороссія заманивала его изобиліемъ всего сѣдобнаго, однако оставаться въ ней послѣ похищенія жены у такого значительнаго помѣщика, какъ Иванъ Ивановичъ Кулебякинъ, Шалтаевъ разсчиталъ не сподручнымъ. Пріѣхавъ въ Петербургъ, Григорій Ильичъ на оставшуюся отъ его путешествія, уже довольно щедушную сумму денегъ, нанялъ себѣ на Васильевскомъ островѣ квартиру, а самъ началъ искать между студентами университета выгодныхъ кондицій. Роль репетитора или вообще вольнаго учителя была самою заманчивою для него преспективою. Не смотря на свое кандидатство и съ тѣмъ вмѣстѣ право занять должность по гражданской службѣ болѣе почетную и прибыльную, Шалтаевъ предпочиталъ почему-то свободу—хотя

бы она была сопряжена съ самою суровою нуждою. Вообще Шалтаевъ какъ будто бы и рожденъ былъ вольнодумцемъ. Отъ горькаго ребячества до полной зрѣлости вся жизнь его прошла въ борьбѣ съ властями, начиная отъ нянки и кончая правленіемъ университета. Онъ былъ человѣкъ темперамента холерическаго, человѣкъ сосредоточенный. Разъ возмутившись противъ давящей его необходимости, разъ возставши противъ всякой власти, онъ вынесъ ненависть ко всему его окружающему въ душѣ своей навѣки. Не мудрено послѣ этого, что теперь, когда онъ, по его словамъ, стряхнулъ съ себя *тину законностей и повиновеній*, ему было бы уже черезъ чуръ трудно записаться въ какую нибудь канцелярію, гдѣ всякое превосходительство имѣетъ право помыкать имъ, какъ подчиненнымъ, или сдѣлаться даже учителемъ гимназіи, надъ которымъ висятъ глаза инспекторовъ, директоровъ и попечителей. Такимъ образомъ, избѣгая самомалѣйшей зависимости, Шалтаевъ на отрѣзъ отказался, когда ему студентъ товарищъ указалъ вакансію въ одномъ изъ департаментовъ. Въ другой разъ, и именно въ тотъ самой день, когда Иванъ Ивановичъ вкусно обѣдалъ въ Вертиградѣ, а у Шалтаева не было начто пообѣдать,—онъ, послѣ сильной внутренней борьбы, кусая отъ досады губы, отправился наконецъ искать покровительства у превосходительства; но въ сѣняхъ у превосходительства стоялъ швейцаръ, который безъ церемоніи попросилъ Шалтаева утереть почище ноги и подождать въ прихожей. Шалтаевъ сжалъ кулакъ, плюнулъ въ самую густую, лѣвую бакенбарду откормленнаго швейцара и вышелъ вонъ. Между тѣмъ иныхъ кондицій не отыскивалось, а ѣсть хотѣлось по прежнему. Что дѣлать Шалтаеву?

Бѣдная Дуня! Въ первые минуты ея разлуки съ родимымъ краемъ, когда еще около ихъ кибитки разстилались каганцовскія поля и изрѣдка золотыми шарами мелькали вдалекѣ освѣщенныя восходящимъ солнцемъ окна того дома, гдѣ такъ спокойно еще почивалъ Иванъ Ивановичъ, ее давила ужасная тоска. Сердце сжима-

лось отъ тяжелаго горя, а глаза, казалось, сразу хотѣли выплакать всѣ свои слезы. Но по мѣрѣ удаленія отъ всего того, что могло напоминать ей о прошедшемъ—тоска ея начала смягчаться. Дай ей при этомъ Шалтаевъ хоть одинъ поцѣлуй, хоть одинъ привѣтливый взглядъ, и она бы съ улыбкою кинулась ему на шею. Но Шалтаевъ не любилъ бабьихъ слезъ и покамѣстъ Дуня плакала, онъ морщился и нахмурившись сидѣлъ въ самомъ углу кибитки. Только когда Дуня стала утихать, онъ взглянулъ на нее довольно пристально и спросилъ: ты взяла съ собою денегъ?— Нѣтъ, отвѣчала Дуня. Скверно! сказалъ Шалтаевъ.

Въ Петербургѣ на первыхъ порахъ Дуня забыла о грозящей имъ нуждѣ; она, какъ небывалая степнячка, сильно здѣсь зазѣвалась. Вниманіе ея было поглощено шумомъ и роскошью столицы и не усматривало того, какая скудность выпадала на ихъ долю. Она сначала не замѣтила даже насколько обѣды и чаи Питера щепетильнѣе обѣдовъ и чаевъ Малороссіи. Только черезъ нѣсколько недѣль, когда чадъ очарованія оставилъ ея голову, начала она чувствовать голодъ и начала плакать втихомолку о Каганцахъ и объ Иванѣ Ивановичѣ. Нужда, которой до сихъ поръ не знала жившая въ привольи Дуня, явилась передъ нею во всей своей импонирующей красотѣ. А разскаяваться было уже поздно; да и поможетъ ли горю одно разскаяніе?

Наконецъ средства ихъ пришли въ такое критическое состояніе, что пришлось закладывать вещи. Мало по малу гардеробъ Дуни, а потомъ и сюртукъ Шалтаева (у него ни когда небыло гардероба) перешли въ кладовыя ссудныхъ домовъ. Но деньги, полученныя за заложенное платье, были такъ незначительны въ сравненіи съ аппетитомъ Григорія Ильича и Дуни, что ихъ едва достало на нѣсколько дней. Въ одинъ изъ вечеровъ голоданія Шалтаевъ предложилъ, было, Дунѣ пойти съ нимъ вмѣстѣ и броситься съ моста въ Неву. Но Дуня отказалась отъ такого предложенія, отговариваясь боязнью грѣха—погубить свою душу, и

говорила, что она лучше пойдетъ въ прачки, чѣмъ сдѣлается самоубійцею. Шалтаевъ нахмурился, поворотилъ нѣсколько разъ мозгами и наконецъ остановился на единственномъ способѣ поддерживать собственное существованіе. Это была своего рода спекуляція. Онъ рѣшился ловить праздношатающихся собакъ, подстригать ихъ, подкрашивать, дрессировать и потомъ продавать на Невскомъ тѣмъ джентлеменамъ, которыхъ все умственное и финансовое богатство не простирается далѣе обладанія прекрасною собакою *). На слѣдующій же день въ квартирѣ Шалтаева было уже до 12-ти псовъ. Шалтаевъ съ кистью, ножнями и хлыстомъ производилъ надъ ними различныя манипуляціи, потѣлъ, не спалъ до полуночи и наконецъ добился того, чего хотѣлъ. Псы ходили на заднихъ лапкахъ и подавали поноску отлично. Продавъ трехъ изъ нихъ, онъ купилъ провизіи для себя съ Дунею и для остальныхъ питомцевъ. Такимъ образомъ Дуня занималась стряпнею, а Шалтаевъ обученіемъ псовъ. Повидимому родъ подобныхъ занятій, такъ какъ онъ не былъ связанъ уже положительно никакою зависимостію гармонировалъ съ его вкусомъ; по крайней мѣрѣ онъ ни разу не морщился во все время своей новой дѣятельности и очень быть можетъ, что не морщившись провелъ бы въ ней всю свою остальную жизнь, если бы не случилось одного попрепятствовавшаго обстоятельства, а именно: одинъ изъ его кудлатыхъ пудлей началъ грызться съ маленькою шавкою и запачкалъ только что разкрашенную ея мордочку. Шалтаевъ хотѣлъ собственноручно наказать пуделя, и только что приготовился угостить его пощечиною, какъ вдругъ пудель взъерошивается, скрежечетъ зубами и съ ужасною яростью укусываетъ ему правую руку. Шалтаевъ хотѣлъ было примѣнить тотчасъ къ дѣлу лѣвую, но та же шавка, за которую онъ заступался, впилась ему зубами и въ эту руку. Въ порывѣ

*) Какъ много такихъ джентлеменовъ встрѣтишь всякій разъ на Невскомъ!

гнѣва и подъ вліяніемъ боли Шалтаевъ пришелъ въ бѣшенство. Въ мгновеніе ока онъ вышибъ окно въ комнатѣ и повыкидалъ чрезъ него на улицу всѣхъ до одного псовъ и даже самаго благонравнаго поведенія. Но на слѣдующій же день послѣ этого событія снова нечего было обѣдать, и это именно былъ тотъ самый день, въ который Иванъ Ивановичъ прибылъ въ Петербургъ. Шалтаеву ничего болѣе не оставалось дѣлать, какъ прибѣгнуть къ самому модному въ нашей столицѣ въ подобныхъ случаяхъ средству. И вотъ между нимъ и Дунею происходитъ слѣдующій разговоръ:

— Чортъ возми, какъ мнѣ ѣсть хочется! Дуня, нѣтъ-ли тамъ у тебя чего нибудь?

— Я тебѣ третій разъ говорю, что ничего нѣтъ. За обѣдомъ ты видѣлъ, что мы все съѣли.

— А развѣ и денегъ нѣтъ?

— И денегъ нѣтъ.

— Вотъ пропасть! Да куда же это могли дѣваться деньги? Вѣдь вотъ еще совершенно недавно были деньги.

— Были, но мы ихъ проѣли.

— Ну, такъ заложи что нибудь еще изъ твоихъ дрязогъ, Дуня. Бурнусъ свой, что-ли заложи; вѣдь не умирать же намъ съ голоду.

— Если я заложу послѣдній бурнусъ, то вѣдь мнѣ не въ чемъ будетъ и на улицу выйти.

— А въ моей шинели. Обрѣжь её, чтобы была короче и ступай, куда надобно.

— Нѣтъ ужъ твою шинель какъ не обрѣзай, а она мнѣ все-таки будетъ не въ пору. Вѣдь она ужасно широка.

— Ну, такъ пойдемъ бросимся въ Неву.

— Нѣтъ, Гриша, пойдемъ лучше работать. Трудясь, мы не пропадемъ съ голода.

— Ярмо, я разъ сказалъ тебѣ, ненадѣну на шею. Вотъ найди мнѣ свободную, независимую службу — сейчасъ готовъ служить. А сдѣлаться какимъ нибудь поденщикомъ или чего еще хуже какимъ нибудь секретаремъ или журналистомъ — да это ей-ей лучше будетъ въ Неву нырнуть; право подумай, Дуня?

— Я грѣха на свою душу принимать не стану Григорій Ильичъ.

— Ну ты опять запорола прежнюю чужъ! Грѣхи еще какіе-то тамъ вспоминаетъ. Да знаешь-ли, что самый важнѣйшій грѣхъ— это противиться своей натурѣ. Натура хочетъ ѣсть, а ты ее потчуешь діэтою — вотъ это грѣхъ.

— Можетъ быть; но душу погубить свою я не намѣрена, Григорій Ильичъ.

— Ну, такъ я одинъ пойду; а тамъ вѣрнехонько и ты ко мнѣ явишься. Вѣдь сама же посуди ты: я хочу ѣсть, а ты мнѣ не даешь. Денегъ у насъ больше нѣтъ: что же мнѣ дѣлать? Ну, я и утоплюсь; а ты, оставшись одна, навѣрняка догадаешься, что со мною будетъ лучше. Прощай, Дуня! Я буду ждать тебя!

И говоря эти слова, Шалтаевъ взялся за шапку.

— Образумься, образумься, Григорій Ильичъ! Вѣдь неужели же въ самомъ дѣлѣ намъ придется помирать съ голоду? Погоди немного, погоди, успокойся, Гриша; подумаемъ лучше — вѣдь все же есть какія нибудь средства.

— А накормишь меня сегодня ужиномъ? спросилъ условнымъ тономъ Шалтаевъ, держась все еще за ручку двери.

— Ну, накормлю, накормлю — останься только, не губи себя, Григорій Ильичъ.

Шалтаевъ машинально сбросилъ шинель и шапку и небрежно растянулся во весь ростъ на диванѣ. Цѣлые полчаса было молчаніе.

— Однако, не думаешь-ли ты, голубушка, обманывать меня?

Ты скажи мнѣ навѣрное, дашь ли ужинать или нѣтъ? А не то такъ я сейчасъ....

— Гриша, Гриша, вѣдь ты безбожникъ!

— Экую новость сказала! А развѣ и безбожники не ѣдятъ?

— Въ тебѣ нѣтъ ни религіи, ни совѣсти, Гриша; вѣдь самъ ты посуди, гдѣ же я возьму тебѣ сразу ужинъ? Вѣдь у меня нѣтъ ничего уже собственнаго. Одинъ единственный капотишка.

— Вонъ тебѣ на! гдѣ? Да гдѣ хочешь, тамъ и возьми. А не то, незачѣмъ было и обѣщать.

— Да вѣдь я думала спасти тебя, Гриша.

— А такъ и въ самомъ дѣлѣ, ты обманываешь меня? Ну, такъ прощай!

— Погоди, погоди, Григорій Ильичъ, милый мой, погоди: дай хоть подумать минуточку! Будетъ тебѣ ужинъ, слышишь-ли будетъ.

— Да что тебя слушать! Будетъ, да будетъ. Откудова ты возьмешь его? На Невскій что-ли пойдешь?

— Григорій Ильичъ!

— Ну, что-жь такое — Григорій Ильичъ? Григорій Ильичъ пойдетъ себѣ и утопится.

— Григорій Ильичъ я на все, на все согласна!... только Боже мой?... Невскій!...

— А что же такое Невскій? Невскій, если хочешь знать, это теперь единственный департаментъ, въ которомъ предстоитъ тебѣ служба....

— Григорій Ильичъ! Я честная женщина, у меня еще есть совѣсть.

— Ну да честью и совѣстью не наѣшься! Вѣдь вотъ захотѣла же бѣжать со мною, такъ и убѣжала; ну и теперь точно такъ же: захочешь кормить насъ обоихъ и — прокормишь!

— Григорій Ильичъ! да мнѣ объ этакой грязи совѣстно даже и слушать.

— Что тамъ за грязь? Грязь въ болотахъ, а на Невскомъ одни только цвѣты, да еще и какіе — чортъ ихъ побери!

— Такъ не ужели ты хочешь, чтобы и я сдѣлалась однимъ изъ Невскихъ цвѣтковъ?

— А право было бы не дурно! Были бы и сыты и веселы.

— А совѣсть-то, куда же упрятали бы?

— Я совѣсти твоей, милая, не понимаю. По моему совѣстно красть, драться, убить кого нибудь, — а все остальное до натуры касающееся исполнять вовсе не совѣстно.

— Я не понимаю тебя, Григорій Ильичъ!

— Я тебѣ говорю, что у меня никакихъ совѣстей не имѣется и что вѣрно и твоя послѣ того, какъ ты сегодня поѣшь со мною вкуснѣе — вѣрно и твоя спрячется въ желудокъ....

— Но однако и рѣшиться на это!... Боже мой! Могла-ли я вообразить себѣ это несчастіе!... И слезы заглушили голосъ Дуни.

— Что тамъ за рѣшимость? Надѣла бурнусъ и пошла; наденешь съ голыми карманами, а принесешь съ полными. Ты вѣдь красавица!

— Но это на твоей душѣ, Григорій Ильичъ, будетъ грѣхъ.... я рѣшаюсь....

— А, милая моя, на свою душу я охотно приму, знаешь-ли не только что всѣ твои грѣхи, да если хочешь, такъ вотъ и грѣхи всѣхъ тѣхъ псовъ, которыхъ я выкидалъ за окошко.

— И этакъ — этакъ упасть! произнесла чуть внятно въ рыданіяхъ Дуня.

— Теперь, душа моя, не скользко, не упадешь; да вотъ гляди ужъ и фонари зажигаютъ; — оно пожалуй бы время и отправиться.

Дуня, ничего не говоря, надѣла бурнусъ и вышла. Лице ее было блѣдно, всѣ члены дрожали и рука судорожно сжималась въ кулакъ. Она отправилась на Невскій.

ГЛАВА XI.

O gdybys mogla wiedziec moja droga
Iak mi ta chwila i nowa i bloga!

И вотъ наконецъ Иванъ Ивановичъ нашъ въ Петербургѣ. Ѣдетъ онъ съ Алексѣемъ Терентьичемъ по широкой прямой, чистой, мощеной улицѣ, которой впереди, кажись, и конца нѣтъ. Съ обоихъ сторонъ для пѣшеходовъ отхвачено въ улицѣ еще по узенькой улицѣ, огорожено столбиками и вымощено такъ гладко, какъ полъ. По обѣимъ сторонамъ возвышаются такіе огромные пятиэтажные дома, что у Алексѣя Терентьича два раза свалилась даже шапка, когда онъ хотѣлъ взглянуть на самую крышу. Но интереснѣе всего для нашихъ героевъ были петербургскія вывѣски. Особенно долго заглядывались оба они на вывѣски мелочныхъ лавочекъ съ вазами фруктовъ; не оставляли безъ вниманія и колбасныя; а Алексѣй Терентьичъ, какъ живописецъ самъ и истинный артистъ въ душѣ, съ одинаковымъ вниманіемъ разсматривалъ и прочія иныя вывѣски, даже не исключая и тѣхъ, на которыхъ находились однѣ позолоченныя буквы.

Герои наши подвигались медленно, отчасти потому, что кони ихъ были припѣшивши, а отчасти и потому, что на улицѣ было слишкомъ много идущихъ и ѣдущихъ. Къ тому же взачастую они и сами останавливались на улицѣ, чтобы разсмотрѣть какаго нибудь

важно шагающаго черкеса, или щегольскую коляску, запряженную парою коней — совершенно повидимому безъ хомутовъ.

— А вѣдь они-то тянутъ, значитъ, возжами, замѣтилъ Алексѣй Терентьичъ, приблизившись къ Ивану Ивановичу на такое разстояніе, что Савраска уже готовъ былъ положить голову на спину Пѣганки.

— Должно быть, что возжами; вѣдь и возжищи-то толстыя, словно канаты.

— А не спросить-ли мнѣ Иванъ Ивановичъ — чьи вонъ это все экипажи мимо насъ проѣзжаютъ; любопытно бы было освѣдомиться объ этой знатности?

— Спроси себѣ, Алексѣй Терентьичъ, только смотри не потеряйся и не отстань отъ меня.

— Эй, послушай любезный человѣкъ, обратился Алексѣй Терентьичъ къ городовому — скажи пожалуйста, чьи вонъ это проѣхали экипажи?

— А вотъ такихъ же заморскихъ чучелъ, какъ ты, оскалобившись отвѣчалъ городовой и высунулъ языкъ Алексѣю Терентьичу.

Алексѣй Терентьичъ сильно обидѣлся такою наглостью городоваго и молча спѣшилъ догнать Ивана Ивановича.

— Вотъ ужъ теперь Иванъ Ивановичъ я навѣрное знаю, что мы въ Питерѣ; отчасти по симъ высокоторжественнымъ домамъ о томъ заключаю, а отчасти и по самому человѣчеству. Непривѣтливое, знаете, и кичливое человѣчество.

— А что, развѣ тебя уже кто нибудь обидѣлъ здѣсь, Алексѣй Терентьичъ?

— Нѣтъ, обидѣть-то никто не обидѣлъ, но я можно сказать по самой физіономіи того городоваго, съ которымъ бесѣдовалъ, заключилъ, что у него самый бранчивый характеръ.

— Однако намъ надобно отыскать гдѣ нибудь гостинницу. Спроси-ка вонъ у этого купчика, Алексѣй Терентьичъ, онъ тебѣ покажетъ.

— Нѣтъ, Иванъ Ивановичъ, у этого тоже свирѣпая физіогномія; боюсь, чтобъ не облаялъ меня. Вотъ если спросите вы — это другое дѣло: снявши шапку отвѣтилъ.

— Эй, любезный! гдѣ здѣсь въ Петербургѣ этомъ преудобнѣйшая квартира, барскимъ тономъ и подбоченившись спросилъ Иванъ Ивановичъ у стоявшаго около воротъ дворника, котораго Иванъ Ивановичъ принялъ было за купца.

— Да такія вороны, какъ ты, у насъ на церквахъ все гостятъ, отвѣчалъ дворникъ, съ улыбкою разсматривая широкополую шляпу Ивана Ивановича.

— Какой, братецъ, ты злой человѣкъ! грустно произнесъ Иванъ Ивановичъ, глубоко огорченный дерзостью дворника; и, ничего не говоря, направился снова въ улицу.

— Эй, господинъ! Погодите, куда же вы? Да вѣдь наилучшая-то гостинница вонъ въ энтомъ-то домѣ и есть, гдѣ стою я, раздался снова сзади голосъ дворника.

Иванъ Ивановичъ повернулъ Пѣганку и дѣйствительно прочиталъ надъ воротами надпись «Гостинница, въ ходъ на лева отъ под-езда». Не размышляя долго, Иванъ Ивановичъ кивнулъ Алексѣю Терентьичу и оба герои въѣхали на дворъ гостинницы, съ входомъ налѣво.

Гостинница по убранству была еще наряднѣе, чѣмъ въ Вертиградѣ. Но Ивану Ивановичу нѣкогда было теперь заниматься разсматриваніемъ ея декорацій. Перекусивъ на скорую руку и приготовивъ три депозитки: красную, синюю и зеленую онъ тотчасъ же отправился къ властямъ. Такъ какъ городничаго, не смотря на самые тщательные разпросы Иванъ Ивановичъ въ Петербургѣ отыскать не могъ, то наконецъ, по совѣту извощика, объяснившаго ему, что начальникъ всей полиціи здѣсь не городничій, а оберъ-полиціймейстеръ, велѣлъ везти себя къ оберъ-полиціймейстеру. Войдя на лѣстницу, покрытую коврами съ зеркальными стѣнами и вызолоченными перилами, Иванъ Ивано-

вичъ почувствовалъ сильную робость и хотѣлъ было вернуться назадъ. Но въ это самое время какой-то франтъ, съ исполинскою цѣпочкою на часахъ, проходя мимо, такъ невѣжливо толкнулъ Ивана Ивановича, что онъ совершенно не понятнымъ образомъ, вдругъ очутился въ пріемной залѣ. Блескъ и роскошь убранства были такъ велики, что Иванъ Ивановичъ закрылъ глаза, задрожалъ всѣмъ тѣломъ и казалось терялъ сознаніе. И въ его сознаніи теперь обитало единственное намѣреніе — скорѣе улетучиться изъ оберъ-полицiймейстерской залы, съ потерею даже совершенно безвозвратно красненькой. И Иванъ Ивановичъ совершенно безсознательно полезъ за красненькою.

— Что вамъ угодно? звонкимъ теноромъ между тѣмъ спрашивалъ его дежурный офицеръ, на которомъ одного золота было больше, чѣмъ на всѣхъ петербургскихъ вывѣскахъ.

Иванъ Ивановичъ, принявъ золотаго офицера за оберъ-полицiймейстера, совершенно растерялся и могъ только сказать: виноватъ-съ, на счетъ съ жены—виноватъ.... похлопочите ваше высокопревосходительство. При этомъ въ дрожащихъ его рукахъ совершенно на виду, подобно флюгеру, трепетала красненькая.

— Швейцаръ! выведи его,—онъ помѣщанный! тѣмъ же теноромъ крикнулъ офицеръ. А деньги-то, чтобы вы не потеряли, позвольте мнѣ. Я сберегу ихъ и когда нибудь возвращу вамъ.

— Буду надѣяться и благодарить Господа! прошепталъ Иванъ Ивановичъ, сильно обрадованный такимъ оборотомъ дѣла; радъ радехонекъ, что вырвался благополучно (хотя съ ущербомъ въ десять рублей) велѣлъ онъ затѣмъ везти себя къ исправнику.

Битыхъ три часа возилъ его извощикъ по различнымъ улицамъ, розыскивая уѣзднаго исправника, но исправникъ все не находился. Наконецъ Иванъ Ивановичъ пришелъ къ заключенію, что таковаго вовсе не существуетъ въ Питерѣ, или что если существуетъ, то вѣроятно въ настоящее время онъ находится гдѣ либо въ уѣздѣ. Подумавъ этакимъ образомъ, онъ велѣлъ извощику

везти себя къ почмейстеру и почмейстеръ былъ розысканъ тотъ часъ-же. Этотъ почмейстеръ обиталъ въ домѣ о пяти этажахъ съ совершенно вызолоченною извнѣ стѣною, въ домѣ—у подъѣзда котораго стоялъ такого поразительнаго вида швейцаръ, что, только взглянувъ на него, Иванъ Ивановичъ уже почувствовалъ почти такой-же трепетъ, какъ и на оберъ-полиціймейстерской лѣстницѣ. Однако скрѣпившись душею и заранѣе вынувъ деньги, Иванъ Ивановичъ отважился войти въ сѣни. Но не успѣлъ онъ нагнуться, чтобы снять калоши, какъ вдругъ надъ его головою раздался громоподобный голосъ ужаснаго швейцара. «Ишь грязи-то, на несъ мокроступа деревенская — метлою не вычистишь. Кого тебѣ надо?»... ревѣлъ швейцаръ, надувая изъ всей мочи свои щеки, при чемъ бакенбарды его растопырились въ обѣ стороны, какъ птичьи крылья и рубецъ, находящій на носу, налился кровью. Прорѣвевши, ужаснаго вида швейцаръ крякнулъ и ударилъ отъ негодованія булавою о полъ. Иванъ Ивановичъ искоса посмотрѣлъ на булаву — она была чертовски толста и казалась страшнѣе самаго швейцара. Въ виду всего этого и подъ вліяніемъ какого-то паническаго страха, Иванъ Ивановичъ не нашелъ въ настоящую минуту ничего лучшаго сдѣлать, какъ всунуть трехрублевку въ руку швейцара. Швейцаръ крякнулъ нѣсколько нѣжнѣе, но замѣтивъ, что у Ивана Ивановича осталась еще пятирублевая, прищурился, потомъ снова надулся и безъ церемоніи прорычалъ «давай-ка и ту, а не то такъ я те!...» Иванъ Ивановичъ услышавъ, что голосъ швейцара снова сдѣлался громоносным, не говоря ни слова отдалъ и пятирублевую ему и хотѣлъ было снять шинель, чтобы пойти къ самому почтмейстеру.

— Да его дома нѣтъ, прорычалъ швейцаръ.

— А когда-же они пожалуютъ домой?

— Завтра.

— Ну, такъ я завтра и пожалую, не безъ удовольствія про-

изнесъ Иванъ Ивановичъ, довольный тѣмъ, что хотя отдалилъ срокъ щекотливаго свиданія съ столичнымъ почмейстеромъ.

— Только, чтобъ грязи на ногахъ не было; а то я не впущу, проревѣлъ швейцаръ.

Иванъ Ивановичъ ничего не отвѣчалъ, но поспѣшно надѣвъ свою шинель и калоши, робко пробѣжалъ мимо швейцара и велѣлъ везти себя въ гостинницу, съ входомъ налѣво. Какъ не мудрено было извощику найти гостинницу, съ такимъ страннымъ названіемъ, однако онъ ее нашелъ. И Иванъ Ивановичъ, придя въ свой номеръ, тотъ-часъ-же велѣлъ половому подать себѣ обѣдать и объявилъ Алексѣю Терентьичу, что его замѣчаніе на счетъ непривѣтливости петербургскихъ жителей совершенно справедливо.

— А развѣ васъ кто нибудь обидѣлъ, Иванъ Ивановичъ, спросилъ Алексѣй Терентьичъ.

— Нѣтъ обидѣть-то не обидѣлъ никто, но я по лицу, можно сказать, ясно видѣлъ, что тѣ люди, съ которыми бесѣдовалъ, готовы были меня обидѣть. Ну, да Богъ съ ними!—Теперь лучше призаймемся-ка обѣдомъ.

Пообѣдавъ, Иванъ Ивановичъ прилегъ отдохнуть и пропочивалъ до самаго вечера. Когда онъ проснулся, то было уже такъ темно, что на улицахъ начинали зажигать фонари. Иванъ Ивановичъ, отъ роду не видавшій газоваго освѣщенія, сильно интересовался устройствомъ фонарей и силою изливаемаго ими свѣта и потому рѣшился до чаю немножко прогуляться. Вышелъ и отправился прямо на Невскій.

А на Невскомъ въ эту пору уже выпорхнули бабочки легкаго поведенія и тѣ франты, которые половину своего здоровья и денегъ издерживаютъ на содержаніе этихъ бабочекъ. Впрочемъ роскошь наряда какъ тѣхъ, такъ и другихъ была столь изысканная, что Ивану Ивановичу и въ голову не пришло считать ихъ по профессіи; а напротивъ, онъ думалъ, что именно въ эту-то пору и начинаетъ прогуливаться аристократія Питера. Только

тогда онъ усумнился въ своемъ предположенiи, когда три сильфиды, будучи въ веселомъ расположенiи духа, надѣлили его такими побранками, какiя одни только русскiе извощики произносятъ съ наслажденiемъ. Эти три сильфиды, взявшись за руку, танцовали по тротуару мазурку и чуть не сбили съ ногъ Ивана Ивановича, именно въ ту самую минуту, когда онъ хотѣлъ имъ раскланяться. Однако оскорбленное самолюбiе Ивана Ивановича было побѣждено закравшимся вдругъ въ его сердце любопытствомъ и онъ прибодрясь, пошелъ далѣе. Герои Невскаго въ всевозможныхъ нарядахъ и всевозможными запахами духовъ и помадъ мелькали передъ нимъ. Бабочки, охваченныя газовымъ полусвѣтомъ, пархали въ сумракѣ изъ рукъ одного героя въ руки другаго, весело смѣялись и улыбались весьма привѣтливо всякому, но особенно искренне тѣмъ, у которыхъ висѣла толстая отъ часовъ цѣпочка. Къ сожалѣнiю Ивану Ивановичу не одна изъ нихъ не улыбнулась, а напротивъ многiя корчили гримасы, высовывали ему языкъ, а нѣкоторыя даже надѣляли его побранками. Но не смотря на все это, Иванъ Ивановичъ съ геройскимъ самоотверженiемъ продолжалъ идти далѣе и все таки засматривалъ подъ шляпки.

Вдругъ ему встрѣтилась Дуня....

— Дуня! Дунюшка! А вѣдь это я—Иванъ Ивановичъ, твой... шепотомъ проговорилъ Иванъ Ивановичъ. Проговорилъ и остолбѣнѣлъ отъ изумленiя.

Но Дуня не замѣтила Ивана Ивановича и прошла мимо.

Простоявъ нѣсколько минутъ въ оцѣпененiи, Иванъ Ивановичъ вдругъ повернулся назадъ и въ припрыжку пустился догонять Дуню. Онъ вскорѣ отличилъ ее въ толпѣ гуляющихъ, но какой-то гусаръ уже склонялся къ ея уху.

— Дуня, Дунюшка моя! Да вѣдь и я здѣсь; слышишь-ли, Дуня! кричалъ Иванъ Ивановичъ еще изъ-далека.

Дуня быстро обернулась: ея сердце словно ковырнуло ножемъ, когда она заслышала знакомый ей голосъ.

— Дунюшка, Дунечка, Дуня моя — это вѣдь я, Иванъ Ивановичъ твой!.. И съ этими словами онъ бросился на шею Дунѣ; слезы хлынули изъ его глазъ ручьями.

Дуня стояла блѣдная, какъ смерть; глаза ея были заплаканы, грудь высоко волновалась. Казалось, она не понимала себя въ эту минуту.

— Дунюшка, дружечекъ, пойдемъ скорѣе ко мнѣ на квартиру, милая моя, а то этотъ гусаръ.... Иванъ Ивановичъ въ боязни за Дуню даже не договорилъ своихъ словъ; онъ прямехонько тащилъ Дуню за руку къ гостинницѣ, со входомъ налѣво. Дуня машинально за нимъ слѣдовала и молчала, словно убитая.

— Здорова-ли ты, милая моя, несравненная Дуня? спрашивалъ Иванъ Ивановичъ, усаживая Дуню въ своей квартирѣ на диванъ.

Но Дуня быстро поднялась, зарыдала и упала къ ногамъ Ивана Ивановича; губы ея что-то несвязно шептали и только одно «прости, прости» можно было слышать изъ всѣхъ ея словъ. Иванъ Ивановичъ самъ тоже зарыдалъ и упалъ къ Дунѣ на полъ.

— Милая моя, голубушка моя, жизнь моя, Дуня! Не вспоминай больше объ этомъ, не вспоминай ради самаго Бога! Я все, все прощаю тебѣ, моя милая, слышишь?—Все, только не вспоминай и успокойся, моя радость! Съ этими словами Иванъ Ивановичъ началъ покрывать лицо Дуни поцѣлуями. А та между тѣмъ цѣловала руку Ивана Ивановича.

Вставши съ земли, супруги были, повидимому, совершенно примирены другъ съ другомъ. Добрыя сердца ихъ неспособны были ни къ злобѣ, ни къ мести: они кажется и бились въ этомъ мірѣ только для любви, для взаимнаго счастья. Лица ихъ сіяли радостью и они привѣтливо улыбались другъ къ другу.

— Ну, милая моя, уѣдемъ же теперь скорѣе отсюда; мое сердце все изныло по тебѣ, моя радость, и по Каганцахъ нашихъ.

— Милые Каганцы!... Голубчикъ, Иванъ Ивановичъ, уѣдемъ

скорѣе въ Каганцы! Уѣдемъ, моя радость, скорѣе изъ этого Петербурга.... скорѣе, скорѣе!...

Такъ разговаривали супруги, попивая чай.

И дѣйствительно на слѣдующее утро по Псковской дорогѣ изъ Питера выѣхала крытая телѣжка. Въ корню былъ запряженъ Савраска, а на пристяжкѣ Пѣганка. На козлахъ сидѣлъ Алексѣй Терентьевичъ и въ кибиткѣ Иванъ Ивановичъ и Авдотья Парамоновна.

Черезъ мѣсяцъ всѣ очутились на родинѣ и снова тихо и безмятежно потекла жизнь Ивана Ивановича съ Дунею; тихо и безмятежно до самой могилы, словно вода широкой и покойной рѣки.

ГЛАВА XII.

Thou, whose mental eye is keen
But to pierce the husks of things
Learn, that bees were never seen
Gathering honey with their stings

Долго, поворачиваясь съ боку на бокъ, поджидалъ Дуни Шалтаевъ; наконецъ уже и двѣнадцать часовъ пробило гдѣ-то за стѣною, а ее все еще не было. «Гмъ! должно быть счастье повезло»! подумалъ про себя Шалтаевъ, и повернулся къ стѣнѣ съ окончательнымъ намѣреніемъ заснуть. Но сонъ долго не приходилъ къ нему. Какъ у очень сытаго, такъ и у очень голоднаго человѣка воображеніе всегда сильно напряжено; изъ этого понятно, почему легшему безъ ужина всегда снятся цыганки. А Шалтаевъ нашъ въ этотъ день не только что не ужиналъ, но даже почти и не обѣдалъ; поэтому не мудрено, что ему въ голову лезла всякая дрянь и кромѣ цыганокъ. Кабаньи морды, колбаса, различнаго вида и цвѣта бутылки, разнаряженные куличи, Николаевскій мостъ и подъ нимъ мутная вода и т. д. — Все это вертѣлось передъ нимъ въ какомъ-то хаосѣ не то на яву, не то во снѣ. Порою слышно было даже, какъ онъ ворчалъ, произносилъ бранныя слова и плевалъ въ сторону и только передъ самымъ свѣтомъ эти звуки смѣнились изряднымъ храпѣніемъ. Однако и похрапѣлъ онъ не долго. Въ этотъ именно день оканчивался мѣсячный срокъ арендуемой имъ квартиры и хозяинъ чуть свѣтъ началъ ломиться въ двери.

Шалтаевъ проснулся и впустилъ его.

— Изволите оставаться еще на мѣсяцъ, или можетъ переходить будете? спросилъ у Шалтаева хозяинъ.

— Остаюсь, отвѣчалъ тотъ.

— Такъ нельзя-ли ужъ насчетъ деньжонокъ-съ; нужды, знаете, разныя.

— А за что вамъ деньги?

— Да за мѣсяцъ впередъ, за квартиру.

— Ну а вы мнѣ впередъ за годъ за жену заплатите.

Хозяинъ выпучилъ глаза.

— Да-съ, именно за годъ впередъ, пока я розыщу ее. Изъ вашей, вотъ именно изъ этой комнаты она бѣжала отъ меня.

— Помилуйте! — развѣ я причиною?

— А разумѣется вы. Вы и ее и воровъ подговорили; наконецъ въ вашей этой комнатѣ я лишился всей моей собственности.

— Да вѣдь вы, кажется закладывали ваши вещи?

— Половину закладывалъ, а половина чортъ знаетъ, куда дѣлась; за эту половину вотъ и будете вы отвѣчать.

— Помилуйте! что же это за резоны этакіе?

— А такіе резоны, что я хочу ѣсть и вы мнѣ на глаза не попадайтесь, а то, знаете, я безъ церемоніи....

И при этихъ словахъ Шалтаевъ щелкнулъ зубами.

Испуганный хозяинъ опрометью пустился къ квартальному. Между тѣмъ Шалтаевъ отъ голода и отъ побѣга Дуни приходилъ все больше и больше въ изступленіе. Онъ бѣгалъ по комнатѣ, ломалъ себѣ пальцы, до крови изгрызъ губы и наконецъ началъ швырять изъ угла въ уголъ всѣ попадавшіеся ему подъ руки предметы. Въ это самое время на лѣстницѣ послышались дискантъ хозяина и басъ квартальнаго. Не долго думая, Шалтаевъ схватилъ шапку и бросился къ окну. Въ мгновенье ока онъ высадилъ раму и полетѣлъ внизъ....

Быть можетъ намъ пришлось бы и разстаться съ Шалтаевымъ,

если бы во время его паденія не провозилъ мужикъ мимо окна возъ метелъ. Случилось такъ именно, что вмѣсто того, чтобы разбиться въ дребезги о мостовую, Шалтаевъ преблагополучно очутился на мягкихъ березовыхъ прутикахъ, которые только подкачнули его, словно рессоры. Мужикъ въ изумленіи остановился и разсуждая, что ему дѣлать, полезъ въ карманъ за табакомъ; а Шалтаевъ, увидя это, тоже протянулъ съ воза внизъ руку и попросилъ табачку. Оба понюхали.

— Такъ значитъ, началъ мужикъ, ты господинъ почитай что сажени три летѣлъ?

— Ну, ну, вези братецъ, не разсуждай!

— Да куда же повезу-то я тебя? Вѣдь ты господинъ—не метла; за тебя и копѣйки никто не дастъ.

— Вези, тебѣ говорятъ, а не то всѣ зубы выколочу!

Выраженіе лица и жесты Шалтаева были на столько внушительны, что мужикъ, не говоря ни слова, ударилъ поклячѣ. Но когда, проѣхавъ весь средній проспектъ, онъ завернулъ по первой линіи на набережную, Шалтаева на возу уже не было.. .

Шалтаевъ въ это время уже брелъ по Петербургу прямо на ту темную дорогу, по которой тысячи у насъ бродятъ безъ кола, безъ двора—оборванные, голодные и все-таки бродятъ. И эта дорога, какъ она ни мрачна, какъ ни пошла—была единственною для нашего героя; была единственною для него потому, что была широка, привольна и безъ заставъ.

И повелъ онъ бродячую жизнь гдѣ день, гдѣ ночь, гдѣ кусокъ хлѣба, гдѣ толчокъ. Порою можно было его встрѣтить блѣднаго, изнуреннаго, съ волчьими глазами гдѣ нибудь въ тѣсномъ переулкѣ города, дрожащаго отъ холода; порою же онъ показывался съ разрумяненнымъ лицемъ и такою заносчивою манерою и злобнымъ выраженіемъ въ лицѣ, что у кроткихъ старухъ дѣлались корчи при одномъ только на него взглядѣ. Иногда же про-

ходили цѣлые мѣсяцы и герой нашъ вовсе не показывался на вольный міръ. Такъ прошло нѣсколько лѣтъ.

И этотъ свѣтъ былъ для него теперь уже чуждымъ; онъ почувствовалъ себя въ немъ совершенно одинокимъ. Ни одного товарища по университету не встрѣчалъ онъ уже на улицахъ: всѣ они, какъ благородные граждане, служили родинѣ; но и тѣ, которыхъ онъ встрѣчалъ иногда—не узнавали его. Даже и знакомыхъ не имѣлъ онъ въ этомъ непривѣтливомъ, пасмурномъ городѣ. Казалось ему, что все окружающее, и люди, и природа чуждались его. Весь міръ забылъ его и онъ одинъ остался въ этомъ мірѣ съ чувствами жолчи и печали, которыя яростно бродили въ душѣ его; и онъ чаще и чаще началъ прохаживаться къ Невѣ и, казалось, съ наслажденіемъ вглядывался въ глубокую и мутную воду ея...

Вдругъ, подходя разъ къ Николаевскому мосту, онъ услышалъ громко произнесенную сзади кѣмъ-то свою фамилію—оглянулся и попалъ въ объятія. Закадычный товарищъ его дѣтства—малороссійскій другъ стоялъ передъ нимъ; стоялъ и ничего не спрашивалъ у Шалтаева....

— Куда такъ ѣдешь, братецъ?

— Домой; — поѣдемъ вмѣстѣ Григорій? Отдохнешь ты въ Малороссіи.

Шалтаевъ изъ-подъ лобья взглянулъ на друга.

— Эй, не думай братецъ! Садись-ка, я вѣдь прямо на вокзалъ.

— Ладно, процѣдилъ сквозь зубы Шалтаевъ и полезъ на дрожки. «Вотъ оно какъ! подумалъ онъ потомъ про себя; этотъ филилей и скучать безъ меня не умѣетъ; впрочемъ поѣсть малороссійскихъ арбузовъ я не прочь»!..

Черезъ нѣсколько недѣль послѣ описаннаго случая, противъ каганцовскихъ воротъ остановилась почтовая телѣжка. Одинъ изъ пассажировъ спросилъ что-то у встрѣтившейся бабы и та махнула ему рукою на кладбище,—пассажиръ сошелъ.

А тамъ подъ кудрявою рябиною виднѣлись другъ возлѣ друга двѣ могилы. Привѣтливо шумѣли надъ ними вѣтви деревъ и густыя темныя ели цѣлый день осѣняли ихъ. Шалтаевъ скоро отыскалъ эти могилы; сталъ возлѣ креста, сложилъ руки на груди и долго молчалъ, глядя на землю.

— Да, заговорилъ онъ наконецъ, я хотя и нагадилъ вамъ, но вы были добрые люди; за то вы и гніете теперь такъ же покойно, какъ жили. А я?... Чортъ возьми! Я и жить-то не умѣю толкомъ. Во мнѣ все шиворотъ на выворотъ: жизнь — пошлость, самъ я весь—отрицаніе, и только на одномъ сердцѣ есть что-то уменя положительное — да и то лишь одинъ мракъ, тяжелый мучительный мракъ!...

КОНЕЦЪ.

1-50 No cover for this

THE LIBRARY OF CONGRESS

THE LIBRARY OF CONGRESS

